

Мистический
роман

Стивен Кинг
СВЕЧЕНИЕ

СТИВЕН КИНГ

СВЕЧЕНИЕ

РОМАН

Книга вторая

Вильнюс

«ПОЛИНА»

1993

При участии фирмы «Русич», г. Смоленск

Выпуск первый

Перевели с английского:

Николай Агаянц — главы 26—37;

Павел Зарифов — главы 38—48;

Шалва Куртишвили — главы 49—58.

К $\frac{4703040100}{1993}$ Без объявл.

© Издательство «ПОЛИНА», 1993 г.

ISBN 5—89942—242—4

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

Глава 26

В ЦАРСТВЕ ГРЕЗ

От вязания ее всегда клонило в сон. Сегодня даже Барток и тот действовал на нее усыпляюще, хотя это был совсем не Барток, а Бах с пластинки, что крутилась на их маленьком проигрывателе. Руки Уэнди двигались все медленнее и медленнее. (В это самое время их сын Дэнни знакомился с 217-м номером.) Она так и заснула с вязаньем на коленях. Клубок шерсти и спицы мерно вздымались в такт ее дыханию. Ее сон был глубоким. Без всяких видений.

* * *

Джек Торренс тоже заснул, провалился, но его сон был беспокойным: он видел картины прошлого, настолько яркие и живые, словно все происходило в действительности.

Его голова отяжелела, глаза начали слипаться, когда он продирался через сотни счетов за молоко. Джек внимательно просматривал их, боясь упустить что-то очень важное, то, что может стать ключом к пониманию истории «Оверлука», задуманной им «Оверлукианы». Он чувствовал себя человеком, который, держа эле-

ктрический шнур в руке, пытается нащупать в абсолютной темноте розетку. Если он найдет ее, то все наконец будет в порядке.

Он по-новому стал воспринимать звонок Эла Шокли и его просьбу. Странное происшествие на игровой площадке помогло ему. Он был близок к нервному срыву и теперь убежден, что все это явилось реакцией протеста на требование Эла оставить мысль о книге. Может быть, это был сигнал? Знак, чтобы Джек не поступался своим «я», не мирился с оскорблениями и издевательствами напыщенных самодовольных снобов. Ему грозили, что если он ослушается, то будет попросту смят, раздавлен... Нет, джентльмены, Джек Торренс обязательно напишет свою книгу! Чего бы это ему ни стоило! Если она приведет к разрыву в отношениях с Элом Шокли, черт с ним! Пусть так и будет. Он расскажет обо всем без утайки. А в качестве вступления даст фантастическую картинку того, что случилось на игровой площадке. Галлюцинацию об оживших зверях из живой изгороди. Класс! Заглавие будет не слишком затейливым, но эффектным: «Станный курорт. История отеля «Оверлук». Обо всем без утайки. Да! Но никакой мстительности, никаких попыток кого-нибудь задеть, уколоть, уесть. Эла, Ульмана, Джорджа, Хэтфилда с его папашей (жалким пьянчугой) или еще кого-нибудь. Он напишет свою книгу потому, что «Оверлук» буквально захватил его. Разве нужны другие объяснения? Он напишет эту книгу, потому что чувствует — он должен, должен ее написать! Вот так-то.

«Пятьсот галлонов цельного молока. Сто галлонов обезжиренного. Триста фунтов апельсинового сока»... Что за мура! Он поудобнее устро-

ился в шезлонге, все еще сжимая в руках пачку глупых бумажек. Но Джек уже не смотрел на то, что там написано. Его глаза разфокусировались, веки отяжелели. Его мысли от «Оверлука» перескочили вдруг к воспоминаниям об отце, который работал санитаром в берлинском госпитале. Большой толстый человек, под два метра ростом. Он был выше Джека, даже тогда, когда тот вырос до 186 сантиметров. «Маленький поросенок», — говорил он, смеясь, беря сына на руки.

Кроме Джека, в семье были еще два брата, верзилы повыше отца, и сестра Бекки. До семи лет Джек обожал своего огромного, пузатого папу, несмотря на его грозно вращающиеся иссиня-черные (чаще черные) глаза, внушавшие другим членам семьи страх и чувство, похожее на ненависть.

Он вспомнил блаженную далекую пору детства. Бархатные вечера. Тихий дом. Старший брат, Бретт, ушел куда-то со своей девчонкой, средний — Майк сидит за учебниками. Бекки с мамой — в гостиной у старенького телевизора. А он, Джек, рядом в пижаме играет со своими машинками, весь в ожидании, когда тишину нарушит хлопанье входной двери и раздастся громовой голос папаши Торренса. Тот не скрывает радости, что Джек так ждет его. И Джек радуется при виде своего огромного отца, похожего в белых госпитальных одеждах на привидение. Он возьмет младшего сына на руки и начнет его быстро-быстро вращать. «Пропеллер! Пропеллер!» Мальчику кажется, что тугие струи воздуха вот-вот унесут его сейчас ввысь, к потолку. Как-то, когда отец уже стал крепко выпивать, он не удержал сынишку, и тот грохнулся на пол.

Слава Богу, все обошлось синяками. Потом уж отец лишь подбрасывал Джека вверх, а затем усаживал сына на колени, дыша на него перегаром и посмеиваясь.

Бумаги выпали из рук Торренса и, кружась, упали на сырой грязный каменный пол. Его веки приоткрылись и вновь захлопнулись. Он вздрогнул и опять погрузился в созерцание картин далекого прошлого. Желтые хрупкие листки извещений, счетов и рецептов, словно опавшие листья, лежали у его ног.

Это был первый этап отношений с отцом. Безмятежный и радостный. Позже он узнал, что его братья и сестра ненавидят старину Торренса, а его мама, тихая, невзрачная женщина, страдала и сносила все, потому что ее католическая вера требовала послушания. В те печальные дни он убедился, что единственным аргументом отца в разговорах с близкими был кулак, а его собственная любовь к буйному родителю смешалась с постоянным страхом: вдруг ему снова придет в голову играть в «пропеллер» и он уронит его на пол; его пугало, что отец от шуток переходил к угрозам; начинал ни с того ни с сего бросаться на своих близких. В ту пору Джек заметил, что Бретт больше не приводит в дом свою девушку, а Майк и Бекки — друзей.

Любовь стала прокисать и потихоньку испаряться после того, как отец поколотил матушку и ее пришлось уложить в госпиталь. Прегнуснейшая приключилась история! Отец после дорожного происшествия, в которое попал, столкнувшись с грузовиком молочника, стал хромотать и приобрел себе массивную трость. Длинную, черную, с золотым набалдашником. Он нигде не появлялся без нее...

Даже сейчас, во сне, Джек вздрогнул, услышав свист рассекаемого воздуха, звук глухого удара, обрушившегося на живую плоть. Отец в ту пору избивал мать без всякого повода, без предупреждения. Но такого еще не было! В тот раз они все сидели за обеденным столом. Трость, как всегда, стояла подле кресла отца. Был воскресный вечер, конец уик-энда, во время которого старина Торренс пил беспробудно. Мама приготовила жареных цыплят, бобы, картофельное пюре, пирог с яблоками. Отец возвышался во главе стола, прикрыв глаза, будто подремывая. Вдруг он встrepенулcя, обвел всех тупым невидящим взглядом. Мать в это время наполняла тарелки. Отец продолжал таращиться на домочадцев. На лбу у него вздулась жила — признак нарастающего гнева, глаза налились кровью. Рука легла на набалдашник трости, поглаживая его. Он промышчал что-то насчет кофе. (Джек и сейчас убежден, что прозвучало именно слово «кофе».) Мать открыла рот, чтобы что-то сказать, как вдруг трость просвистела в воздухе и обрушилась на лицо бедной женщины. Из ее разбитого носа потекла кровь. Мамины очки раскололись и упали в пюре и в подливку. Бекки закричала. Трость вновь взлетела вверх. Удар пришелся по голове, мама рухнула на пол как подкошенная. С неожиданной для громоздкого толстого человека резвостью отец выскочил из-за стола и подошел к распростертой на полу маме: «Иди, прими свое лекарство, чертова кукла! Иди, иди, сука!» — кричал он иступленно, продолжая колотить бедную женщину тростью. Бретт и Майк бросились к матери на помощь, оттащили отца из столовой и вырвали из его рук трость.

(Маленький Джеки — а сейчас он вновь был маленьким Джеки — ерзал, стонал, корчился в старом шезлонге в подвале отеля «Оверлук», а позади него под большим обогревательным котлом зло гудела печка.)

Он точно запомнил, сколько было ударов — семь! Семь раз раздавался этот страшный звук — «шмяк». Ни больше. Ни меньше. Это зафиксировано в его мозгу, в его сердце. Они с Бекки громко плакали, глядя на мамины очки, плававшие в соусе, и стекла, упавшие в пюре. Бретт в дальней комнате кричал отцу, что убьет его, если тот сдвинется с места. В ответ раздавалось пьяное бормотание: «Будьте прокляты, ублюдки! Отдайте мою трость! Дайте мне ее!» Бретт, задыхаясь от гнева, рычал: «Я дам тебе сейчас, только двинься! Одну трость, две, сколько хочешь? Я тебе врежу». Мама поднялась на ноги. На нее было страшно смотреть: лицо, распухшее и перекошенное, как старая крышка. Она произнесла жуткую фразу — Джек запомнил ее на всю жизнь: «Кто взял газеты? Папа хочет читать. А, скажите, дождь идет?» Потом она снова повалилась на пол. Она стояла на коленях, растрепанные волосы падали на кровоточащее лицо.

Майк звонил доктору: «Приезжайте, пожалуйста! Несчастный случай. С матерью. Могли бы вы приехать немедленно? Ну, пожалуйста! Я не могу объяснить это по телефону. Мы ждем вас». Доктор приехал и сразу отправил маму в госпиталь. В тот самый, где отец столько лет проработал санитаром. Папаша моментально протрезвел (или со свойственной таким людям звериной хитростью прикинулся трезвым) и сказал, что жена, оступившись, упала с лестницы.

А кровь на скатерти оттого, что он стал вытирать ее разбитое лицо.

«А очки летели из гостиной в столовую, чтобы приземлиться в подливку и картофельное пюре, — мрачно съязвил доктор. — Так все и было, как рассказывает ваш папаша?» — спросил он, обращаясь к Майку. Отец сказал, что очки, возможно, упали, когда он притащил жену в столовую, чтобы обтереть ее лицо. Все четверо детей окаменели от такой беззастенчивой лжи. Через четыре дня после этого случая Бретт бросил работу на заводе и завербовался в армию (их мама, положив руку на Библию, подтвердила версию отца), и возмущенный Бретт ушел, куда глаза глядят. Лишь бы подальше. Его убили в провинции Донг Хо в 1965-м, в том самом году, когда Джек Торренс в колледже вместе с другими студентами стал активистом борьбы за окончание «грязной войны» во Вьетнаме. Он размахивал на митингах окровавленной рубашкой Бретта, но не лицо брата стояло перед ним, когда он выступал, а ужасно распухшее лицо матери и вопрос: «Кто взял газеты?»

Еще через три года уехал учиться в другой штат Майк. А еще через год от инфаркта скончался их отец. Смерть произошла в тот момент, когда он готовил пациента к операции. Еще через три дня кумира Джека, это огромное «белое привидение», закопали на кладбище. На могильном камне было выбито: «Марк Энтони Торренс. Любящий муж и отец». Джек добавил бы к этой надписи еще строчку: «Он знал, как играть в пропеллер».

Им досталась довольно крупная сумма от страховки. Есть люди, что вкладывают свои деньги в страховку, как другие — в монеты

и марки. К этой категории относился и Марк Энтони Торренс. Его доллары поступили в тот самый день, когда к Торренсам перестали приходиться счета за выпивку и полицейские штрафы. Пять лет они были богаты. Почти богаты.

В нервном, дерганом сне Джек увидел себя — маленький мальчик с широко открытыми глазами и плотно сжатыми губами играет с машинками. Он ждет «белое привидение», своего кумира, который скоро придет, возьмет его на руки и станет «крутить пропеллер», распространяя запах пива, виски, рома — Бог еще знает чего!

Видение трансформировалось в Дэнни, так похожего на своего отца. Только у сына были серые глаза, а у Джека голубые. Но нос, губы, подбородок! Дэнни забрался к нему в кабинет и опрокинул стакан пива на рукопись. Его рукопись! Он хватает его за руку, тащит, чтобы отшлепать, и слышит свой пьяный голос: *«Дэнни! С тобой все в порядке? Господи, твоя бедная ручка!»*

Теперь Дэнни трансформируется в маму. Она с трудом поднимается с пола. Лицо распухшее, окровавленное. Она говорит: «Я получила важное сообщение. Важное сообщение от твоего отца. Настройся на нужную частоту. На частоту Счастливчика Джека. Это сообщение будет передаваться по всем станциям...»

Вдруг все смолкло и раздались чужие, непонятные голоса: *(Все идет, как нужно, милый Томми...)*

(Милый! Ты здесь? Ты хочешь меня обнять?)

(Я, спящая, одна брожу опять)

(Это — человеческие чудовища, которых я боюсь)

(Извините, мистер Ульман, вам не кажется...)

Джек вдруг ясно увидел кабинет Ульмана. Огромный письменный стол. Бланки для гостей. Книга регистраций на следующий год. Все на месте. Все ключи висят на положенном месте.

(Кроме одного. Какого же нет? Нет отмычки. Кто мог ее взять? Нужно подняться сейчас же наверх и все проверить.)

Их приемник-передатчик на своей полке. Он включает его. Сквозь шорохи и скрипы, музыку, прогноз погоды, сладкое бормотание священника, читающего молитву, он слышит голос отца:

— ...убей его! Ты должен убить его, Джеки. И ее тоже. Потому что настоящий художник, настоящий талант должен пройти через страдания, через нечеловеческие муки. Потому что они сговариваются за твоей спиной, хотят тебя отвлечь, отвести от главного. Они ни во что не ставят тебя. Вот сейчас, в эту минуту, твой сын делает то, что ему не позволено. Он там, где ему запрещено быть. Нарушает данное тебе обещание, вот что он делает. Он — маленькое дерьмо. Ты должен отхлестать его тростью. Как следует, чтоб он запомнил это на всю жизнь. Выпей, выпей, Джеки, сыночек мой, и мы сыграем в «пропеллер». И я пойду потом с тобой, чтобы посмотреть, как ты будешь давать лекарство этому маленькому ублюдку. Я знаю, ты можешь это сделать и ты это сделаешь. Ты должен, обязательно должен убить его, Джеки. И ее. Потому что каждый артист должен страдать, потому что каждый мужчина...

Голос отца звенел, поднимался до визга, звучал и звучал из радиоприемника.

«Нет! — закричал Джек. — Ты давно мертв, ты лежишь в своей могиле». Его нет. Он давно выкинул память об отце, выкинул из своего

сердца и не станет возвращаться к прошлому. В Новую Англию. В их город, где Марк Энтони Торренс прожил всю свою жизнь и умер. Джек схватил рацию с полки, где та стояла, и грохнул ее об пол. Во все стороны полетели какие-то лампочки, пружинки, конденсаторы, проволоочки. Голос отца исчез. Остался его собственный. Голос Джека. Торжествующий, грозный?

— *Ты мертв! Ты мертв! Ты мертв!*

Потом стук каблучков Уэнди и ее испуганный крик: «Джек!!!»

Он стоял, тупо уставившись на обломки приемника-передатчика. Ну вот, теперь остался только снегоход. Единственное средство, которое способно связать их с внешним миром. Он протер глаза. У него снова начиналась безумная головная боль.

ОЦЕПЕНЕВШИЙ

Уэнди сбежала в вестибюль на негнущихся одеревеневших ногах. Она даже не взглянула на покрытую дорожкой лестницу, что вела на третий этаж. А если бы взглянула, то увидела бы стоящего наверху, на лестничной площадке, Дэнни. Взор его был отсутствующий. Мальчик стоял молча, засунув палец в рот. Воротник и плечи его легкой фланелевой рубашки намокли.

Крики Джека стихли, но страх у Уэнди от этого не ослаб. Разбуженная голосом мужа, она, все еще оставаясь во власти сна, понимала, что уже бодрствует, и осознание этого только усилило ее страх. Ей показалось, что если она сейчас войдет в кабинет, то обязательно увидит там пьяного, растерянного мужа рядом с распростертым телом Дэнни. Она толкнула дверь. Перед ней в центре комнаты стоял Джек, сжав виски руками. Лицо его было мертвенно-белым. На полу валялся разбитый вдребезги гостиничный приемник-передатчик.

— Уэнди? Уэнди? Это ты? — неуверенно проговорил Джек.

Замешательство росло, давило немилосердно. На какой-то момент она увидела истинное лицо мужа. То, что обычно было скрыто от посторонних глаз, — лицо вконец несчастного человека, напоминавшее искаженную болью морду зверя, попавшего в западню, из которой уже никогда не выбраться. Безднадежность и отчаяние сквозили в этом облике, похожем на маску. Но вот мышцы пришли в движение, губы дрогнули, кадык заходил вверх-вниз, вверх-вниз.

Уэнди была близка к обмороку от потрясения: казалось, что Джек сейчас расплачется. Она видела его плачущим и раньше, но никогда после того, как муж бросил пить. Да и в пору запоев это случалось не часто. Только если он уж очень был пьян и взбудоражен, если его мучили угрызения совести. Джек был сильным, крепким, как камень, мужчиной. То, что он совершенно потерял сейчас над собой контроль, испугало Уэнди неимоверно.

Он приблизился к ней. Слезы повисли на нижних ресницах. Его била дрожь. Джек тряс головой, будто хотел освободиться от какого-то наваждения. Из его груди вырвался стон, похожий на рыдание. Он шагнул, с хрустом давя остатки приемника, и буквально рухнул в ее объятия. Уэнди невольно подалась назад под тяжестью обмякшего тела. Он дышал ей прямо в лицо, но запаха алкоголя она не почувствовала. Разумеется, нет! Ведь в отеле не было ни капли спиртного.

— Джеки! Что случилось, милый? Ну, скажи, что стряслось? — Уэнди крепко, как только могла, прижала мужа к груди.

Тот разрыдался, и через всхлипывания провались непонятные бессвязные слова.

— ... сон, я уверен, это был сон. Но такой реальный... Я... Моя мама сказала мне, что отец передаст по радио... да, по радио! важное сообщение... И он сказал, чтобы я... Ну, я не знаю... Он так кричал на меня... Я просто не мог вынести и разбил этот проклятый приемник, чтобы заставить его замолчать. Он же мертв! Мертв! Я не хочу даже думать о своем отце... он мертв! Боже мой, Уэнди! У меня никогда прежде не было таких кошмаров. И я не хочу, не хочу, чтобы они

повторились. Господи Иисусе! Это было так ужасно!

— Ты заснул здесь, в кабинете?

— Нет... не здесь. Внизу. В подвале...

Джек отстранился от жены, выпрямился. Голова его перестала дергаться, рыдания прекратились. Вид у него был довольно ошарашенный.

— Понимаешь, я просматривал там кое-какие нужные мне старые бумаги, сидя в шезлонге. Счета, отчеты. Извещения об отправке молока и апельсинового сока для отеля. Обычная мура! И, видимо, заснул. Мне снилось прошлое. Мой родной город. Родители. И я, наверное, продолжая спать, поднялся в кабинет... И вот я здесь,— он выдавил из себя слабый смешок.

— Где Дэнни, Джек?

— Не знаю. Разве он не остался с тобой?

— Разве ты не с ним был в подвале?

Джек вконец растерялся.

— Ты никогда не простишь мне того, что произошло, Уэнди?

— Джек!

— Даже на моем смертном одре! Ты наклонишься и скажешь: «И поделом тебе! Помнишь, как ты сломал мальчику руку?!»

— Джек...

— Что Джек? Ты же не станешь отрицать, что думала сейчас об этом. Что, покалечив его однажды, я могу сделать это еще раз?

— Я просто хочу узнать, где Дэнни.

— Ну, давай! Продолжай укоризненно качать своей тупой башкой! Думаешь, от этого лучше? Думаешь, это поможет?!

Уэнди повернулась и вышла из кабинета. Джек какое-то время в оцепенении глядел вслед жене, потом бросился за ней, и, догнав, положил руки на ее плечи, и повернул к себе:

— Извини меня! Не сердись. Я полный кретин. Это был жуткий сон. Я сожалею... Прощай?

— Конечно, Джек! — Выражение ее лица по-прежнему оставалось напряженным и встревоженным. Она освободилась от рук мужа и пошла по коридору: «Эй, док! Где ты?» — Молчание. Уэнди распахнула двойные двери подъезда и выглянула наружу. Тропинка, расчищенная Джеком между сугробов, траншеей уходила в снежную мглу. Уэнди еще раз позвала сына. Молчание. Дыхание перехватило от морозного колючего воздуха. Из рта вырывались клубы белого пара. Она вернулась в отель, еще более встревоженная и взволнованная.

Пытаясь подавить растущее в нем раздражение, Джек проговорил:

— Ты действительно уверена в том, что мальчик не спит сейчас в своей комнате?

— Я же говорю тебе, что, пока я вязала, он играл где-то внизу. Я слышала.

— Ты не спала?

— Какое это имеет значение? Ну, вздремнула немного.

— Ты не заглянула в его комнату перед тем, как бежать в кабинет?

— Я...

— Уверен, что нет!

Джек, не дожидаясь жены, стал подниматься по лестнице. Она бросилась за ним. Но муж, перемахивая через две ступеньки, уже взлетел на второй этаж. Уэнди едва не ткнулась ему в спину, когда тот резко остановился. Его глаза были широко открыты.

— Что там? — закричала Уэнди. Проследив за его взглядом, она похолодела от ужаса. Их сын стоял на лестнице, ведущей на третий этаж,

словно окаменевший. Взгляд отсутствующий. Палец во рту. В ярком электрическом свете на его шее резко выделялись синие пятна.

— Дэнни! — закричала мать. Этот истерический вопль вывел Джека из оцепенения, и они вместе бросились к сыну. Дэнни подался навстречу, но его тело так и осталось напряженным и одеревеневшим. Он продолжал сосать свой палец, вперив отсутствующий взгляд куда-то мимо родителей.

— Дэнни! Что случилось, сынок? — Джек протянул руку к шее мальчика. — Кто это сделал?

— *Не прикасайся к нему*, — прошипела Уэнди. Схватив Дэна на руки, она устремилась с ним в комнату.

— Что? Уэнди, что с тобой?

— Не смей прикасаться больше к нему! Если ты еще раз тронешь его, я убью тебя.

— Уэнди!

— Заткнись, ублюдок!

Она бежала вниз по лестнице, а голова Дэнни безжизненно болталась у нее на плече. Уэнди осторожно вытащила его палец изо рта. Глаза мальчика по-прежнему оставались безжизненно-остекленевшими. Хлопнула дверь их спальни. Щелкнул замок. Молчание. Потом какое-то бормотание послышалось из комнаты. Это Уэнди успокаивала сына...

Джек, парализованный всем, что произошло, еще долго стоял на лестнице, пытаясь разобраться в своих мыслях. Словно сон и не уходил от него. Все казалось нереальным, зыбким и сумрачным. Как после наркотиков. Мог он в таком состоянии сделать то, о чем подумала Уэнди? Попытаться задушить сына, как ему советовал отец? Нет, нет! Никогда! Он не мог причинить

мальчику боль.

(Он просто упал с лестницы, доктор!)

Он никогда-никогда не сделает Дэнни больно!

(Откуда же я мог знать, что аэрозоль против ос была с дефектом?)

Он в жизни не был злобным и жестоким. Когда не пил.

(Исключая тот случай, когда ты едва не убил Джорджа Хэтфилда.)

— Не-е-ет! — прокричал Джек, стуча кулаком по перилам.

* * *

Уэнди сидела в кресле у окна, обхватив Дэнни и бормоча старые, как мир, незначащие слова, которые потом и не вспомнишь, даже если очень захочешь. Сын сжался в комочек, безучастный и безразличный ко всему, не выражая ни радости, ни протеста. Маленькая фигурка, вырезанная из картона. Выражение его глаз не изменилось даже тогда, когда из холла донесся далекий душераздирающий крик отца: «Не-е-ет!»

Растерянность прошла, и сейчас Уэнди, прислушавшись к тому, что творилось в ее душе, поняла — это страх, панический страх! Да, конечно же, Джек сделал это. Теперь она совершенно не сомневалась — это он. Его возражения, отрицания ничего не значили для Уэнди. Джек пытался задушить сына, пребывая в том сомнамбулическом состоянии, в котором вдребезги разбил гостиничный приемник-передатчик. Их единственный канал связи с окружающим миром, после того, как замолчал телефон. С этим все ясно. Произошел нервный срыв... Но что теперь

делать? Как быть? Они же не могут оставаться вечно взаперти. Нужно приготовить что-нибудь поесть.

Теперь, когда первое смятение прошло и она успокоилась, ее беспокоил только один вопрос. Как мать. Как женщину в конце концов. Насколько опасен для них Джек? Да, он все отрицал. И явно был удивлен и перепуган, когда увидел синяки на шее у Дэнни. И самого мальчика в глубоком шоке. Если это сделал Джек

(Насколько он может быть опасен?),

то он подсознательно должен чувствовать сейчас свою ответственность и вину. Если он напал на Дэнни в сомнамбулическом состоянии, то это, как ни ужасно звучит, факт обнадеживающий. Значит, соблюдая максимальную осторожность, можно попросить его, чтобы он увез их отсюда. А затем?

Уэнди не заглядывала так далеко. Важно было добраться до Сайдвиндера, чтобы показать мальчика доктору Эдмондсу. А там? Ее не занимало будущее: мысли Уэнди сосредоточились на сложной и драматической ситуации, которая сложилась в данный конкретный момент.

Она что-то напевала, убаюкивая сына, который прижался к ее груди и, казалось, заснул. Поглаживая Дэнни, Уэнди почувствовала, что ворот и верх его рубашки абсолютно мокрые. «Странно,— промелькнуло в ее голове,— когда Джек, там внизу, в кабинете, рыдая, обхватил меня, ЕГО РУКИ БЫЛИ СУХИЕ». Впрочем, мысль эта быстренько испарилась, уступив место думам, связанным с вопросом, что же делать? Довериться Джеку еще раз или нет? Если честно, то выбор небольшой. Сама она мало что способна сделать. Даже отнести Дэнни в кабинет и обратиться по передатчику за помощью (ка-

кой к черту передатчик, если он разбит вдребезги?!) она была не в состоянии. Она переживала жуткое потрясение. Нужно было немедленно что-то предпринимать. Уэнди знала, что выбора практически нет, но все искала альтернативное решение. Она не позволит мальчику оставаться одному с Джеком. (И проклинала себя за то, что они с Дэнни, пожалев отца, позволили захлопнуться снежному капкану.) Еще одна ошибка состояла в том, что она отказалась от самой мысли о разводе. (Да что теперь об этом говорить — поезд давно ушел!) Сейчас Уэнди была парализована страхом из-за того, что может совершить другую ошибку, о чем потом будет жалеть всю жизнь.

У нее не было пистолета для самозащиты. В кухне, правда, на магнитной держалке висели большие острые ножи, но сейчас до них не добраться — там где-то бродит Джек. В своем жгучем желании найти правильное решение она даже не почувствовала едкой иронии в сложившейся ситуации: еще час назад, засыпая, она была абсолютно убеждена, что все прекрасно. Просто чудесно! И будет еще лучше. А сейчас подумывает о возможности воспользоваться жутким ножом мясника против собственного мужа, если тот вдруг попытается напасть на нее или сына.

Уэнди поднялась, все еще держа мальчика на руках. Ноги ее дрожали. Другого пути нет! Она должна воспользоваться помощью Джека. Когда тот бодрствует, он не опасен. Нужно каким-то образом спуститься с гор и добраться до Сайдвиндера к доктору Эдмондсу. И если Джек поможет им, Бог поможет ему!

Прижимая Дэнни к себе, она подошла к двери, отворила замок и направилась в холл.

— Джек! — позвала Уэнди. Никакого ответа. С нарастающим беспокойством она направилась к лестнице на третий этаж. Туда, где она нашла Дэнни. Мужа там не было. Пока она стояла на площадке, размышляя о том, что же ей делать, снизу раздался громкий, злой, издевательский голос Джека. Он пел:

Бросьте меня в клевер,
закопайте в душистой траве...

Эти звуки напугали ее больше, чем царившая прежде непонятная тишина. Но другого выхода не было. Она начала спускаться.

«ЭТО БЫЛА ОНА!»

Джек долго стоял на лестничной площадке, вслушиваясь в раздававшееся в их спальне глухое бормотание, тихое пение. Медленно на смену растерянности в нем поднималось чувство гнева. Ничего не изменилось! По крайней мере в Уэнди. Он мог бы не пить десятилетиями, возвращаясь домой трезвым как стеклышко. А жена, встречая его в дверях, обнимая, все равно будет вглядываться, принюхиваться, чтобы выяснить, не хлебнул ли где Джек виски или джина, не побаловался ли с приятелями пивком. Уэнди всегда готова ожидать худшее. Если, к примеру, они с сыном попали в аварию из-за пьяного слепца, чуть не угодившего под колеса, она все равно вину за все царапины, синяки и шишки на теле Дэна взвалила на него.

И это ее лицо, когда она схватила ребенка и потащила в спальню! Эта ненависть («не прикасайся к нему, ублюдок!»). Джека передернуло при воспоминании, он вдруг почувствовал необходимость излить весь гнев, который накопился в его кулаках. Она не имеет права, черт бы ее побрал совсем, распоряжаться ИХ сыном! Ну, может быть, раньше. Когда он был не в себе — сломал мальчику руку. Но, если человек меняется к лучшему, разве он не заслуживает того, чтобы эти перемены были замечены и по достоинству оценены? Заслуживает. А если этого не случается, значит, нужно, чтобы справедливость восторжествовала, а порок был наказан. Ведь если отец бесконечно обвиняет дочь-девушку в том, что она перетрахалась со всем

своим классом (и даже соседним), разве та в конце концов не плюнет на свою дурацкую невинность и не пойдет по рукам? Очень даже пойдет. Ну, а если благоверная жена тайно (да почему же тайно? Порой открыто) следит за мужем, не верит ему, считая, что тот пьет все время...

Джек медленно спускался на второй этаж. Он остановился, достал носовой платок и вытер губы. Он решил было подойти к спальне, постучать в дверь и потребовать, чтобы Уэнди разрешила ему увидеть сына. Ведь она не имеет никаких прав быть такой своевольной! Но потом передумал. Ладно. Рано или поздно жена выйдет из своего затворничества. Если только она не придумала для себя и Дэнни какую-нибудь супердиету. Не собирается же она голодать? При этой мысли мрачная улыбка, похожая на гримасу, искривила его губы. Хрен с ней! Она выйдет к нему непременно. Сама придет. В нужное время.

Он спустился вниз. Постоял у стойки портье. Потом направился в столовую. Огромная комната встретила его пустыми столиками, покрытыми пластиковыми скатертями, которые лоснились и блестели в свете ламп.

(Ужин — в 20.00)

(Снятие масок и танцы — в полночь)

Джек медленно шел между столиками, забыв и жену, и сына, и свой кошмарный сон, и разбитое радио. Он погладил скользкую пластиковую скатерть, стараясь представить, как выглядел этот зал в тот августовский вечер 1945 года. Одержана победа, впереди — прекрасное будущее. Америка — страна грез, которые становятся явью. В саду горят японские фонарики.

Оживление. Смех. В огромные окна, которые сейчас завалены снегом, заглядывают загадочные крупные звезды. Играет оркестр. Мужчины и дамы в маскарадных костюмах. Там — блестящая принцесса. Там — шевалье в широкополой шляпе и высоких ботфортах. Сверкают драгоценности, звенят бокалы. Пьют много: вино, шампанское, коктейли. Всеобщее веселье. И вдруг крик: «Маски долой! Маски долой! Полночь!»

(И Красная Смерть там правит...)

Джек стоял в конце столовой у раздвижных дверей, где в сорок пятом, как и сегодня, был бар. Спиртное лилось рекой. Его раздавали бесплатно! Он переступил порог и оказался в полумраке пустого бара. И тут произошло что-то странное. Джек уже бывал в этом зале, когда мистер Ульман передал ему опись имущества в отеле. В баре было не на что смотреть. На полках — шаром покати. А сейчас в свете, струившемся из столовой, ему показалось, что он видит ряды бутылок с яркими этикетками, сифоны с содовой и даже янтарное пиво, капавшее из надраенного крана на стойке. Да! Он мог дать голову на отсечение, что почувствовал этот сладковато-пьянящий запах пива. Запах, который не спутаешь ни с каким другим и который распространял вокруг себя его отец, возвращаясь вечером домой после работы.

С расширенными от удивления глазами Джек щелкнул выключателем. Приглушенный свет от десятка двадцатипятиваттных лампочек, укрепленных под потолком на колесе старинного фургона, не резал глаза, а создавал мягкую интимную обстановку. Но и в этом свете было отчетливо видно, что полки бара пусты и покрыты пылью. Краны пивного бака сухие. Пусты

и высокие вертящиеся табуреты у стойки. Джек подошел поближе. «Опять начинается чертовщина, как со зверями на игровой площадке!» Он мотнул головой — не стоит думать о глупостях! Джек мог поклясться на Библии, что своими глазами только что видел бутылки. Смутно, правда. Одни силуэты, как это бывает в комнате при задернутых шторах. Поблескивание стаканов. Уж что он отчетливо запомнил, так это запах, терпкий запах пива. Джек, конечно, знал, что пивной дух остается во всех барах мира еще долгое время после того, как их закроют. И ничем не выветрить, не отбить этот запах! Никакой самой современной вытяжкой. Но здесь пахло так сильно. Свежим пивом!

Он уселся на табурет у стойки, упершись локтями в ее кожаный верх. Слева стояла розетка для орешков. Сейчас пустая. Это первый бар, в который он попал за последние девятнадцать месяцев. И в нем ни капли, будь он проклят! Таково уж счастье Джека Торренса! Теплая ностальгическая волна окутала его. Он почувствовал (своим желудком, пересохшей глоткой) жгучее желание выпить. Хоть немного. Глоток холодного, крепкого!..

Джек с надеждой взглянул на полки, но полки бара, как и прежде, зияли пустотой. Он улыбнулся вымученной болезненной улыбкой, барабанив пальцами по стойке...

— Привет, Ллойд. Сегодня, я вижу, дела идут неважно, — проговорил Джек.

Откуда-то взявшийся Ллойд кивнул и заинтересовался, что тот станет пить.

— Я рад, что ты меня об этом спросил. Действительно рад, — засуетился Джек, — у меня в кошельке как раз две двадчатки и две десятки.

Я уж, признаться, и не надеялся их потратить. Представляешь, здесь нигде нет моего любимого кукурузного виски. Давай-ка сделай мне двадцать «Драй Мартини», по штуке на тот каждый месяц, что я не брал в рот спиртного. Ты же не очень занят?

Ллойд ответил, что нет. Совсем не занят. Народу-то никого.

— О'кей! Ты выставишь все двадцать на стойку. И я начну пить одну рюмку за другой. Тяжелое бремя белого человека, старина Ллойд!

Бармен принялся за приготовление «Драй Мартини». Джек полез в карман за кошельком, но вместо денег вытащил бутылочку с экседрином. Кошелек, видно, остался в тумбочке в спальне, и его паскуда-жена специально заперлась там, чтобы он не смог взять свои деньги. Молодец, Уэнди! Грязная сука!

— Ллойд, дружище! Я оказался совсем пустой. Дашь в кредит?

Бармен, сказал, что, конечно, даст.

— Колоссально! Знаешь, я люблю тебя. Ты лучший бармен от Атлантики до Скалистых гор. Лучший-лучший! Не спорь.

Ллойд поблагодарил Джека за комплимент. Тот вздохнул, вытряхнул из бутылочки с экседрином две таблетки и принялся сосредоточенно жевать одну из них. Горьковатый знакомый вкус умиротворяюще подействовал на него. Но вдруг Джеку показалось, что люди, которые откуда-то появились в баре, смотрят на него с сожалением и откровенным презрением. Это были подвыпившие мужички и развеселые девицы в маскарадных костюмах. Джек обернулся. В баре — ни души. Пустые столики и пепельницы на

них. Джек снова уперся локтями в стойку. Потом взял вторую таблетку экседрина.

— Ты действительно чудо, старина! Тебе нет равных. Сделал все так быстро. Твою расторопность превосходит только красота твоих неаполитанских глаз. За тебя! Салют!

Джек принялся за свои двадцать «Драй Мартины», со смаком опрокидывая рюмки, аппетитно пережевывая зеленые оливки. Он чувствовал острый запах джина. Он пил и бросал пустые рюмки через плечо. Посетители в маскарадных костюмах снова вернулись в бар, поглядывая на Джека и хихикая. Пусть смеются. Пусть таращатся. Хрен с ними! Каждый имеет право таращиться, на кого хочет.

Он поглядел на светильник, сделанный из колеса фургона, в память о переселенцах, тащившихся в этот край из восточных районов Америки в поисках счастья, и снова обратился к бармену. Речь его становилась все более сбивчивой и бессвязной, будто Джек в самом деле порядком накачался:

— Фургоны! Ты когда-нибудь видел человека, который управлял фургоном, пьянея от свободы? Нет, ты, конечно, не видел... Откуда тебе! Немногие дошли до цели, а те, которым все-таки удалось, натерпелись страху... Когда ты забираешься в такой фургон, то кажется, ничего в мире нет лучше и чище повозки с огромными... да! огромными колесами, чтобы она не провалилась в грязь и не застряла... Вот именно — не застряла в жидкой топкой грязи, в которой валяются пьянчуги со своими жалкими котомками и бутылкой доброго старого «бурбона» в руке... А ты едешь себе и едешь, не обращая внимания на людей, что таращатся на тебя

с презрением... Плевать! Ллойд, дружище! Ну что за прелесть этот фургон! Представь! Весь в красивых лентах и гирляндах цветов. Впереди важно и степенно вышагивают длинноногие красотишки мажоретки, жонглируя жезлами и вертя задом. Наяривает духовой оркестр. Старина, тебе нужно обязательно покататься в таком фургоне!

Джек осушил еще две рюмки и бросил их, не глядя, через плечо. Дзы-ы-ынь! Он точно слышал звон разбитого стекла. Черт возьми! Джек наконец почувствовал полный кайф (это экседрин подействовал...).

— Одним словом, братишка, ты забираешься в фургон. Разве тебе не нравится? Вижу, нравится. Как же иначе: это ведь самый лучший, самый красивый, самый удобный фургон на свете. Сколько людей сбежалось, чтобы нас поприветствовать! Они хлопают в ладоши, хохочут. Вон там какие-то парни с бутылками. Наверное, твои друзья-коллеги. Мимо!

Джек осушил еще две рюмки подряд. Так! Шести уже как не бывало! Осталось еще четырнадцать. Он движется в хорошем темпе. Прекрасно! Джек повертелся на своем табурете. Пусть таращатся! Что им еще делать? Снимки бы сделали, ребята. На память. Такое вряд ли еще увидишь!

— Потом, старичок, ты начинаешь замечать вещи, которые сначала не бросались тебе в глаза из-за всей этой грязи. Что пол в фургоне — это всего лишь несколько грубо обструганных досок. Свежеобструганных, я бы сказал точнее... На них — капли смолы. Видишь? Ха-ха! Сапоги прилипают к полу. А внутри только длинные-длинные скамейки с высокими спинками,

так что не свалишься... Да нет же! Это — скамейки, как в церкви. С пюпитрами. На них ноты. Нет! Сборники псалмов. И все поют: девицы в старомодных шляпках и длинных платьях, мужики в серых сюртуках. А вон та белокурая сука за органом, она покрикивает, чтобы пели громче. Если ты хочешь остаться в фургоне, нужно петь днем и ночью. Особенно ночью. И знаешь, Ллойд, что это за фургон? Это — церковь с решетками на окнах. Церковь и тюрьма одновременно. Вот!

— О, бой! — Джек вдруг замолчал. Ллойда не было. Хуже всего, что его вообще никогда не было в этом баре. Как и напитков. Никаких. «Драй Мартини»! Только люди вокруг в маскарадных костюмах. Он явственно слышал их смех, видел, как они размахивают руками, при этом злобно сверкая глазами.

Джек резко повернулся на своем высоком табурете:

— Оставьте меня...

(В покое?)

Бар был пуст. Смех, замирая и шурша, как осенние листья, растаял в окружающей тишине. Джек несколько минут вглядывался в пустой зал широко открытыми потемневшими глазами. Жилка на лбу вздулась и лихорадочно пульсировала. В душе нарастало сознание того, что он теряет остатки разума. Ему вдруг захотелось схватить в руки табурет, на котором он сидел, и начать крушить все вокруг в этом проклятом баре. Вместо этого он запел громким, злым голосом:

Бросьте меня в клевер,

закопайте в душистой траве!

Лицо сына неожиданно возникло перед ним, но не привычное нежное лицо Дэнни, с пытли-

во распахнутыми глазами, а окаменевшее лицо, лицо-маска, как у зомби. Взор оцепенелый, отсутствующий. Палец во рту. Что же он делает, рассиживая здесь и ведя длинные разговоры, когда его родной сын — плоть от плоти, кровь от крови — там наверху, в состоянии, в котором пребывал Вик Стенджер, пока за ним не приехали люди в белых халатах и не увезли в психушку?!

(Но я никогда-никогда пальцем не трону мальчишку! Будь я проклят, если трону!)

— Джек! — Голос жены звучал мягко и взволнованно.

Он настолько был поражен, настолько растерян, что едва не свалился со своего табурета у стойки пустого бара. Уэнди стояла в дверях, как Мадонна с младенцем. Дэнни, безжизненный, бледный, покоился у нее на руках. Все троим они представляли какую-то картину с известного полотна, Джек никак не мог припомнить с какого. Или сцену из драмы времен дремучего средневековья...

— Я не трогал, не трогал его! С тех пор, как сломал ему руку. Даже ни разу не шлепнул, — проговорил Джек быстро.

— Сейчас это не имеет никакого значения.

— Имеет! — закричал Джек, обрушив удар своего тяжелого кулака на стойку бара, отчего пустая розетка для орешков подпрыгнула. — Имеет, черт возьми, имеет!

— Джек, мы должны увезти его отсюда. Он...

Дэнни зашевелился. На его лице, словно сквозь хрупкую корку льда, пробились живые краски. Губы приоткрылись. Глаза расширились. Ручонки потянулись к ним, силясь прикрыть их,

и тут же бессильно упали. Потом он вдруг выпрямился на руках у матери, изогнулся. Из его груди вырвался дикий, воющий крик. Этот леденящий душу вопль заполнил бар, улетел дальше в залы и эхом вернулся назад. Будто десятки, сотни Дэнов кричали одновременно.

— *Джек! Джек, что с ним?* — запричитала Уэнди.

Ее муж неуклюже сполз с высокого табурета и, перепуганный больше, чем когда-либо в своей жизни, подошел к ним. Что могло произойти? В какую еще темную дыру залез Дэнни? Какое осиное гнездо растревожил? Кто мог его покусать?

— Дэнни! Сынок!!!

Мальчик посмотрел на отца и неожиданно вырвался из материнских объятий. Так резко, что Уэнди едва не упала.

— *Папа! Па-а-апа!* — рыдал Дэн, устремляясь к отцу. — *Папа, папочка! Это была ОНА. Она, она! Ой, па-ааа-па!*

Он взобрался на руки к Джеку, прижался к нему, дрожа и всхлипывая.

— *Папа! ЭТО БЫЛА ОНА!*

Джек тяжело поглядел на жену. Взгляд его был ужасен и не предвещал ничего хорошего.

— Уэнди! Что ты с ним сделала?!

Уэнди в отчаянии, бледная как полотно, покачала головой.

— Ты же знаешь, ты же прекрасно знаешь...

А за пределами отеля бесновалась снежная буря.

РАЗГОВОР НА КУХНЕ

Джек отнес сына на кухню. Мальчик все еще всхлипывал.

— Поверь, я не понимаю, о чем говорит Дэн. Прошу тебя, ты должен поверить мне, Джек. — От всего пережитого Уэнди сама была готова расплакаться.

— Верю, верю, — сказал Джек. Его злость на жену постепенно проходила. Он же знал, что она скорее обольет себя бензином и поднесет к себе зажженную спичку, чем причинит хоть малейшую боль сыну.

Чайник на плите фыркал и свистел, выпуская из носика тонкую струю горячего пара. Джек бросил пакетик чая в большую керамическую кружку и плеснул кипятку.

— У тебя где-то есть херес для готовки, не правда ли?

— Что? Да, да. Две или три бутылки в шкафу.

— В каком?

Уэнди показала пальцем на стенной шкаф, где хранилась посуда.

Джек достал бутылку, вытащил пробку, медленно налил в кружку с кипятком полстакана хереса. Добавил молока, три ложки сахара. Все тщательно перемешал и вернул бутылку на место. Приготовленное питье он протянул сыну, сидевшему на руках у Уэнди. Тот уже не плакал, а лишь изредка всхлипывал и вздыхал. Тяжело и жалобно. Он все еще дрожал, а в глазах его затаился страх.

— Выпей, сынок! — ласково сказал Джек, — это, наверное, не очень вкусно, но зато помо-

жет. Тебе станет легче. Ты же выпьешь за своего папу?

Дэнни утвердительно кивнул и взял кружку. Он отпил немного, скривился и посмотрел на отца. Тот одобрительно подмигнул, и Дэн сделал еще несколько глотков. Уэнди сжалась, поймав себя на ревнивой мысли, что за нее Дэнни не стал бы пить эту гадость. За этим потянулись другие, столь же неприятные мысли. Ведь она ХОТЕЛА, чтобы Джек оказался виноватым? Неужели это ревность? Точно так подумала бы ее матушка, и это ужасно. Она вдруг вспомнила, как в детстве отец повел ее в парк. Там Уэнди упала с гимнастической лестницы и разбила в кровь обе коленки. Когда они вернулись домой, разъяренная мать набросилась на отца: *«Что ты наделал? Почему не уследил за дочкой? Какой же ты отец?»*

(Она пилила его всю жизнь. Когда родители развелись, было уже слишком поздно — отец вскоре умер.)

А сама Уэнди? Она не давала Джеку ни малейшего шанса. Она же не верила ему. Пилила всю жизнь. Повторяла ошибки своей матушки. Ее лицо вспыхнуло от стыда.

— Джек, послушай! — начала Уэнди, не уверенная в том, что действительно намерена извиниться.

— Не сейчас. Давай отложим все наши разговоры на потом.

Дэнни потребовалось по меньшей мере минут пятнадцать для того, чтобы осушить половину большой керамической кружки. Он явно почувствовал себя лучше. Щеки порозовели. Дрожь прошла.

Джек положил руки на плечи сына:

— Дэнни, ты сможешь сейчас рассказать, что с тобой произошло? Это очень-очень важно для нас.

Мальчик перевел взгляд с отца на мать. И снова — с матери на отца. В наступающей тишине был слышен вой ветра, принесшего с северо-запада снежную бурю, скрипы и стоны старого отеля. Подтверждение того, что теперь они надолго отрезаны от всего мира.

— Да, я скажу вам. Я уже давно сам собирался это сделать. — Мальчик взял чашку и сжал ее в руках, будто согревал руки.

— Так что же тебе мешало? — Джек погладил сына по голове, убрав упавшие ему на лоб волосы.

— Эта твоя работа, которую тебе помог получить дядя Эл. Я все никак не мог разобраться: почему же это и хорошо для тебя, папа, и плохо одновременно. Это была... — Дэн беспомощно взглянул на родителей, ища поддержки.

— Дилемма? Ну, когда ни один из выбранных вариантов не кажется подходящим? — мягко подсказала Уэнди.

— Да. Точно, — проговорил Дэн с явным облегчением.

— В тот день, когда ты остался подстригать живую изгородь, у нас с Дэнни в машине был интересный и откровенный разговор. Ну, в тот самый день, когда выпал первый настоящий снег, помнишь, Джек? — сказала Уэнди.

— Помню, — откликнулся муж. Еще бы! Тот день, когда он подстригал зверей (точнее, одного Братца Кролика), забыть невозможно.

— Но, кажется, мы обсудили далеко не все, правда, сынок? — вздохнула Уэнди.

Дэн, обескураженный и печальный, согласно кивнул.

— О чем же вы могли говорить? Что-то мне не очень это нравится, когда моя жена и сын обсуждают...

— Как они любят тебя?

— Что бы там ни было, я ничегошеньки не понимаю. Как человек, пришедший в кино к концу фильма.

— Мы говорили о тебе. Может, не все объясняли словами, но мы понимали друг друга. Я ведь твоя жена. А Дэнни — сын. И он все понимает. — Голос Уэнди звучал спокойно и уверенно.

Джек молчал.

— Дэнни сказал сейчас правду. Это место выглядит, с одной стороны, очень привлекательным для тебя. Ничто не давит, как было в Стовингтоне. Ты свободен. Сам себе хозяин. Работашь руками, чтобы вечером сесть за пишущую машинку. Но... Но вдруг — я не знаю, когда это началось, — вдруг что-то изменилось, и сам отель, и все, что его окружает, превратилось в страшное, дурное, гиблое место.словно злой рок навис над нами! Ты проводишь почти все время в подвале, копаясь в старых бумагах. Говоришь во сне...

— Говорю во сне? — переспросил Джек хриплым голосом, удивленный и растерянный.

— Большей частью какую-то невнятицу. Однажды, когда я поднялась, чтобы пройти в ванную, ты громко и отчетливо произнес: «Все! К черту! Полезайте в свои щели! Никто ничего не узнает», в другой раз ты кричал: «Маски долой! Маски долой!»

— Господи! — пробормотал Джек, сжимая виски. Выглядел он прескверно.

— Кроме того, стали отчетливо проявляться твои прежние дурные привычки. Времен запоев.

Ты опять стал жевать экседрин. Все время трешь губы. По утрам бываешь совсем разбитым и вялым. И ты ведь до сих пор так и не закончил работу над пьесой. Правда же?

— Нет! Пока нет. Но это вопрос времени. Ближайшего. Я сейчас подумываю о новой теме. Хочу написать книгу.

— Об отеле «Оверлук»? Про которую говорил Эл Шокли? И просил выбросить эту идею из головы?

— Откуда ты знаешь об этом,— взорвался Джек,— снова за свои дела? Подслушиваешь?

— Не городи ерунду! Я не смогла бы никак подслушать ваш разговор, даже если бы очень захотела. И ты прекрасно знаешь это. Мы с Дэнни в тот вечер были внизу у камина. Телефон, по которому ты говорил,— единственный в отеле, который еще работал. Подстанция отключена — ты сам рассказывал мне об этом.

— Тогда как же ты могла узнать о том, что говорил Эл?

— Мне об этом сказал Дэнни. Он *знал* о содержании вашего разговора. Так же, как знал о потерянных вещах или о том, что некоторые люди подумывают о разводе.

— Но доктор утверждал...

Уэнди нетерпеливо тряхнула головой:

— Доктор нес ахинею, и мы оба прекрасно это знаем. И знали всегда! Дэнни все видит и ВСЕ знает. И сейчас, боюсь... — Уэнди умолкла и взглянула на синие пятна на шее мальчика.

— Ты, в самом деле, знал, о чем мы говорили с дядей Элом?

Мальчик утвердительно кивнул:

— Он очень рассердился, папа, из-за того, что ты звонил мистеру Ульману, а тот потом позвонил дяде Элу. Дядя Эл не хочет, чтобы ты

писал книгу об этом отеле. Он поставил условие...

— Господи! — ошарашенно прошептал Джек. — Ну, а эти синяки? Откуда они у тебя? Кто пытался тебя задушить?

— Она! — Лицо мальчика потемнело, глаза расширились. — Женщина из 217-го номера. Мертвая леди! — Губы его снова задрожали. Дэн потянулся к кружке и отпил из нее несколько глотков.

Уэнди и Джек обменялись испуганными взглядами.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Уэнди отрицательно замотала головой:

— Ничего!

— Сынок! — Джек поднял за подбородок голову Дэна и заглянул в его глаза. — Ну, расскажи нам все. Не бойся. Ведь мы же рядом!

— Я чувствовал, что отель — очень плохое место. Еще когда мы были в Боулдере. Тони подсказал мне это во сне.

— В каком сне? О чем?

— Я сейчас уже не помню подробности... Он показал мне отель «Оверлук». Ночью. На фасаде был виден череп и скрещенные кости. Потом за мной гнались... Я не помню кто. Какое-то чудовище. Тони показал мне тогда «РЕДРЭМ».

— Что это такое? — обеспокоенно спросила Уэнди.

Мальчик покачал головой:

— Не знаю, мама!

— Наверное, это из книжки. Знаешь — ром? Й-о-хо-хо, и бутылка рома! — вставил Джек.

Мальчик снова покачал головой:

— Я, правда, не знаю. Потом мы приехали сюда, и мистер Хэллоранн разговаривал со мной

в машине. Потому что он тоже знает, что такое СВЕЧЕНИЕ, и может им пользоваться.

— Свечение. Что это такое?

— Это... — Мальчик глубоко вздохнул и сделал какой-то неопределенный жест руками, — это такая способность, которая позволяет все понимать. Иногда чувствуешь такие вещи, как вот разговор папы с дядей Элом. Мистер Хэллоранн тоже обладает этим даром. Когда он готовил картофельное пюре на кухне в армии, он увидел, что его брат погиб в катастрофе. И когда мистер Хэллоранн позвонил домой, все оказалось правдой.

— Господи Боже! А ты не придумываешь?

— Что ты, папа! Клянусь! — Дэн помолчал. Потом не без гордости продолжил: — Мистер Хэллоранн сказал, что мое СВЕЧЕНИЕ сильнее, чем у кого-либо другого, с кем ему приходилось встречаться. Мы могли разговаривать с ним, не произнося ни слова.

Опешившие родители снова переглянулись.

— Мистер Хэллоранн очень беспокоился за меня. Он сказал, что отель «Оверлук» — очень плохое место для таких, как мы. Со свечением. Он видел ужасные вещи. Я тоже. После разговора с ним. Когда, помните, мистер Ульман водил нас по дому и все показывал?

— Ну, к примеру, какие? — хрипло спросил Джек.

— В Президентских апартаментах. На стене была кровь. Много крови. И что-то другое. Бело-серое... Я думаю, это были мозги.

— Боже мой! — только и смог произнести Джек. Уэнди сидела бледная-бледная, губы ее посерели.

— Этим отелем, — начал Джек, — владели негодяи, гангстеры из Лас-Вегаса.

— Жулики? Нечестные люди? — поинтересовался Дэнни.

Джек бросил обеспокоенный взгляд на жену и сказал:

— Да! В 1966-м знаменитый гангстер Вито Джинелли вместе с двумя своими телохранителями был убит в Президентских апартаментах. В газетах были фотографии — стена, забрызганная кровью и мозгами, как ты, Дэнни, об этом сейчас рассказал.

— Мистер Хэллоранн поделился со мной и другими жуткими вещами, которые он здесь видел. Однажды на игровой площадке. Другой раз в том, плохом 217-м номере. Одна горничная раньше его там тоже видела это. Ее уволили из-за того, что она слишком много болтала. Мистер Хэллоранн пошел сам. И убедился. Но не стал об этом никому говорить, так как боялся потерять работу. Он только предупредил меня, чтобы я туда никогда не заглядывал. А я все-таки сделал это. Потому что поверил словам мистера Хэллоранна, будто даже самые страшные вещи, если их увидишь, не могут навредить, сделать больно. — Последние слова мальчик произнес почти шепотом и прикоснулся к пятнам на шее.

— А что же там было на игровой площадке? — Голос Джека прозвучал резко и неожиданно.

— Не знаю. Мистер Хэллоранн не уточнял. Просто сказал про площадку и живую изгородь, что это дурные места.

Джек чуть не подскочил. Уэнди посмотрела на мужа удивленно:

— Ты что, тоже видел там что-то, Джек?

— Нет. Ничего.

Дэнни пристально посмотрел на отца.

— Ничего,— повторил тот уже спокойнее. Это же была правда! Он стал жертвой галлюцинаций. И все.

— Дэнни, мы хотим, чтобы ты рассказал про ТУ женщину.

Мальчик стал говорить, с трудом подбирая слова. Он прижимался к материнской груди, будто пытаясь укрыться там от навалившихся на него невзгод.

— Я вошел в номер... Я стащил отмычку в кабинете и вошел в номер. Я не мог ничего с собой поделать. Какая-то сила толкала меня туда. И леди... Она лежала в ванной. Мертвая. Раздувшаяся... Она была... Ну, была, в общем, совсем без одежды,— Дэнни с несчастным видом поглядел на мать,— голая, вся в пятнах... Она стала подниматься. Хотела добраться до меня... Я чувствовал это. Она ничего не думала... Как это вы с папой делаете. В ней было что-то темное, жуткое. Одно лишь стремление причинить мне боль... Как... как осы тогда в моей комнате.

Дэнни замолчал. Сглотнул набежавшую противную, горькую слюну, внешне спокойный, но все еще переживающий видение жужжащих, опасных ос.

— И тогда я бросился бежать. Но дверь оказалась закрытой. Я хорошо помню, что оставлял ее распахнутой. А тут... Я думал только об одном, как поскорее мне открыть дверь и убежать. Мне было страшно. Я прислонился к двери и закрыл глаза. И думал о том, что говорил мне мистер Хэллоранн, что вещи, которые я вижу, не навредят мне, что они как картинки-страшилки из книжек... Я продолжал повторять все это про себя: «Ничего нет! Уберитесь от меня! Этого нет!» Я надеялся, что это поможет. Что ОНА исчезнет. Но мои слова не помогли.

Мальчик был близок к истерике.

— Она схватила меня за плечи, повернула к себе и стала душить... Я видел ее мертвые стеклянные глаза, я чувствовал этот жуткий трупный запах...

— Остановись, сынок! Хватит. — Уэнди снова была решительной и жесткой.

— Пусть продолжает, — сказал Джек резко.

— Больше ничего не было. Я просто умер. То ли от того, что она меня задушила, то ли от страха. Когда я пришел в себя, мне привиделось, что вы с мамой ссоритесь из-за меня, а ты, папа, собираешься снова совершить ДУРНОЙ ПОСТУПОК. Я знаю, что это был не сон, что я бодрствовал все время... И я описался. Как младенец, наделал в штаны.

Дэнни упал на грудь Уэнди и разрыдался.

Джек встал:

— Позаботься о нем!

— Что ты собираешься делать? — Лицо Уэнди исказила гримаса страха.

— Я поднимусь и посмотрю, что там в этой дерьмовой комнате № 217. А ты что думала, что я собираюсь делать? Пить кофе?

— Нет, Джек! Не ходи!

— Если в отеле, кроме нас, есть кто-то еще, я обязан об этом знать, Уэнди.

— Ради Бога! Не смей оставлять нас одних! — истерично закричала жена, брызгая слюной.

— Как ты сейчас похожа на свою матушку! — скривился Джек.

Уэнди залилась слезами. Она не могла прикрыть лицо, потому что на руках у нее лежал сын.

— Сожалею, дорогая, но я должен идти. Я должен знать все, как, черт побери, смотри-

тель этого дерьмового отеля. Мне деньги платят за это!

Она продолжала рыдать навзрыд. Джек вышел из кухни и вытер губы платком, когда дверь захлопнулась за ним.

— Не волнуйся, мама. С ним будет все в порядке. Он не из тех, кто светится, и ничего там не увидит. Ничто не навредит ему, поверь, — проговорил Дэнни, уже совсем придя в себя.

— Нет, я не верю, не верю, — проговорила Уэнди сквозь слезы.

И СНОВА 217-Й НОМЕР

Он решил воспользоваться лифтом, что само по себе было странным и неожиданным: с тех пор как они приехали в отель, никто из них — ни один! — этого не делал. Джек плотно прикрыл дверь и нажал кнопку. Громоздкая, отделанная красным деревом и бронзой, старинная кабина поползла вверх. Уэнди испытывала клаустрофобический страх перед этим лифтом, и он это знал. Ей мерещилось, что они обязательно застрянут в этом ящике между этажами. И пока зимние ветры будут стонать, наметая гигантские сугробы, они умрут в лифте от бессилия и голода. Или еще хуже — начнут пожирать друг друга. Бр-р-р! Ему почему-то вспомнилась увиденная в Боулдере наклейка: «Регбисты жрут собственную смерть» и еще одна курьезная надпись: «Вы — то, что вы едите». Или как вам понравится вот это меню: «Приглашаем в отель «Оверлук». Наш ресторан — гордость Скалистых гор. Жареные человеческие окорока. Только у нас! Фирменное блюдо!» Джек криво усмехнулся. Добравшись до третьего этажа, тяжелая кабина вздрогнула и остановилась. Он вытащил три таблетки экседрина, зажал их в кулаке и вышел из лифта. Ничто не могло испугать его в этом отеле, который так симпатичен ему. Он чувствовал, что и «Оверлук» тоже симпатизирует ему!

Джек пошел к холлу, откуда расходились коридоры и начинались гостиничные номера. Он бросил в рот таблетки экседрина и принялся их жевать. Вот и нужный поворот. Дверь 217-го номера была распахнута настежь. В замке торчала

отмычка. Джек почувствовал прилив раздражения, переходящего в ярость. Что бы там ни было и как бы там ни было, дрянной мальчишкой нарушил запрет. Ему же говорилось — четко и ясно, — что в отеле есть такие места, куда ему заказано соваться: подвал, отделение с оборудованием и ВСЕ номера для гостей. Он непременно снова — и очень строго! — должен поговорить об этом с сыном, когда тот придет в себя от пережитого страха. Да, строго, но разумно! Многие другие отцы на его месте поступили бы иначе. Не разводили бы трепологию, а хорошенечко всыпали за непослушание! Взбучка, вот что требуется для Дэнни! В конце концов парень сам виноват в том, что с ним приключилось. Не совался бы, куда не надо!

Джек вошел, предварительно вынув отмычку и сунув ее в карман. В комнате горел верхний свет. Постель была застелена покрывалом и не тронута. Он направился в ванную. Хотя Уотсон не называл номера, в которых жили скандальные гости, но Джек сейчас был абсолютно уверен в том, что это именно *та* комната, в которой останавливалась жена адвоката со своим же-ребчиком, и что это именно *та* ванная, где нашли эту бабу мертвой, когда она явно перебрала снотворного и доброго старого виски.

Джек толкнул зеркальную дверь и оказался в ванной. Зажег свет. Длинная, как пульмановский вагон, комната была обставлена в духе других, ей подобных, в отеле — скучно и старомодно. Не то что ванны на четвертом этаже, отделанные в византийском стиле. Роскошные купальни, где нежились коронованные персоны, политики, голливудские звезды и знаменитые гангстеры!

Бледно-розовая занавеска (чтобы душ не брызгал на пол) была задернута. Он уже не чувствовал той уверенности в своей правоте, как тогда, когда Дэнни бросился к нему, крича: «Это была она! Это была она!» Страх заполз за шиворот, холодными пальцами сдавил позвоночник. Недавняя злость на сына моментально испарилась. Джек шагнул к занавеске. В горле пересохло. Его охватил ужас. Джек отдернул занавеску: ванна была пустой и абсолютно сухой. Джек облегченно вздохнул. Ванну перед закрытием сезона отдраили на славу. Краны блестели, как новенькие. Явственно пахло моющим средством. Джек нагнулся и пощупал дно. Оно было сухим. Ни намек на влагу. Дэнни либо пережил здесь галлюцинацию, либо нагло лгал. Джек чуть не задохнулся от охватившей его ярости. И тут он заметил на полу обычный банный половичок. Откуда он здесь? Все половички, все белье, полотенца, простыни и так далее должны находиться в шкафу. Внизу, в бельевой. До начала нового сезона. Постели в номерах тоже ведь не застелены, а матрасы просто накрыты покрывалами. Он подумал, что, может быть, Дэнни вытащил половичок (отмычка же была у него) и принес сюда, наверх. Но зачем? Джек провел рукой по половичку, тот был абсолютно сухой.

Он вернулся в прихожую. Парнишка, конечно, пережил сильное нервное потрясение, но это была обычная галлюцинация. Здесь все на месте, все в полном порядке. Исключая половичок. Но и это тоже логически объяснимо: какая-нибудь горничная, в последний день перед закрытием отеля, носилась по номерам как сумасшедшая и позабыла забрать его. Все же остальное было...

Он явно почувствовал запах. Дезинфекции? Моющего средства? Мыла? Нет! Не может быть! Но стоило ему только подумать о мыле, как он понял, что прав. На сто процентов. И это не был запах дешевого гостиничного мыла, которое обычно кладут в отелях. А тонкого, дорогого, ароматного. Типа «Камея» или «Ловила», которыми Уэнди пользовалась в Стовингтоне.

(Чепуха. Воображение разыгралось)

(Да, да! Как зверюшки из живой изгороди, которые стали двигаться)

(Но они же не двигались, не двигались!)

Джек чувствовал, что у него раскалывается на части голова и пульсирует кровь в висках. Он пошел к выходу. Слишком много сегодня случилось неприятного. Нет, все-таки он не станет устраивать взбучку сыну, не будет его наказывать, просто поговорит. Господи, ко всем проблемам ему не хватало еще 217-го номера! Даже из-за банного коврика и запаха мыла «Камея». Вдруг позади него раздался какой-то непонятный шорох и скрежет. Звук этот совпал с моментом, когда он взялся за ручку двери. Джека словно током ударило. Он вздрогнул и напрягся. Глаза расширились, лицо исказила гримаса боли. Он пересилил себя и вернулся в ванную. Занавеска, розовая пластиковая занавеска, которую он только что отдернул, когда осматривал ванну, сейчас вновь была задернута. Металлический скрежет, который он слышал (теперь это не вызывало никаких сомнений), был вызван движением колец, которыми занавеска крепилась на никелированной трубе. А там, за ней, что-то определенно было! Джек собственными глазами видел смутные очертания фигуры. Может, это лишь игра света и тени. Отблеск надраенных

кранов и душа? Или мертвая женщина, вытянувшаяся в ванной, сжимающая кусок ароматного мыла «Камея»? Ожидающая своего возлюбленного, кем бы он ни был?

Джек решил отдернуть занавеску. (Он хочет, он обязан увидеть, что там, за ней!) Решить-то решил, но вместо этого повернулся и на негнущихся ногах, дергаясь, как марионетка, с колотящимся сердцем вышел из ванной комнаты, выключив свет. Дверь в коридор была закрыта. Какое-то мгновение он бессмысленно смотрел на нее, задыхаясь от охватившего его ужаса. Потом взялся за ручку.

(Она не откроется, не откроется!)

Дверь распахнулась. Он погасил в комнате свет и вышел. Из 217-го номера ему вдруг явственно слышались шлепание мокрых ног, царапание ногтями по кафелю, неясный стон, будто кто-то, приблизясь к двери, умолял своего возлюбленного вернуться. Может быть, навеки. Кто-то, раздутый, в гнилостно-пурпурных трупных пятнах. Что это: шаги приближаются к двери? Или это стучит его сердце? Джек всунул в замок отмычку, та никак не желала поворачиваться. Он нажал посильнее. На этот раз помогло — замок щелкнул и закрылся. С легким стоном облегчения Джек отступил к стене коридора и зажмурился. Обрывки странных фраз и мыслей мелькали в его мозгу, но все сводилось к одному — он теряет рассудок. Он сходит с ума!

— Нет! Милостивый Боже, нет! — повторял Джек исступленно и жалобно, как малый ребенок, все еще боясь открыть глаза.

За хаосом своих болезненных мыслей, за бешеным стуком сердца он ясно разобрал мягкий

звук поворачиваемой дверной ручки. Словно кто-то там, в номере, безнадежно пытался вырваться к нему в коридор. Кто-то, кто хотел быть с ним, с Джеком, и его семьей. «Если только я открою сейчас глаза и увижу, что ручка держится, я точно сойду с ума», — подумал Джек и еще крепче зажмурился. Сколько прошло времени, он не знал, но наконец наступила тишина.

Джек заставил себя раскрыть глаза, уверенный, что, когда сделает это, ОНА будет стоять перед ним. Но коридор был пуст. В то же время он почувствовал, что за ним следят. Джек взглянул на дверной глазок и подумал, что же произойдет, если он сейчас заглянет в него? Что будет, если они встретятся? Глаза в глаза? Его ноги непроизвольно направились к двери. Сделав нечеловеческое усилие, он резко повернулся и пошел к лестничной площадке, шаркая подошвами по темно-синему ковру. Он проделал полпути и вдруг остановился возле огнетушителя. Ему показалось, что шланг лежал не так, как прежде. Он был уверен, что, когда он шел в 217-й номер, бронзовый наконечник противопожарного шланга смотрел в сторону лифта. Сейчас он указывал другое направление. К холлу.

— Я НИЧЕГО ЭТОГО не видел, — медленно проговорил Джек Торренс. — Ничего! — Его лицо было землисто-серого оттенка, рот кривился жалкой, вымученной улыбкой.

Он не воспользовался лифтом — лифт показался Джеку ловушкой, — а сбежал вниз по лестнице.

ВЕРДИКТ

Он вошел на кухню, где сидели Уэнди с сыном, крутя в руке отмычку. Цепочка с укрепленной на ее конце металлической пластиной тихо позвякивала. Дэнни — мертвенно-бледный — выглядел бесконечно усталым и измученным. Уэнди все еще плакала. Глаза ее покраснели. Под ними резко обозначились темные круги. Джек ощутил прилив благодарности и странной радости. Страдал, оказывается, не он один.

Уэнди и Дэн безмолвно смотрели на Джека.

— Там нет ничего. Ровным счетом ни-че-го!

Он продолжал крутить цепочку, ободряюще улыбаясь жене и сыну, видя, как на их лицах проступает выражение облегчения. К ним постепенно возвращалась жизнь. Джек с удовлетворением отметил это и подумал, что никогда еще в жизни ему так не хотелось напиться.

В СПАЛЬНЕ

Ближе к вечеру Джек из кладовки на первом этаже забрал детскую кроватку и поставил ее в углу их спальни. Уэнди боялась, что нервное возбуждение помешает сыну заснуть, но еще не закончился показ очередной серии «Уолтонов», как Дэнни стал клевать носом. И буквально через пятнадцать минут после того, как его уложили в постель, мальчик спал глубоким сном, подложив руку под щеку. Уэнди с нежностью смотрела на него, заложив палец между страницами книги, которую читала. Джек сидел за письменным столом, уставившись в рукопись своей пьесы.

— О, черт! — проговорил он.

— Что случилось? — Уэнди оторвала взор от спящего сына.

— Да нет, ничего!

Джек с нарастающим раздражением смотрел на лежащие перед ним листы бумаги. Как же мог он позволить себе даже на минуту представить, будто пьеса хороша?! Ребячество! Он уже переделывал, перекраивал ее тысячу раз. Хуже всего — у него не было ни малейшего понятия, чем же завершить этот труд. Сперва все казалось элементарным: Денкер в приступе гнева хватается кочергу, стоявшую возле камина, и забивает праведного Гарри до смерти. Потом, широко расставив ноги, сжимая в руке окровавленную кочергу, стоит над расprostертым телом и кричит в публику: «Это где-то здесь! Я найду то, что мне нужно!» И пока на сцене медленно гаснет свет, пока опускается занавес, зрители видят не-

движный труп Гарри и Денкера, который подходит к книжному шкафу и начинает лихорадочно хватать с полок стоящие там томики, просматривать их и бросать на пол.

Джек полагал, что подобный — пусть и довольно банальный — финал мог бы в общем контексте пьесы оказаться гарантией успеха на Бродвее.

Но совершенно неожиданно (и дело не только в том, что все его внимание переключилось в последнее время на историю отеля «Оверлук»!) случилось кое-что еще. Джек обнаружил в себе острое чувство неприязни к собственным героям. Такого раньше не бывало! Прежде ему нравились все его персонажи. И положительные. И отрицательные. И он испытывал от этого удовлетворение, ибо подобное отношение позволяло ему — автору! — всесторонне, без предубеждений, изучать и разрабатывать характеры действующих лиц пьесы.

Кстати, из всего написанного им любимым рассказом был когда-то предложенный для небольшого журнала, выходящего на юге штата Мэн, рассказ «Обезьянка по имени Поль Делонг». Это была история о сексуально озабоченном человеке: он приставал к детям и в конце концов решил покончить жизнь самоубийством в своей дешевой меблированной комнате.

Его звали Поль Делонг, а среди друзей — Обезьянкой. Джеку был симпатичен этот парень, несмотря на все, что тот вытворял. Он-то знал, что вина за содеянное, в том числе и за три убийства с изнасилованием, лежит не только на Обезьянке. Виноваты были общество, его прошлое, плохие родители. Отец — буян и хулиган. Безропотная, безответная, забитая

мать. (Все, как у самого Джека!) Пережитый еще в начальной школе опыт гомосексуальных отношений. Публичное унижение. Еще более тяжелые и гнусные годы, проведенные Полем Делонгом в колледже, а потом и в университете: арест за эксгибиционистские штучки, когда он выставил напоказ свои гениталии перед маленькими девочками, выходившими из школьного автобуса.

Поля приговорили к тюремному заключению, но начальник тюрьмы Гриммер отпустил парня на волю, посчитав, что тот в полном порядке. Гриммер понимал, что Поль — извращенец, но написал на него положительный рапорт и, по существу, вышвырнул того на улицу.

Джеку нравился Поль Делонг, но нравился и Гриммер, которому приходилось возглавлять исправительное учреждение с неукомплектованным штатом сотрудников и весьма скудными средствами. Гриммер знал, что Обезьянка не станет спускать штаны на виду у сокамерников и не прикончит кого-нибудь из приятелей-заключенных ножницами, потому что умел ладить с людьми. И все же! Психиатр, занимавшийся делом Поля Делонга, считал, что тому лучше будет на воле. Он же не сумасшедший, не корчит из себя Наполеона! Оба — и врач, и Гриммер — понимали, что тюрьма калечит людей. И действовали, разумеется, из самых лучших побуждений.

Сколько их, несчастных, обивают пороги государственных учреждений! Сколько их — потенциальных кандидатов в арестанты! Параноики, шизофреники, сексуальные маньяки! Мужчины, заявляющие, что поднимались в небеса на летающих тарелках; женщины, выжигавшие

огнем зажигалок половые органы у своих детей! Алкоголики, пироманьяки, клептоманы, дебилы. Помышляющие о самоубийстве... Имя им легион! Так — увы! — устроен мир! Ничто не ново под луной! Если ты накрепко не привязан к делу, к семье, то и будешь вот так болтаться, как дерьмо, биться как рыба об лед, изворачиваться, ошибаться, падать и снова вставать, пока тебе не стукнет тридцать. Так что Джек вполне разделял убеждения Гриммера, как, впрочем, отлично понимал состояние родителей, чьих детей изнасиловали и убили. Он сострадал им, как и самим жертвам, естественно. Как сострадал Обезьянке по имени Поль Делонг. Выводы Джек предоставлял делать читателям. Он не намерен быть судьей. Мантия моралиста совсем не по его фигуре!

И вот теперь эта пьеса! Джек задумал «Маленькую школу» в том же философско-оптимистическом ключе. Но, к сожалению, в последнее время он принялся кардинально перекраивать содержание. Изменилось и авторское отношение к главному герою — Гарри Бенсону. Он стал вызывать у него отвращение. Задуманный первоначально как обаятельный парнишка, для которого деньги родителей были скорее проклятьем, нежели благом, и чьи помыслы были устремлены только к тому, чтобы, получив хорошую характеристику, поступить в университет (именно благодаря своим знаниям и отличному поведению, а не тому, что его отец занимал высокий пост), так вот, этот герой буквально на глазах превратился в ханжу и притворщика. За маской добропорядочного ученика, отважного бой-скаута скрывался маленький расчетливый циник. В нем не было природного блеска (как это задумал

мывалось вначале), а только хитрость и изворотливость.

Так уж получилось! На протяжении всей пьесы Гарри, казалось бы, с почтением обращался к мистеру Денкеру, повторяя «да, сэр!», «никак нет, сэр!» и так далее (Джек считал, что именно так должен обращаться к старшим его собственный сын), но это была всего лишь игра. Гарри, по мнению Джека, произносил свое неизменное «сэр!» с издевкой. Внешне почтительно, а внутри, потешаясь над бедным Денкером. Тем самым Денкером, который никогда в жизни не имел того, что имел Гари. Который вкалывал всю свою жизнь, чтобы добиться наконец места директора в маленькой школе. И вот теперь все его надежды рушились из-за красивого, невинного на вид мальчика из богатой семьи. Мальчика, что так бессовестно надул старого учителя, когда писал экзаменационное сочинение, и ловко замел следы! Конечно, у самого Денкера была куча недостатков. Он держался в школе таким диктатором-самодержцем (прямо какой-нибудь Цезарь из латиноамериканской банановой республики!), был фанатичен и упрям... Вначале Джек намеревался написать пьесу, обличающую любую тиранию, любое злоупотребление властью. Даже в мелочах. Сейчас же он все больше и больше сбивался на бытовую чепуху. И трагедия сводилась не к интеллектуальным страданиям героев, а к разочарованию старого учителя и директора школы в одном из самых способных и блестящих учеников, оказавшимся жестоким, циничным монстром.

Нет! Он никогда не сможет закончить эту идиотскую, надоевшую ему до чертиков пьесу!

Джек с отвращением глядел на разложенные на столе листки бумаги. Господи, что же делать? Как выбраться из этой дерьмовой ситуации? Он вынужден был признаться сам себе, что выхода нет: он начинал писать одну пьесу, а та каким-то непостижимым образом превратилась совсем в другую. Очень уж быстро. Буквально на глазах! И что же теперь делать, черт ее побери?! Придерживаться первоначального замысла или возиться с тем дерьмом, которое получилось? Да что это с ним? Чего ради он решил довести себя до ручки именно сегодня? После ТАКОГО дня вряд ли что-то путное может прийти в голову.

— ...любой ценой спуститься!

Джек, продираясь сквозь густую липкую паутину, широко раскрыл глаза и посмотрел на жену:

— Что ты говоришь?

— Я спрашиваю: что мы можем сделать для того, чтобы любой ценой спуститься вниз, в долину? Нам обязательно нужно увезти Дэнни отсюда.

Какое-то время Джек находился в прострации, так что не сразу понял, о чем идет речь, но когда сообразил, сухо рассмеялся:

— Ты говоришь об этом так, словно нет ничего проще...

— Нет, я не имела в виду...

— Никаких проблем, Уэнди. Мне надо всего лишь войти в телефонную будку, переодеться там в трико и черный плащ и потом на собственных плечах перенести Дэнни в Денвер. «Джек Торренс — супермен!» Так называли меня в далеком босоногом детстве!

— Я все понимаю, Джек: телефон не работает, рация сломана, нас завалило снегом. Но

что-то ведь нужно предпринять. Ты же видишь, что происходит здесь с Дэнни. Боже! Не будь так слеп! Он едва оправился от шока. А если бы не оправился?!

— Но он же вышел из этого состояния! — медленно проговорил Джек. Его тоже перепугали неестественная оцепенелость Дэнни, отсутствующий взгляд, белое, как маска, лицо. Сначала. Но чем дольше он размышлял над случившимся, тем больше ему казалось, что это могло быть и притворством, ловким лицедейством нашкочившего ребенка, чтобы избежать наказания — ведь он нарушил запрет.

— Все равно! — Уэнди подошла к столу, за которым сидел Джек, и присела рядом с ним на постель. Лицо у нее было удивленное и встревоженное одновременно. — А эти синие пятна у Дэна на шее! Кто-то напал на него! Я хочу, Джек, чтобы мы увезли сына отсюда!

— Ради Бога, не кричи. У меня и так башка трещит. Дорогая, я, так же, как и ты, обеспокоен всем, что случилось сегодня... Этим... Только, прошу тебя, не кричи!

— Хорошо. Я не буду кричать. — Уэнди перешла на шепот. — Но я никак не могу тебя понять. Здесь, в отеле, кроме нас, находится кто-то еще. И этот «кто-то» далеко не из приятных. Мы должны спуститься с гор, в Сайдвиндер. Не только Дэнни, но мы все. Как можно быстрее. А ты? Ты спокойно сидишь и читаешь свою пьесу!

— Мы должны спуститься вниз. Мы должны спуститься вниз. Ты повторяешь одно и то же, словно я и впрямь супермен.

— Ты мой муж, — мягко сказала Уэнди.

Долго сдерживаемое раздражение выплеснулось у Джека наружу. Он сложил бумаги и стал спешно засовывать листки в папку, не обращая внимания на то, что они мнутся.

— Знаешь, Уэнди, пора тебе понять горькую правду о положении дел в нашей семье. Ты не располагаешь всей информацией («не принимаешь» ее, как говорят социологи), не вникаешь в суть. И торопишься делать свои, зачастую очень уж скоропалительные, выводы. Настаиваешь. Требуешь. Неужели до сих пор ты так и не осознала, что мы в снежной западне?

Дэнни неожиданно начал ерзать и ворочаться в постели. «Так случалось с ним всегда, когда мы ссорились», — подумала Уэнди. А сейчас они именно этим и занимались.

— Не буди мальчика, Джек, — попросила она.

Джек взглянул на спящего сына и покраснел.

— Ладно, ладно. Извини! Я, конечно, виноват, что злюсь. Но не на тебя, а на себя. Ведь это я разбил наш приемник-передатчик. Моя вина. Признаю. Это была единственная надежная связь с остальным миром. «Чайка, чайка!» Я — «Орел!» Мистер Спасатель, приезжайте за нами. Мы больше здесь не выдержим!»

— Не нужно! — Уэнди обняла Джека, потрепала его по волосам. — Я знаю, ты прав. Я действительно бываю очень похожей на свою мать, как ты сегодня сказал. Я бываю форменной стервой! Но пойми же — порой становится просто невыносимо. И есть вещи, которые трудно забыть и простить.

— Ты имеешь в виду сломанную руку Дэнни? — Он поджал губы.

— Да. Но дело не только в тебе. Я боюсь всего. Когда он уходит играть. Я беспокоюсь из-за того, что он хочет обязательно получить в следующем году двухколесный велосипед. Пусть даже со страховочными колесиками. Я боюсь за его зубы и глаза. Мне страшно из-за того, что он называет СВЕЧЕНИЕМ. Страшно, потому что он такой маленький, хрупкий, незащищенный. Потому что здесь, в отеле... кто-то преследует его. И это непременно коснется нас, неужели ты не понимаешь? Вот почему мы должны уехать отсюда.

Уэнди в отчаянии сжала плечо Джека, невольно причинив ему боль, но он не обратил на это внимания. Его рука нащупала большую, упругую грудь жены, и стала ласкать ее.

— Милая! — сказал Джек и замолк. Уэнди подождала, что муж скажет дальше. Его крепкая рука продолжала ласкать ее грудь. Это волновало ее, возбуждало. — Милая! Я бы мог попытаться спуститься с Дэнни с гор на снегоступах. Часть пути он пройдет сам, но в основном мне придется нести его на себе. Это — с остановками — займет двое-трое суток. Мне придется взять с собой одеяла, кое-какие продукты, палатку. Уложить все на санки. У нас есть маленький транзисторный радиоприемник. Как только по прогнозу выпадут три хороших дня, можно двинуться в путь. А если прогноз окажется неверным? Думаю, что мы тогда так и не дойдем до цели. Замерзнем в пути.

Уэнди побледнела. Джек продолжал ласкать грудь жены, нежно поглаживая сосок большим пальцем. Она издала мягкий, похожий на стон звук, то ли в ответ на слова мужа, то ли в ответ на настойчивую ласку. Джек поднял руку и рас-

стегнул верхнюю пуговку на ее блузке. Уэнди слегка раздвинула ноги. Ее джинсы показались ей слишком узкими, сладко-раздражающими, и это было приятно.

— В затее с лыжной экспедицией есть еще одна негативная сторона: тебе придется остаться в отеле, так как ты не можешь пользоваться снегоступами. Остаться на несколько дней одной. Хочешь ли ты этого? — Джек расстегнул вторую пуговку. Обнажилась ложбинка между грудями.

— Нет, что ты! — испуганно воскликнула Уэнди. Она посмотрела на сына. Тот прекратил вертеться и теперь спокойно спал, засунув большой палец в рот. Значит, все хорошо! Все в порядке. Но Джек ведь сказал не все. Был еще какой-то вариант... Какой?

— Если мы немного переждем здесь, — сказал Джек, медленно расстегивая третью и четвертую пуговицы, — лесничие или смотрители парка Колорадо непременно навесвят нас, чтобы поинтересоваться, как мы здесь живем, как идут дела, не нужно ли нам чего. Тут-то мы и скажем им, что хотим спуститься в долину. — Он вытащил в образовавшийся вырез рубашки голые груди Уэнди и принялся целовать их, покусывая твердые, возбужденные соски, лаская их языком. Уэнди застонала и подалась к нему.

(Есть еще какой-то вариант... Я забыла?)

— Родной! — Она обхватила голову мужа руками и прижала к груди. — Как же эти люди проберутся к нам?

Джек поднял голову, собираясь ответить, потом снова нагнулся к ее роскошной груди и взял губами сосок. Наконец оторвался и ответил с явным недовольством:

— Ну, что ты все об одном и том же? Вертолетом, думаю, они сюда не решатся лететь. Значит, воспользуются снегоходами.

— Но у нас же есть здесь снегоход! Помнишь, мистер Ульман говорил?

Джек на мгновение замер. Потом выпрямился. Лицо Уэнди зарделось, глаза блеснули. Муж — напротив — был спокоен и равнодушен, будто его заставили вернуться к чтению скучной книги, вместо того чтобы заниматься любовью.

— Ну да! Здесь есть снегоход. Значит, все проблемы решены! Мы втроем уедем отсюда.

— Уэнди! Побойся Бога, я же никогда в жизни не управлял этой машиной!

— Но ведь нетрудно научиться. Тем более тебе. Помнишь, в Вермонте даже десятилетние мальчишки лихо носились на снегоходах? А у тебя был мотоцикл, когда мы встретились.

Да, у него была «Хонда» на 3500 кубиков. Зверь, а не машина. Он обменял ее на «сааб», как только они с Уэнди стали жить вместе.

— Конечно, я научусь, дело в общем-то нехитрое. Но хотелось бы знать, в каком состоянии этот драндулет. Ульман и Уотсон ведь работают в «Оверлуке» с мая по октябрь. У них сугубо летнее мышление, как со свечами? Аккумулятор нуждается в зарядке. Словом, мне хотелось бы, чтобы ты не связывала свои надежды с тем, что может их обмануть, Уэнди.

В возбуждении она подалась к нему, ее пышные груди выпали из расстегнутой рубашки. Он вдруг почувствовал желание грубо схватить и сжать одну. До боли. Чтобы Уэнди закричала. Может быть, хоть это заставит ее заткнуться! А она продолжала радостно бубнить:

— Знаешь, бензин не проблема. В «фольксвагене» и в гостиничном грузовичке его хватит и не на такое путешествие! Кроме того, внизу есть бачок с бензином для аварийного генератора. Так что мы могли бы прихватить с собой и запасную канистру.

— Да!

— Я уверена, что свечи и аккумулятор тоже где-нибудь в сарае, ну, там, где стоит снегоход.

— Кажется, ты все предусмотрела, умница. — Джек встал и подошел к кровати, где спал сын. Прядь волос упала Дэнни на лоб. Отец аккуратно и нежно поправил ее. Мальчик продолжал спать и даже не шевельнулся.

— И когда ты приведешь снегоход в порядок и испытаешь его на ходу, мы же уедем отсюда? В первый же день, как услышим по радио благоприятный прогноз, правда? — донесся откуда-то издали голос жены.

Джек помолчал, глядя на сына. Теплое облако любви и нежности окутало его с ног до головы. Уэнди абсолютно права: мальчик очень хрупкий и уязвимый. Пятна на его шее были отчетливо видны. Потом он повернулся к Уэнди и произнес:

— Я все сделаю. Приведу в порядок снегоход. Опробую его. И мы уедем отсюда.

— Слава Богу! — Уэнди лежала голая. Ее нежный живот, красивые тугие груди мерно вздымались в такт взволнованному, прерывистому дыханию. Она томно ласкала свои соски.

— Поторапливайся, джентльмен. Время пришло!

Позже, в полумраке (горел лишь ночничок Дэни, который тот принес из своей комнаты), Уэнди, истомленная, умиротворенная, лежала в объятиях мужа и перебирала в памяти события минувшего дня. Ей не верилось, что в отеле, кроме них, мог находиться кто-то еще. Затаившийся и смертельно опасный. Кровожадный.

— Джек! — позвала она мужа.

— М-мम्म, — промычал тот что-то нечленораздельное, пытаясь скинуть с себя сон, в который неумолимо погружался.

— Джек! Как ты думаешь, кто все-таки напал на Дэна?

Ответ мужа прозвучал неопределенно:

— Понимаешь, он обладает определенными способностями, которых лишены мы, да и вообще многие люди... Необычными способностями. Может, действительно в отеле существует что-то сверхъестественное...

— Привидения?

— Не знаю. Может быть, но только не в том смысле, как это принято понимать или как об этом пишут писатели вроде Алджернона Блэквуда. Скорее это отголоски событий, происходивших в «Оверлуке», следы... остатки чувств людей, что здесь когда-то жили. Переживаний. Хороших и дурных. Во всех отелях, по-моему, есть свои привидения, особенно в таких старых, как этот.

— А мертвая женщина в ванне? Он ведь не сходит с ума?

— Видишь ли, — Джек крепко сжал руку жены, — Дэн время от времени впадает — я не могу подобрать другое слово — в транс. Может, он ищет что-то, нечто более приятное, чем действительность. Мы же оба знаем, что в этом состо-

янии он совершает поступки, которые трудно объяснить с точки зрения здравого смысла. Он видит то, что не поддается пониманию. Подсознательно. Фрейд утверждал, что наше подсознание никогда не изъясняется с нами точным языком, а только символами. Скажем, если тебе снится, что ты попала в булочную, где никто не говорит по-английски, возможно, таким образом подсознательно проявляется твоя озабоченность, тревога, что ты не способна содержать свою семью. Или, например, сон, что ты живешь с людьми, которые тебя не понимают. Я читал, что в плохих снах люди как бы находят для себя выход... Выход своим чувствам неуверенности и тревоги. Все это, разумеется, игры, маленькие игры. На одной стороне — сознание, на другой — подсознание. Кто кого перетянет. То же самое с душевными болезнями, предчувствиями, ясновидением и прочей чепухой, которой сегодня поголовно все увлекаются. Так и с видениями у Дэнни. Может, он в самом деле углядел кровь на стене Президентских апартаментов — для ребенка его возраста кровь и понятие смерти практически взаимозаменяемы. Кстати, для детей возникающие в их воображении образы более значимы, чем любая концепция. Уильямс Карлос Уильямс — известный педиатр — прекрасно знал это. Когда мы вырастаем, понятие, концепция становятся для нас главенствующим фактором, а образы, игру воображения мы оставляем поэтам и... Прости, кажется, я несу суший вздор. Заболтался.

— Мне приятно, милый, когда ты несешь вздор.

— Люди, вы слышали: Она сказала это? Сказала!

— Но синие пятна у него на шее... Ведь они-то вполне реальны?

— Да.

Наступила продолжительная пауза, и Уэнди подумала, что Джек заснул. Она сама стала проваливаться в навалившуюся дремоту, как вдруг Джек сказал:

— Я мог бы предложить два объяснения тому, что произошло. И оба они равным счетом не имеют никакого отношения к кому-то еще, кто, как ты думаешь, прячется в этом отеле.

— Какие объяснения? — Уэнди приподнялась на локте.

— Во-первых, это могут быть стигматы.

— Стигматы? Ты имеешь в виду кровотечения у верующих на Страстную пятницу?

— Именно! Известно, что у некоторых глубоко верующих людей на Страстную неделю на руках и ногах (там, где в Иисуса вбивали гвозди при распятии) появляются кровоточащие раны. Особенно часто это происходило в средние века. Во всяком случае, много чаще, чем в наши дни. В те времена такие люди считались отмеченными Богом. Католическая церковь (на это у нее хватило ума) никогда, заметь — ни-ког-да — не считала появление стигматов чудом. Это явление ничем не отличается от тех трюков, которыми пробавляются йоги. Сегодня во многом уже разобрались. Особенно в том, что касается взаимодействия духовного и физического. В людях скрыты огромные потенциальные возможности, и те, кто всерьез занимается этим (или по крайней мере изучает), приходят к выводу, что мы обладаем практически неограниченными возможностями контроля своих произвольных функций. Сосредоточившись, можно замедлить

сердцебиение. И наоборот — ускорить процесс обмена веществ в организме. Можно заставить себя вспотеть или вызвать кровотечение...

— Ты хочешь сказать, что Дэнни думал о таких пятнах на шее? Я не могу в это поверить, Джек.

— Не так примитивно. Но возможно, хотя мне все это крайне неприятно. Но что более вероятно — он мог сделать это себе сам.

— Сам?

— Да! Помнишь, в прошлом не раз, когда Дэн впадал в транс, он причинял себе боль. Так было два года назад во время ужина. Мы дулись друг на друга и молчали как рыбы. Обстановка, прямо скажем, была не из самых приятных. И вдруг у Дэнни закатились глаза, и он сначала грохнулся лицом в тарелку, а потом упал на пол. Помнишь?

— Конечно, помню. Мне еще показалось, что с ним случился припадок эпилепсии. Я так тогда перепугалась!

— В другой раз это случилось в парке. Мы гуляли с ним вдвоем. Дэнни и я. В полдень. В субботу. Он сидел на качелях, которые мерно двигались: туда-сюда, туда-сюда. И вдруг как подстреленный, свалился на землю. Я подбежал к нему, взял на руки. И он также внезапно пришел в себя, прищурился и проговорил: «Я поранил себе живот. Скажи маме, чтобы она закрыла окна в спальне, если начнется дождь!» В ту ночь действительно лило как из ведра.

— Понятно, но какое отношение...

— погоди! Дэн всегда, как все мальчишки в его возрасте, приходит в синяках и шишках, с царапинами и кровоподтеками. Содранные локти, разбитые колени. И когда ты спрашива-

ешь, что случилось, ответ один и тот же: «Я играл, мамочка». И все.

— Джек, ты прав. Все ребятишки возвращаются домой в синяках и ссадинах. Это нормально. С их первых шагов и до тринадцати — пятнадцати лет, но...

— Я уверен, что Дэнни получает свою часть положенных синяков и шишек. Он энергичный, подвижный мальчик. Но я опять и опять вспоминаю случай во время ужина два года назад и тот, в парке. Это совсем другое. Может быть, случаи потери сознания не единичны. Вон ведь и доктор Эдмондс сказал нам, что нечто подобное произошло с Дэном в его кабинете.

— Хорошо. Допустим, ты прав. Но синяки на шее у Дэнни были явными отпечатками чьих-то пальцев. Я готова поклясться. Они не могли появиться от того, что он где-то упал.

— Он был в трансе. Наверняка увидел что-то, что происходило в 217-м номере много лет назад. Вот тебе аргумент, объясняющий его нервное потрясение. Может быть, он увидел чье-то самоубийство. Или насильственную смерть. Знаешь, это ведь совсем другое состояние, чем когда смотришь фильм ужасов. И его подсознание сработало, вызвало символы... В виде мертвой женщины. Ожившей. Этакого монстра-зомби. Вурдалака. Вампира. Привидения, выражаясь твоим языком.

— У меня мурашки бегут по телу от таких слов, — голос Уэнди прозвучал хрипло и испуганно.

— Да, и у меня самого, признаться, тоже. Я не психиатр, конечно, но, по-моему, все один к одному. Выстраивается довольно логичная цепочка. Мертвая женщина как символ давно

умерших чувств и поступков, утраченных жизней идет за Дэнни... Но поскольку это видение из подсознания, то оно-то и было САМИМ Дэнни. В нормальном состоянии все было бы иначе. И вот во время глубокого транса его — Дэнни, нашего Дэнни — не существует. Подсознание (по Фрейду) дергает его за веревочки, поэтому он хватается за шею...

— Хватит! Остановись! Я представляю себе эту ужасную картину. Но, думаю, рассказанное тобой еще страшнее, чем если бы здесь появился кто-то незнакомый и опасный. От него все-таки можно хотя бы убежать. От себя не убежишь. То, о чем ты говоришь, — типичная шизофрения.

— В легкой форме, Уэнди. Но необычная по своему характеру из-за того, что наш сын может проникать в чужие мысли, предугадать события. Я не считаю это признаком душевного заболевания. Нет! Все мы в какой-то степени шизики. Я убежден, что Дэнни, повзрослев, освободится от этих напастей либо научится контролировать себя.

— Если ты прав в главном, а я думаю, что ты абсолютно прав, значит, тем более нам следует поскорее убраться из этого гиблого места. Как бы там ни было, отель дурно влияет на Дэна. Да и на всех нас.

— Не могу с тобой согласиться, Уэнди! Если бы Дэн слушался, не нарушал данных им обещаний и не своевольничал, он — прежде всего — не пошел бы в 217-й номер. И ничего бы не случилось.

— Господи, Джек! Подумай, что ты несешь! Неужели ты полагаешь, что быть полузадушен-

ным — это адекватная расплата за непослушание?

— Нет, конечно, нет. Но...

— Никаких «но»! Мы пока строим с тобой догадки и не имеем понятия, что еще может произойти, если мальчик завернет за угол коридора. Не увидит ли он снова что-то страшное, пусть даже это будут обычные галлюцинации, этаким фильмом ужасов... Мы должны увести его отсюда! — Она нервно рассмеялась в полумраке комнаты, освещенной одним ночником. — А то и нам станут мерещиться разные жуткие вещи.

— Не болтай глупости! — сердито отрезал Джек. Ему вдруг отчетливо привиделись львы из живой изгороди, столпившиеся на дорожке, ведущей к игровой площадке. Голодные ноябрьские львы. На лбу у него выступил холодный пот.

— Ты действительно ничего не обнаружил в том 217-м номере? Ты ничего не видел? — спросила Уэнди.

Львы исчезли. Сейчас перед Джеком предстала розовая пластиковая занавеска. А за ней — вполне различимое, хотя и не очень четкое, очертание чьей-то фигуры. Закрытая дверь, ручки которой кто-то настойчиво дергал. Он явственно слышал шаги, стук своего сердца, когда пытался повернуть отмычку в замке.

— Ничего! — сказал Джек.

И это была правда. Он просто устал, издержался и совсем не был уверен в том, что с ним вообще что-то приключилось. Ему так и не представилась серьезная возможность проанализировать случившееся, найти объяснение самому факту появления синих пятен на шее у сына. Он

ведь и сам был подвержен странным видениям. Галлюцинации и его едва не довели до ручки.

— И ты, надеюсь, не передумал насчет снегохода?

Кулаки Джека сжались.

(Да прекратишь ты, наконец, раздражать меня!)

— Я сделаю все так, как надо. Я обещал. И хочу этого сам. А теперь давай спать. Спать! Это был ужасно длинный и трудный день.

— Да, давай!

Раздался шорох постельного белья. Уэнди, устраиваясь поудобнее, прошептала:

— Я люблю тебя.

— И я! — произнес машинально Джек. Его руки все еще были сжаты в кулаки, они ныли от тяжести, словно к ним подвесили камни. Вздущаяся на лбу жилка нервно пульсировала. Уэнди тоже хороша! Она ведь и словом не обмолвилась о том, что они станут делать, когда уедут отсюда. Кончен бал, погасли свечи? И все? Ни словом. Только о Дэнни. Он такой, да он этакий: «Я так боюсь за нашего мальчика, Джек!» Да, она боится всего! Любого шороха, тени, мелькнувшей в коридоре. Хороши они будут, заявившись в Сайдвиндер с шестьюдесятью долларами в кармане, одетые только в то, что смогут на себя напялить. Без машины! Даже если бы в городе был ломбард (а его там точно нет), все равно им не выкрутиться. Что они смогли бы заложить? Девяностодолларовое обручальное колечко Уэнди с крохотным бриллиантом и никому не нужный транзисторный приемник «Сони»?

Господи, да им дали бы за все про все двадцать баксов. Это еще если им попадется ДОБРЫЙ ломбарщик! И что дальше? Работу ему не найти, даже временную. Разве что уборщиком

улиц — разгребать снег за три доллара перед гаражом или подъездом. Зрелище, представившееся ему, было жалким и невыносимым: он, тридцатилетний Джек Торренс, которого однажды напечатали даже в журнале «Эсквайр» и который (не без оснований) надеялся, что в течение ближайших десяти лет станет одним из известнейших американских писателей, с лопатой на плече отправляется вкалывать: звонок в дверь! «Не нужно ли, мэм, расчистить дорожку?» Эту картинку Джек вдруг увидел гораздо ярче и контрастнее, чем проклятых зверей из живой изгороди. Он еще крепче сжал кулаки, чувствуя, как ногти вонзаются в кожу, оставляя на ладонях мистические кровавые следы в виде нарождающегося месяца.

Веселенькое зрелище! Джек Торренс стоит в очереди у Сайдвиндерской методистской церкви, зажав в руке шестьдесят долларов, чтобы получить какую-нибудь подачку и поменять деньги на купоны для приобретения дешевой пищи. Прохожие с презрением поглядывают на его обноски, заросшее щетиной грязное лицо...

Или такая вот картинка: Джек объясняет Эллу Шокли, почему он бросил отель. Заглушил котел, вырубил свет и уехал из «Оверлука», оставив здание без присмотра на разграбление воров, снующих повсюду на своих снегоходах. «Потому что — послушай, послушай, Эл! — потому что в отеле, ты знаешь! — водятся привидения. Они нападают на моего сына, представляешь? Чуть не задушили его! Такие вот дела, Эл! Ну, бывай!»

Итак, они промыкаются до весны. А потом? Можно было бы добраться на «фольксвагене» до Западного побережья, к океану. Если поменять

в автомобиле бензонасос, это нетрудно сделать — дорога миль пятьдесят все время под уклон, можно ехать на нейтралке, экономя горючее. И дотянуть до штата Юта. Или даже до солнечной Калифорнии, страны апельсинов и неограниченных возможностей. То-то будет клёво! Заявится человек с замечательным послужным списком: хронический алкоголизм, избивание учеников, мания преследования... привидениями. Такой, разумеется, нарасхват. Из-за него начнут спорить, станут зазывать Джека! Мыть машины или грязную посуду в дешевых забегаловках. Или, может быть, на бензоколонку — заправлять автомобили. За мизерную плату. Хорошенькая перспектива, ничего не скажешь!

Кровь стала приливать к ладоням. Вот тебе и стигматы! Джек еще крепче сжал кулаки. Его жена мирно спала рядом. Ей-то что? Для нее не существует никаких проблем. Все просто и понятно — он завтра же увезет их отсюда от большого страшного вурдалака. «Поэтому, понимаешь, Эл, мне ничего другого не оставалось, как просто...»

(Убить ее!)

Эта мысль, ясная во всей своей очевидности и обнаженности, возникла вдруг где-то на задворках его воспаленного разума. Это было твердое навязчивое желание прямо сейчас вытащить жену из постели, голую, заспанную, сбросить на ковер, навалиться на нее, схватить за горло и душить, душить, колотя глупой, вздорной, упрямой башкой по полу. Душить и трясти, пока она не перестанет биться в его руках и не замолкнет навеки. Он заставит ее принять лекарство. До последней капли. До последней горькой капли!

Какой-то шум, глухой и странный, вдруг донесся до сознания Джека. Он приподнялся на локте и посмотрел вокруг. Дэнни ворочался в своей кровати. Он сбросил с себя одеяло и тихо постанывал. Опять его мучают кошмары? Мертвая леди в трупных пятнах идет за ним по зловеще-темным коридорам отеля? Нет! Явно что-то другое, еще более страшное, привиделось сыну во сне. Джек отбросил от себя обуревавшие его мрачные чувства и встал. В смятении подошел к кровати Дэнни. Ему стало стыдно. Конечно, сейчас нужно думать только о мальчике. Это главное. О мальчике, а не о себе и Уэнди. И какие бы разумные контрдоводы и объяснения он ни находил, сына необходимо увезти отсюда. Джек накрыл мальчика одеялом, аккуратно подоткнув его в ногах и сбоку, чтобы Дэн больше не раскрылся. Дэн вроде бы успокоился, и Джек погладил сына по голове...

(Какие же чудовища роятся под этой крохотной черепной коробкой?)

Лоб мальчика был теплым, но не горячим. Слава Богу, температуры нет! Дэн спал. Дыхание стало ровным. Спокойным.

Джек возвратился к себе в постель. Попытался заснуть, но это ему удалось не сразу. Вообще-то чертовски несправедливо, что все вдруг обернулось столь неприятным образом — невезуха, форменная невезуха преследовала его по пятам. Хотя вначале дела складывались вроде бы наилучшим образом. Удача, казалось, улыбнулась им своей широкой ослепительной улыбкой. И вот — все к черту! Все кончится завтра, когда они после полудня придут в Сайдвиндер. Ну хорошо! А если все-таки остаться в отеле? Какие могут быть плюсы? Во-первых, будет завершена

пьеса. Так или иначе он добьет ее. Между прочим, некоторая неопределенность автора в отношении к своим героям могла бы добавить пикантности этой трагедии в пяти действиях, сделать ее более привлекательной и смягчить двусмысленность концовки. Пьеса принесет деньги. Вполне даже вероятно! Впрочем, если это и не произойдет, Эл наверняка сможет убедить попечительский совет Стовингтонской школы взять Джека обратно. На преподавательскую должность. Он, естественно, согласится. Но не больше, чем на три года. Никак не больше! Раньше ему в Стовингтоне не очень-то нравилось. Вся эта атмосфера душила, выводила из себя. Но он просто был еще молод. Неопытен. Да и сколько можно тратить попусту время, обучая тупых, недобрых, избалованных детишек! Правда, нужно признать это честно, может быть, ему не было бы так тяжело и противно в школе, если бы он не являлся туда чуть ли не через день с жуткого похмелья. Но теперь с пьянкой покончено. Навсегда! Он сможет исполнять свои обязанности преподавателя гораздо лучше. Вне всякого сомнения! Джек был уверен в этом.

Мысли его стали путаться, перескакивать с предмета на предмет, и он наконец заснул. Последнее, что врезалось ему в память, это прозвучавшие отчетливо и громко, как звон колокола, слова:

Ты можешь обрести здесь мир и покой! Можешь! Если только избавиться от них!

* * *

Джек проснулся и обнаружил, что стоит в ванной 217-го номера.

(Что за чертовщина! Он опять спящим бродит по этажам? Но здесь же нет рации, которую можно разбить!)

Свет горел только в ванной, комната за спиной была погружена во мрак. Розовая пластиковая занавеска свисала с никелированной трубы, к которой крепились металлическими кольцами. Банный коврик валялся тут же, смятый и влажный. Джеку стало страшно, но где-то, в глубине души, он чувствовал, что все это нереально и ничем плохим для него завершиться не может. Бояться нечего! Да и вообще в этом «Оверлуке» слишком много похоже на галлюцинацию! Он решительно подошел к занавеске и отдернул ее.

В белой фаянсовой ванне, с ее надраенными кранами и душем, плавало — как в невесомости — голое тело Джорджа Хэтфилда. В его груди по рукоятку торчал нож. Вода вокруг трупа начинала постепенно розоветь. Глаза были закрыты. Его пенис чудовищной водорослью устремлялся к поверхности и шевелился.

— Джордж! — Джек услышал свой глухой перепуганный голос.

Хэтфилд вдруг поднял веки. Взгляд его глаз был оловянным, отсутствующим. Не как у живых людей. Руки Джорджа поскребли по бортам ванны, и он, приподнявшись, сел. Нож по-прежнему торчал в его груди. Точно между сосками. Рана была ровной и гладкой, без заусениц и рваных лохмотьев.

— Это ведь ты перевел часы вперед? — спросил оловянноглазый Джордж.

— Нет, нет! Я ничего не делал!

— Ты видишь, я больше не заикаюсь.

Теперь Джордж Хэтфилд стоял в ванне в полный рост, сверля Джека своими безжиз-

ненными, тусклыми глазами. Его рот был растянут кривой улыбкой мертвеца. Он уже перекинул одну ногу через белый фаянсовый край ванны. Еще миг, и та оказалась на банном коврике.

— Сперва ты пытался обогнать меня на велосипеде, потом перевел стрелки хронометра, а теперь хочешь убить меня, но я больше не заикаюсь!

Хэтфилд, растопыря руки и шевеля пальцами, шагнул к Джеку. От него несло замшелой сыростью, как от опавших, измокших под дождем листьев.

— Это же для твоего блага,— проговорил Джек, пятясь.— Я перевел часы только для твоей пользы. Мало того, я узнал, что ты мошенничал во время экзаменационного сочинения.

— Нет. Я не лгал, я никого не обманывал. И я не заикаюсь! — Руки Джорджа легли на горло Джека. Тот вырвался, повернулся и бросился прочь из ванной 217-го номера. Он передвигался медленно, какими-то тягучими, как это бывает в дурных снах, шагами.

— Ты лгал! Ты мошенничал! — истошно завопил Джек, попав в темную неосвещенную комнату.— Я докажу это!

Джордж снова схватил его за горло. Сердце Джека колотилось с такой силой, что, казалось, сейчас вырвется из груди. Он все же смог нащупать ручку двери и повернуть ее. Дверь открылась. Он побежал вниз, но не к себе, туда, где они жили с Уэнди и Дэном, а в подвал. Скорее! Мимо котлов. Через арку. Покрытая паутиной лампочка тускло мерцала под потолком. Его старенький шезлонг стоял на своем месте. Вокруг громоздились горы коробок и ящиков, пачки по-

желтевших от времени газет, счетов, извещений и Бог знает чего еще. Он вздохнул с облегчением.

— Я найду, найду это! И докажу! — Джек снова слышал свой истошный вопль. Он схватил первую попавшуюся ему на глаза картонную коробку, она тут же расплзлась в руках. Оттуда хлынул поток бумажек, ломких, желтых листов. — Это где-то здесь. И я обязательно найду! — Он засунул руку в глубь коробки и извлек оттуда высохшее осиное гнездо и хронометр. Хронометр тикал. Бикфордовым шнуром он был привязан к пачке динамита. — Вот! Вот! Я нашел! *Возьми его себе!*

Теперь он чувствовал себя в полном порядке. Ему не только удалось спастись от Джорджа Хэтфилда, но и победить его. С этими вещами-талисманами, что сейчас у него в руках, Джордж никогда не рискнет тронуть его. Убегит в страхе. Джек повернулся, чтобы во всеоружии встретить призрак Хэтфилда. Тот стоял с ним лицом к лицу. Его холодные, пахнущие сыростью руки сжали горло Джека. Пальцы его давили безбожно больно, так что перехватило дыхание и холодная испарина покрыла все тело Джека.

— *Я больше не заикаюсь,* — повторял Джордж.

Руки Джека ослабли. Он выронил осиное гнездо. Из него вырвались тучи ос, безжалостных, жалящих смертельно. Он стал терять сознание и в последний момент увидел, что стрелка хронометра приближается к роковой отметке. Победа, победа! — торжествовал Джек, пока не заметил, что бикфордов шнур ведет от часов не к пачке динамита, а к массивному золотому набалдашнику длинной черной трости. Вроде

той, что носил с собой его отец, Марк Энтони Торренс, после автодорожного происшествия, которое сделало его хромым. Джек ухватился за трость, и бикфордов шнур тут же отпал сам по себе. Трость ладно легла в руку. Он со всей силой ткнул ею в ненавистное голое, скользкое тело Джорджа, заметив, что и без того тусклый свет от затянутой паутиной лампочки начинает меркнуть, отбрасывая бледные пятна на мокрый каменный пол подвала, на разбросанные вокруг бумаги. Джек нанес еще один удар тростью. О, это был настоящий зубодробильный удар. Джордж закричал. Хватка его мерзких холодных рук на горле у Джека ослабла.

Джордж вырвался и глубоко втянул в себя воздух. Джордж Хэтфилд стоял перед ним на коленях, низко склонив голову. Он обхватил ее руками. С пальцев текла кровь.

— Пожалуйста! Дайте мне передышку, мистер Торренс,— проговорил Джордж.

— Вот теперь-то ты примешь лекарство. Все до капли. До последней горькой капли! Маленькое дерьмо!

Свет тускнел, по стенам плясали странные тени. А он — как автомат — продолжал вздымать и опускать свою тяжелую трость. Руки Джорджа бессильно обвисли, и теперь Джек колотил ненавистный труп по голове, по плечам, по спине. Пока не обнаружил, что в руке у него не длинная черная трость с золотым набалдашником, а крокетный молоток для игры в роук. С красивой, инкрустированной ценными сортами дерева и перламутром, рукояткой. С жесткой ударной частью, которой бьют по шару. И которая сейчас была в крови и прилипших к ней темных волосах. Методичный глухой звук наносимых Дже-

ком ударов смешался с новым вибрирующим звуком. Он эхом раздавался под сводами подвала, улетал и возвращался обратно. Станный, как пьяного бормотание, звук. Но он же не пил! Он давно уже не брал в рот хмельного!

Жалкая коленнопреклоненная фигура перед Джеком подняла голову с мольбой и надеждой. Это была бледная маска, залитая кровью. Он уже занес руку для последнего сокрушительного удара, когда увидел, что к нему обращено не молящее о пощаде лицо Джорджа Хэтфилда, а лицо его сына Дэнни.

— Папочка!

Молоток со свистом обрушился на голову мальчика. Прямо между его глаз, закрыв их навеки. Джеку послышался чей-то радостный, довольный хохот. Хохот его отца!

(Нет!!)

* * *

Он встал с постели и голый склонился над кроватью сына. В руках у Джека ничего не было. Его тело покрылось холодной испариной. Этот последний крик — «Папочка!» — ему, конечно, просто приснился. Джек повторял и повторял шепотом:

— Нет, нет! Никогда, Дэнни! Никогда, сыночек!

На ватных ногах, дрожа от окутавшего его страха, он вернулся к себе в постель. Уэнди спокойно спала. Часы на тумбочке показывали четверть пятого. Джек без сна провалялся до семи, когда Дэнни, просыпаясь, принялся ерзать в своей кровати. Джек встал и оделся. Самое время спуститься в подвал и проверить, как работает котел.

СНЕГОХОД

Где-то среди ночи, пока Торренсы спали, снегопад прекратился, оставив на земле еще сантиметров на десять пушистой белизны. Облака развеялись. Свежий крепкий ветер растаскивал с голубовато-синего неба остатки мрачных холодных туч. Джек стоял у окна сарая и щурился от солнечного луча, пробивавшегося сквозь мутное стекло. Это было длинное, как трейлер, помещение. И такой же приблизительно высоты. Там пахло пылью, машинным маслом, бензином и — неожиданно — свежей травой. Четыре могучие газонокосилки стояли вряд вдоль стены, как солдаты на плацу, две из них представляли собой маленькие тракторы. Слева от них были свалены лопаты, грабли, ножницы для стрижки кустов, бензопила и прочий садовый инвентарь. И длинный металлический шест с красным флажком — из тех, что используются для игры в гольф или крокет.

На противоположной стороне сарая, где солнца было особенно много, возвышались три стола для пинг-понга, поставленные на попа и похотливо жавшиеся друг к другу своими ножками. Сетки с них были сняты и валялись на прибитой к стене полке. По соседству со столами, в углу, лежали гири, гантели, полный набор для крокета. Проволочные ворота, разноцветные шары, уложенные в коробке, как куриные яйца в упаковке (странные куры у вас здесь, мистер Уотсон... Да, и зверюшки в живой изгороди. Ха-ха!) И молотки, прекрасные молотки на две команды.

Джек прошел мимо всего этого барахла прямо к верстаку, на котором покоились аккумулятор (естественно, от грузовика) и зарядное устройство с соединительными проводами. Порядок! Он на минуту задержался, глядя на аккумулятор, но какая-то неведомая сила потянула его снова к крокетному набору. Джек вытащил один из молотков и взмахнул им в воздухе, прижал руку к груди, словно рыцарь, отдавший салют королю перед началом поединка.

Какой-то фрагмент увиденного им во сне кошмара (конечно же, это был сон), правда слабый, нечеткий, вдруг всплыл в памяти. Что-то там было про Джорджа Хэтфилда и трость его отца. Что-то такое, что повергло Джека в смущение и растерянность. Он почувствовал досаду и необъяснимую вину, что вот стоит, как дурак, размахивая крокетным молотком. Ну, ведь это не тот жеманный крокет, которым в стародавние времена баловались чопорные дамы и надутые джентльмены. Нет! Это новая, по-настоящему спортивная игра. Вроде хоккея. И молоток вон какой увесистый, не то что хлипкие молоточки для старинного крокета или как его там! Джеку в подвале попалась книга с правилами игры в крокет, изданная в начале двадцатых годов, когда в «Оверлуке» проводился Северо-Американский турнир по крокету. Занятно. Но это всего лишь игра...

(Для шизиков)

Джек нахмурился, потом рассмеялся. Конечно же, игра для шизиков. Достаточно взглянуть на молоток. Вот этот твердый конец, им можно нанести сильнейший удар по шару

(или по голове!)

Крокет — это игра, требующая глазомера, тонкого расчета и силы. Силы! Джек взмахнул молотком — ух! — он со свистом рассек воздух. Джек поставил его на место и огляделся. То, что он увидел, заставило его снова нахмуриться. В конце длинного, как трейлер, помещения сверкал своими никелированными частями абсолютно новенький (не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять это сразу же, с первого взгляда) снегоход. «Бомбардир» было выведено на его баке для горючего. Зверюга, а не машина! Лыжи, выкрашенные в черный цвет, были в полном порядке — хоть сейчас садись и поезжай в Сайдвиндер! Черными были также выхлопные трубы, сиденье и руль, а сам снегоход (что было явно Джеку не по душе) был выкрашен в желтый цвет. Сверкая в лучах проникавшего в комнату солнца, этот дерьмовый снегоход напоминал ему огромную механическую черно-желтую осу. Когда мотор заведется, он будет жужжать, как оса. Жужжать, жужжать, пытаясь побольнее укусить. А на что же еще может походить это черно-желтое чудовище? Расцветка точно соответствует его роли. Он долетит на нем до города. И на прощание пребольно укусит. Всех их. К весне семья Торренсов будет так страдать, что те, давние, осинные укусы покажутся Дэнни материнским поцелуем.

Джек достал из кармана брюк носовой платок, вытер губы и подошел поближе к снегоходу. Он стоял, смотрел на желто-черную машину и хмурился все больше. Резкий порыв ветра потряс здание. Джек посмотрел, как закружились у окна снежинки, закрывая голубое небо. Ветер унесся вдаль, и Джек взялся за снегоход.

Нет, в самом деле, это было отвратительное существо. Можно было запросто представить, что в зад у него — опасное, смертоносное жало. Джек в принципе не выносил все эти дерьмовые снегоходы, которые своим жужжанием и треском раскалывают тишину зимы. Они распугивают зверюшек. Отравляют воздух бензиновыми выхлопами. Попав в такое сизое вонючее облако, начинаешь задыхаться и кашлять, будь они прокляты, эти снегоходы и их изобретатели! А машины эти стали вожаделенной мечтой подростков, лучшим, как считали безмозглые родители, рождественским подарком любимому чаду. А уж какую опасность несут эти снегоходы! Джек едва не поперхнулся от охватившего его приступа ярости.

Он вспомнил статью в газете, которую прочел еще в Стовингтоне об истории, приключившейся где-то в штате Мэн. Мальчишка валял дурака на своем мощном снегоходе. С выключенными огнями со скоростью 30 миль он мчался по дороге, по которой прежде никогда не ездил. Там между двумя столбами была натянута цепь с табличкой «ПРОЕЗД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН». Вечер. Темно. Может быть, луна в это время спряталась за тучку. Ни надписи, ни цепи мальчик не увидел. Ему срезало голову, как бритвой. Начисто! Читая это сообщение, Джек (он хорошо помнил это) испытал чувство, близкое к мстительной радости: так и надо! Поделом!

Сейчас, при взгляде на желто-черную механическую осу, он испытал прилив слепящей ярости.

(Если бы речь не шла о здоровье Дэнни, ты бы схватил крокетный молоток и обрушил его на ненавистный снегоход?)

Джек глубоко вздохнул. Уэнди права. Пусть пособие по безработице, пусть даже помощь Армии спасения, любые подачки, лишь бы с Дэном было все в порядке! Уэнди абсолютно права! Разбить эту чертову машину, превратить ее в грудку ненужного металла было бы чистейшим безумием, несмотря на то, что это было бы жутко приятно сделать. Но решиться на подобный шаг — все равно что собственными руками убить родного сына. Кровь от крови, плоть от плоти.

— Луддит затраханный! — громко выругался Джек.

Он подошел к снегоходу, отвинтил крышку бензобака. На одной из полок отыскал щуп для измерения уровня горючего, опустил... Бензина в баке было на доньшке, но вполне достаточно для того, чтобы удостовериться — на ходу машина или нет. Позже можно дозаправить ее, взяв бензин из «фольксвагена» или из грузовичка. Он завинтил крышку бензобака.

Потом открыл мотор — ни аккумулятора, ни свечей! Стал искать на полках, между отвертками и болтами. Ему попался ржавый карбюратор от газонокосилки. Коробки с винтиками и гвоздями. Полка была грязная, покрытая толстым слоем пыли, как пушистым ковром. Ему не очень-то хотелось прикасаться к ней.

Джек нашел небольшую банку. На этикетке карандашом было нацарапано «Снего...». Он потряс банкой, внутри что-то загремело. Открыл — там лежали свечи. Он вытащил одну из них и решил подойти поближе к свету, чтобы определить зазор. Черт его знает, каким он должен быть у снегохода! Джек бросил свечу обратно в банку. Хреново, если они не подойдут. Но все равно — нужно проверить. У окна стоял

стул. Он уселся на нем поудобнее, достал четыре свечи, проверил зазоры. Вроде бы нормально. Джек ввернул свечи зажигания в мотор снегохода, подсоединил контакты. Осмотрел магнето. Его тонкие пальцы бегали в моторе изящно, как по клавишам рояля.. «Брав-о, маэстро! Играем туш!»

Полдела сделано! Теперь осталось отыскать аккумулятор. Он пошел обратно к пыльной, грязной полке. Эта штукавина должна быть небольшой, компактной. На две-три банки. Ему попадалась всякая ерунда: розетки, выключатели, сверла. Мешочки с удобрениями для цветов. Но нигде не было ничего, даже отдаленно похожего на аккумулятор для снегохода. Как ни странно, но его это совсем не огорчало. Даже напротив — обрадовало. Он почувствовал необъяснимое облегчение. «Я сделал все, что мог, мой Капитан, но — увы! — выше головы не прыгнешь». — «Все в порядке, сынок! Ты заслужил Серебряную звезду и Пурпурный снегоход за свои старания. Ты гордость нашего полка!» — «Благодарю, сэр! Рад стараться!»

Джек принялся беспечно насвистывать, уже больше для проформы осматривая полку с железками и прочим барахлом. Ничего. Он облазил весь сарай, но аккумулятора — хоть ты лопни — не было. Может, мистер Уотсон спер его? Привычное дело для старой конторской крысы: немножко скрепок унести, пачку копирки, баночку с клеем. Салфетку, скатерку — все, что плохо лежит. А вот замечательный, новенький аккумулятор для снегохода! На что он? Сгодится в хозяйстве — и в сумку! Господи, сколько же люди тащат чужого добра! Потихонечку. В кар-

манах. За пазухой. Обычное дело! У всех липкие пальцы.

Джек подошел к снегоходу и от души пнул желто-черную образину. Финита ля комедия! С ним покончено! Он скажет Уэнди: «Знаешь, малышка, я сделал все»... Господи, что это? Возле двери в углу стояла коробка, на которой карандашом тоже нацарапано «Снего...». Джек посмотрел на эту коробку, довольная улыбка, сиявшая на его лице, погасла...

Это было несправедливо! Черт побери, жутко несправедливо! Ведь удача, везение, счастье — как хочешь называй — пытались помочь, спасти его. И в самый последний момент отвернулись от Джека Торренса. Его козыри не играли. Густая, жгучая волна злобы вновь поднялась в нем. Дыхание перехватило, руки сжались в кулаки.

(Это несправедливо, черт возьми!)

Почему, ну почему он не обратил взор на другое место, почему именно в этот угол? Вот уж невезуха, так невезуха. Он же мог чихнуть в этот момент, зайтись в кашле, моргнуть, почесаться и не заметить дерьмовую коробку. Но... Но ведь это была просто галлюцинация, как в 217-м номере или у живой изгороди. Мне пригрезилось, что там, в углу, стоит аккумулятор для снегохода. На самом деле ничего нет. «Обычная усталость, как бывает после боя, сэр». — «Не вешай нос, сынок, такое может случиться со всяким. Вольно!» — «Есть, мой Капитан!»

Джек дернул дверь так резко, что едва не сорвал ее с петель. Его снегоступы, стоявшие у входа, запорошило, и их пришлось долго отряхивать от налипшего снега. Он надел один и замер. Там, у площадки, куда летом привозили

молоко для отеля, на корточках сидел Дэнни. Он пытался вылепить снежную бабу. Но у него ничего не получалось — снег был слишком рассыпчатый и жесткий. Дэн не оставлял попыток довести дело до конца и продолжал усердно трудиться, маленький хрупкий мальчик в сиянии белого снега и солнца, светившего с холодного голубого неба.

(Господи, о чем ты еще думаешь?)

Значит, без промедления нужно вернуться в сарай и завершить начатое.

(О себе я думал. О себе!)

Джек вспомнил минувшую ночь, как он лежал рядом с женой и чувствовал просыпавшееся и крепнущее в себе желание убить ее. В какой-то момент он осознал, что «Оверлук» дурно влияет не только на него самого. И не Дэнни слабое звено здесь, а он — Джек Торренс. Его можно гнуть и ломать, пока он не треснет, пока не хрустнет и не рассыплется. Он посмотрел на залепленные снегом окна отеля. Солнце слепило, но Джек продолжал смотреть, и впервые ему пришло в голову, что окна эти похожи на человеческие глаза, отражающие солнечный свет и таящие в своей глубине таинственный мрак. И сейчас они пристально смотрели не на Дэна, а на него — Джека!

И в течение нескольких секунд он понял все. Была такая черно-белая картинка, которую Джек запомнил с урока катехизиса в приходской школе. Монахиня поставила ее на кафедре и сказала, что на картинке изображено чудо явления Бога. Класс таращился, силясь разобраться, осознать, прочувствовать, но, кроме беспорядочной смеси белых и черных пятен, безобразных изломанных линий, ничего не видел.

Вдруг мальчишка с третьего ряда прошептал: «Это Иисус Христос!» И пошел домой, унося с собой Евангелие и календарь, потому что был первым, узревшим Бога. Остальные (в том числе и Джек) стали еще пристальнее вглядываться в картинку. Постепенно один за другим они выкрикивали: «Это Иисус!», а одна девочка в благоговейном экстазе прошептала: «Я вижу, я вижу его!» Ей тоже досталось новенькое Евангелие. В конце концов абсолютно все в классе (кроме Джека) сподобились узреть божественный лик. А он все глядел на черно-белую картинку. Часть его сознания твердила, что там ничего нет и ребята просто притворяются, чтобы порадовать сестру Беатрис; другая часть испуганно подсказывала: он ничего не видит, потому что Бог посчитал его самым грешным в классе.

— Ну как, Джеки? Ты видишь чудо? — спросила сестра Беатрис в своей обычной мягкой, немного грустной манере.

«Я вижу твои большие титьки», — подумал совсем отчаявшийся Джек. Но он затряс головой и возбужденно воскликнул: «Да! Я вижу! О, это действительно Господь наш, Иисус Христос!» Все в классе радостно засмеялись и принялись аплодировать. А ему было мучительно стыдно и страшно.

Позже, когда ребята, толкаясь, толпой бросились из церкви, где проходили занятия, к выходу, он еще раз взглянул на пересечение черных и белых линий, мазки пятен на картинке, которую сисястая сестра Беатрис оставила на кафедре. Ни хрена там не было! Все они, кричавшие, что видят Христа, притворялись, как и сама монахиня. Это был грандиозный обман! Джек просто возненавидел дурацкую черно-белую картин-

ку. И тогда с ним приключилось невероятное. «Чертов огонь! Адский огонь! Явись», — шептал он свое детское заклинание. И, уже собираясь уходить, обернулся: на него смотрело узкое, измученное, грустное и мудрое лицо Христа. Сердце Джека заколотилось в груди, дыхание перехватило. Он глядел на черно-белую картинку как на подлинное чудо, откровение, которое он по своей глупости и греховности едва не упустил. Эти глаза, зигзаг глубокой тени, упавшей меж бровями, тонкий нос, красивый, полный неизбывной горечи и сострадания рот... И то, что буквально еще секунды назад казалось мальчику полной бессмыслицей и хаосом, выкристаллизовалось в лик Всемогущего Милосердного Бога. Полное страха удивление Джека теперь переросло в священный ужас. Он позволил себе богохульствовать и за это теперь будет проклят и наказан. Гореть ему в адском пламени со всеми другими грешниками. Лицо Христа все время было на картинке. Все время!

И вот сейчас, нагнувшись к своим снегоступам, следя за тем, как играет его сын в тени огромного угрюмого отеля, Джек понял все. «Оверлук» хочет Дэнни. Может быть, их всех, но Дэнни в особенности! Это ясно как Божий день. И звери из живой изгороди на самом деле двигались. И мертвая женщина была в 217-м номере. Скорее всего — дух этой женщины. Вполне безвредный и безопасный в других обстоятельствах, но сейчас представляющий реальную угрозу. Как злобная заводная игрушка, чей механизм приведен в действие разумом Дэна. И его собственным. Разве не Уотсон рассказывал ему о джентльмене, который неожиданно умер от сердечного удара прямо на площадке для игры

в крокет? Или это Ульман рассказывал: какая разница! На четвертом этаже, в Президентских апартаментах ведь было совершено кровавое убийство. Это же факт! И сколько еще в отеле совершалось драк, самоубийств, сердечных ударов! Кто поручится, что Грейди со своим топором не подстерегает их мальчика где-нибудь в коридорах «Оверлука», чтобы приступить к любимому занятию — рубить и кромсать человеческое мясо?

Синие пятна на шее сына.

Бутылки, звон бокалов в пустом баре.

Разбитая рация.

Кошмары.

Папка с вырезками...

(Милый! Ты здесь? Ты хочешь меня обнять? Я, спящая, одна брожу опять...)

Джек выпрямился, бросил снегоступы и вернулся в сарай. Захлопнул за собой дверь, поднял с пола коробку с надписью «Снего»... Та едва не выпала из его трясущихся рук.

(Черт, не хватало еще разбить аккумулятор!)

Он вытащил аккумулятор из коробки, снял крышки с банок: кислота могла вылиться. Нет, все в порядке. Легкий вздох слетел с губ Джека. Бережно прижимая аккумулятор к себе, он отнес его к снегоходу и поставил на место, в самом начале мотора. Нашел на полке небольшой гаечный ключ, ловко подсоединил контакты. Без проблем. Аккумулятор абсолютно новенький, нет даже необходимости подзаряжать его. Когда Джек подсоединял положительную клемму, раздался треск, проскочила искра и резко, как это бывает при электрических разрядах, запахло озоном. Так! Дело сделано. Он отступил от снегохода, вытирая о свой старый вылинявший пид-

жак испачканные руки. Теперь снегоход будет работать. Нет никаких причин, чтобы он вдруг забарахлил. Никаких! Если не считать, конечно, что он часть «Оверлука», а «Оверлук» не хочет, чтобы они уезжали отсюда. «Оверлуку» ведь нужно чертовски много времени, чтобы успеть... Чтобы терроризировать маленького мальчика, чтобы перессорить взрослых. И если отелю удастся разыграть свою карту, скоро все они будут бродить как тени по огромному мрачному зданию. Бесплотные тени из новеллы Ширли Джексон, помнишь? Там герой бродил один по Хилл-Хаузу. А им здесь не будет скучно. Уж чего-чего, а компания собралась превеселенькая... Но в самом деле, нет никаких оснований для того, чтобы снегоход не заработал. Кроме...

(Кроме того, что ты сам до сих пор этого не хочешь!)

И это правда!

Джек глядел на желто-черную машину, из его рта с дыханием вырывались легкие облачка пара. Ему хотелось, чтобы все осталось по-старому. Он не желал никуда ехать! Когда он входил в этот сарай, у него не возникло ни малейших сомнений в правильности выбранного решения. Хотя было очевидно, что затея (Джек чувствовал это) со скоропалительным отъездом в Сайдвиндер выйдет для них всех боком. Просто Уэнди боится появления ужасного вурдалака, чей образ создан у нее под впечатлением рассказней истеричного мальчика. Джек поймал себя на том, что пытается встать на сторону жены и с ее точки зрения рассмотреть создавшееся положение. Ну, впрямь как в пьесе, его дерьмовой пьесе! Он совершенно запутался и уже сам не мог понять, на чью сторону, какое решение от-

стаивать, чтобы найти разумный выход. То в переплетении черно-белых пятен и изломанных линий ты видишь лик Бога, то, сколько бы ни твердили остальные, оказывается, что там ничего нет. Окружающие тебя станут смеяться, утверждая, что на картинке лишь бездарная мазня, хаотическое нагромождение непонятных линий и пятен, но ты, ТЫ четко видишь лик Нашего Господа Бога. Он обращен к тебе. Из сознания или подсознания явятся приятные или шокирующие видения, но лик Христа будет с тобой всегда! Ты обречен на то, чтобы всегда его лицезреть!

(Я, спящая, одна брожу опять!)

Все, возможно, обернулось бы по-другому, если бы он не увидел играющего в снегу сына. Это вина Дэнни. Он во всем виноват, чтобы ни делал. ОН единственный здесь со своим СВЕЧЕНИЕМ, или как там еще это называется. И вовсе это никакое не свечение, а проклятие! Да, да! Если бы они с женой были в этом отеле одни, они прекрасненько — в ладу и понимании — прожили бы всю зиму. Без боли, без нервотрепки, без напряжения.

(Ты просто не хочешь уезжать отсюда! Или не можешь?)

«Оверлук» не хочет, чтобы они оставили его одного. И Джек сам не хочет уезжать отсюда. Он даже не хочет, чтоб уехал Дэнни. Он уже стал частью этого огромного отеля... «Вам пришлось письмо от нового смотрителя отеля? Он согласен работать? Что ж, наймите его! Время наконец определиться. Но сначала нужно избавиться от женщины и ее ребенка, этого курносого мальчишки! Для этого совсем не нужно доводить их до безумия... Мы...»

Джек стоял возле снегохода. У него снова начинала болеть голова. Так к чему же мы пришли? Ехать или нет? Ах, как просто: или-или! Должны они уезжать или нет? Вот в чем вопрос. Но допустим, они уедут. Как скоро ты найдешь хоть какую-нибудь крышу над головой в Сайдвиндере? Ночлежку, где грязные, небритые безработные торчат целыми днями у плохонького телевизора, следя за перипетиями спортивных соревнований? Где в мужском туалете воняет застоявшейся мочой, а в унитазе плавают размякшие окурки! «Кэмел»? Где подают в столовой пиво за тридцать центов кружка, и ты тянешь его, заедая солеными сухариками, а из автомата-проигрывателя несутся звуки пластинок семидесятилетней давности? Ты этого хочешь?

И сколько же может продлиться подобная мука? Господи, долго! Очень долго. Может быть, всегда!

— Нет! Я не смогу выиграть! — проговорил Джек тихо. В том-то и дело! Это все равно что пытаться разложить пасьянс, когда один туз из колоды утерян. Джек вдруг наклонился к мотору снегохода, открыл крышку и вырвал магнето. Оно с легкостью выскочило из своего гнезда, оставив там обрывки проводки. Джек поглядел на новенькую, такую важную для любой машины деталь, пошел к задней двери сарая и решительно распахнул ее. Открывшийся отовсюду вид горных заснеженных вершин, в лучах яркого солнца, казался прекрасной рождественской открыткой. Девственно-чистый снег лежал пушистым ковром у подножия высоких и стройных сосен. Дух захватывало от этой красоты. Джек размахнулся и забросил магнето как можно дальше. В месте падения взметнулось облач-

ко снега и опало. Легкий ветерок замел следы. Будто ничего и не было. Все! Кончено! Он почувствовал умиротворение. Покой.

Джек постоял еще у открытой двери, вдыхая морозный утренний воздух. Горный воздух. Затем, закрыв дверь, пошел к противоположному выходу. Нужно сказать Уэнди, что им — увы! — придется остаться в отеле. Он только ненадолго задержался возле сына, с которым попытался сыграть в снежки.

ЖИВАЯ ИЗГОРОДЬ

Было 28 ноября, трое суток спустя после Дня Благодарения. Последняя неделя выдалась просто чудесной, а праздничный обед в честь Дня Благодарения получился лучшим из всех обедов, что когда-либо они устраивали. Уэнди приготовила индейку из запасов Дика Хэллоранна — пальчики оближешь! Но они всей семьей навалились на закуску, наевшись до отвала, так и не притронувшись к сказочной птице. Джек сказал, что теперь они до конца зимы будут есть эту огромную индейку — индейку под соусом, сэндвичи с индейкой, индейку с лапшой, с бобами...

— Что ты, — улыбнулась Уэнди, — хватит только до Рождества. А там возьмемся за каплунов.

Дэнни и Джек довольно заурчали.

Синие пятна на шее мальчика исчезли. С ними, казалось, исчезли их былые страхи. Во второй половине дня, после праздничного обеда Уэнди катала сына на санках, а Джек остался дома со своей пьесой, которую собирался вскоре закончить.

— Как ты себя чувствуешь, Дэн? Все еще боишься? — спросила Уэнди, пытаясь как можно мягче и осторожнее подойти к волновавшей ее теме.

— Да! — просто ответил мальчик. — Но теперь я нахожусь в безопасном месте.

— Папа говорит, что рано или поздно лесники и служащие парка Колорадо заинтересуются, почему не слышно наших позывных по рации,

и приедут к нам, чтобы узнать, как здесь идут дела, не случилось ли чего. Мы сможем с ними спуститься с гор в Сайдвиндер. Ты и я. А отец останется здесь, чтобы завершить свою работу. Ему это необходимо... Тебе трудно понять, но существуют определенные обязательства. Мы должны выдержать.

— Понимаю, мама! — проговорил Дэн, явно уклоняясь от дальнейшего обсуждения этой темы...

* * *

В полдень 28 ноября родители находились в спальне. Они (мальчик знал это) занимались там любовью и теперь, расслабленные, благодушные, лежали, укутанные сладкой дремой. Они, это чувствовалось во всем, были счастливы. Маму еще немного мучили страхи, а вот отца трудно было понять. Складывалось впечатление, что он решился и сделал что-то очень трудное и, как он считал, правильное. Но Дэнни никак не мог ухватить это «что-то». Папа хранил его в себе, в тайниках души, не позволяя даже подумать об этом, не то что сконцентрировать свое внимание. «Интересно, — размышлял Дэнни, — разве можно сделать что-то вроде бы хорошее, а потом стыдиться сделанного, избегать даже думать о нем?» Вопрос этот очень беспокоил мальчика. Он-то не считал, что подобное возможно... в здравом уме. Все его настойчивые попытки проникнуть в сознание отца, завершались полной неудачей, принося расплывчатую картину огромного осьминога, устремившегося в синее небо. И каждый раз, когда мальчик пытался сосредоточиться для того, чтобы понять, что же

происходит с отцом, тот вдруг вперивал в Дэна пугающе острый взгляд, будто знал, о чем сейчас Дэнни думает.

Мальчик потоптался в прихожей, собираясь выйти на улицу. Он частенько отправлялся гулять, прихватив с собой санки или снегоступы. Ему нравилось уходить из отеля. Когда он играл в снегу, под лучами яркого ласкового солнца, ему казалось, что огромная тяжесть сваливалась с его плеч.

Дэн подставил стул и, забравшись на него, достал из шкафа свою теплую куртку с капюшоном и лыжные брюки. Потом уселся и стал одеваться. Его зимние ботинки были, как обычно, в ящике для обуви, он вытащил их оттуда, надел, тщательно зашнуровал и аккуратно завязал узлы. Натянул варежки и шерстяную шапку-маску (как у настоящих лыжников). И вот он уже готов! Дэнни хотел через кухню выйти на черный ход, но передумал. В это время дня место, где он любил играть, накрывала густая тень отеля. А ему совсем не улыбалось находиться в тени «Оверлука». Мальчик решил, что будет лучше, если он воспользуется снегоступами и с их помощью доберется до игровой площадки. Правда, Дик Хэллоранн советовал держаться подальше от живой изгороди. Но, во-первых, была зима, все вокруг покрыто снегом, а во-вторых, мысль о подстриженных в виде зверей кустах его не тревожила. Они выглядели обычными сугробами, из-под снега торчали лишь уши Братца Кролика и львиные хвосты. Да и те выглядели скорее абсурдно, чем страшно.

Дэнни вышел на улицу, сунул ноги в снегоступы и затянул крепежные ремни. Отец с одобрением говорил, что он научился правильно

пользоваться этими широкими, похожими на большие теннисные ракетки, снегоступами. Шаркающий, как бы ленивый шаг, поворот лодыжки, чтобы снег не прилипал к подошве, и новый шаг. Теперь в оставшиеся месяцы ему необходимо укрепить мышцы бедер и икр, натренировать лодыжки, потому что они у Дэна уставали быстрее всего. Хожение в снегоступах было такой же нагрузкой для ног, как катание на коньках, так что нужна привычка. Дэн обычно двигался неспешно, останавливаясь каждые пять минут передохнуть. Но сейчас это необязательно, дорожка к игровой площадке шла под уклон. Менее чем через десять минут после спуска со снежного сугроба он уже стоял посередине игровой площадки. Даже не запыхался!

Покрытая глубоким искрящимся снегом площадка показалась мальчику даже еще более красивой, чем осенью. Она походила на устроенную под открытым небом выставку немыслимых авангардистских скульптур. Или место из волшебной сказки о снежной королеве. Замерзшие, полузасыпанные белым пухом качели, горка с невидимым желобом, гимнастическая лесенка со свисающими с ее перекладин сосульками. Длинными или острыми, как зубы злого дракона. Макет отеля «Оверлук» в рост Дэнни, запорошенный до того, что из снега торчат только печные трубы. И две больших бетонные трубы, напоминавшие сейчас жилище эскимосов. Дэнни подошел к ним и принялся разгребать снег. Когда удалось прокопать довольно большую дыру, Дэн нырнул в ледяной тоннель, представляя себя Патриком Мак-Гуном, секретным агентом. Этот сериал повторяли по Берлингтонскому каналу, и папа никогда не пропускал ни одного

фильма. Он мог отказаться от любой вечеринки, лишь бы посмотреть дома серию «Секретного агента» или «Мстителей». Дэнни всегда был рядом. Так вот, Мак-Гун отслеживал агентов КГБ в горах Швейцарии. В том месте, где злой агент КГБ — его звали Слава — уколошил подружку непобедимого Патрика отравленной стрелой, происходили снежные обвалы. Но там же находилась и антигравитационная машина русских. В тоннеле. Может быть, в таком, как этот. Дэнни, прихватив свой воображаемый автомат, пополз по бетонному тоннелю. Его глаза были широко раскрыты, дыхание стало прерывистым.

В конце бетонного мешка оказался сплошной твердый лед. Он попытался пробиться наружу, но ничего не вышло: ледяная глыба не поддавалась. Придуманная игра уже совсем не увлекала Дэнни. Он почувствовал себя запертым в бетонной ловушке. Он слышал свое прерывистое дыхание, было темно и страшно. Ему захотелось поскорее выбраться на солнечный свет. Дэн вдруг вспомнил, что его родители сейчас спят и не представляют, где он может быть, если хватятся его, то не скоро. Он подумал, что дыру, которую он прокопал прежде чем попасть сюда, могло бы завалить и он навек останется в этой трубе. «Оверлук» ненавидит его!

Кое-как ему удалось развернуться. Дэнни пополз назад. Его снегоступы, задевая за стенки, издавали неприятный деревянный стук. Он все полз и полз и уже увидел впереди холодный свет, когда порыв ветра бросил в дыру охапку снега, может быть, и небольшую, но вполне достаточную, чтобы засыпать вход в тоннель, оставив Дэна в полной темноте.

На какой-то момент он оцепенел от страха и не мог ни о чем думать. Потом откуда-то изда- лека ему послышался голос отца, строго преду- преждавшего сына, чтобы тот никогда не играл на Стовингтонской свалке. «Некоторые глупые люди, — говорил он, — выбрасывают туда старые холодильники и не снимают с них дверцы. Если забраться внутрь такого холодильника, дверь мо- жет захлопнуться. И ты уже не выберешься. Так и умрешь без воздуха в темноте».

(Ты же не хочешь, Дэн, чтобы с тобой приключи- лось такое?)

(Нет, папа!)

И вот что случилось, подумал мальчик, по- холодев, случилось! Он заперт. Здесь темно и холодно как в холодильнике. И

(Здесь что-то есть. Вместе со мной!)

он тяжело и обреченно вздохнул. Ужас сковал его. Конечно, здесь, в этом бетонном мешке что-то есть, прибереженное «Оверлуком» специ- ально для такого вот случая. Это может быть огромный паук, притаившийся под опавшими листьями, которые намело сюда еще осенью. Или крыса. Или труп ребенка, скончавшегося на игровой площадке. Было ли что-то подобное? Да, вполне могло быть, подумал Дэн. Он вспом- нил труп женщины в ванне 217-го номера, кровь и мозги на стене Президентских апартаментов. И представил малыша, разбившегося насмерть здесь на площадке, когда тот упал с качелей. Сейчас он здесь, ползет за Дэном, ухмыляясь, ища себе партнера для последних игр на этой площадке. Мальчик явственно слышал, что за его спиной кто-то приближается к нему. Злове- ще шуршали опавшие листья, будто этот «кто-то» полз на четвереньках. В любой момент

он может почувствовать холодную руку мертвеца на своей лодыжке.

При этой мысли Дэн вышел наконец из оцепенения, охватившего его, и принялся копать снег, пробиваясь из бетонной ловушки наверх, к свету. Он напоминал собачонку, которая лапами роет землю, чтобы найти закопанную кость. Голубой свет наконец пробился в образовавшуюся дыру, и Дэнни глубоко вдохнул свежий морозный воздух, почувствовав себя ныряльщиком, который из глубины вынырнул на поверхность. Он с трудом добрался до края бетонного кольца, его снегоступы мешали двигаться, цепляясь один за другой. За маску и за шиворот куртки набилось много колючего снега. Он продолжал разгребать завал, отбрасывая снег в сторону. Ему казалось, что тот «кто-то», шуршащий опавшими листьями, пытается стащить Дэна вниз, оставить с собой. Навсегда!

И вот он выбрался из проклятой дыры! Солнце било в глаза, а он продолжал, пыхтя и вздыхая, ползти от трубы. Его лицо, залепленное снегом, напоминало белую маску. Дэнни остановился возле гимнастической лестницы, присел, чтобы поправить снегоступы и немного отдышаться. Пока Дэнни сидел, сбивая налипший снег, затягивая крепления, он не отводил глаз от дыры, ведущей в глубь бетонного тоннеля. Он все ждал, что оттуда появится что-нибудь еще. Ничего не было. Дэнни перевел дух. Чем бы ЭТО ни было, ОНО не может выдержать яркого солнечного света, обреченное появляться только во мраке, как и положено привидениям.

*(Но теперь я в безопасности! В безопасности!
И вернусь только для того, чтобы посмотреть...)*

Какой-то глухой звук раздался у него за спиной. Словно упало что-то тяжело. Дэнни обернулся в сторону отеля. Но прежде чем он взглянул на «Отверлук»,

(Ты можешь найти индейцев на этой картинке?)
он точно знал, что там увидит, откуда прозвучал странный глухой звук. Это упала глыба снега — шмяк! — как бывает, когда очищают крыши.

(Теперь ты видишь?)

Конечно, он все видел. Когда Дэн на своих снегоступах спускался вниз к игровой площадке, собака из живой изгороди представляла собой обычный бесформенный сугроб. Сейчас снег с нее сошел (шмяк!), и пес сидел, уставившись зеленой мордой вверх, словно выпрашивая сладкое.

Ну, теперь-то он не станет впадать в безумие, представлять разные ужасы! Потому что ярко светит солнце. И это просто куст, подстриженный в виде собаки. «Сегодня довольно тепло», — с надеждой подумал мальчик. Солнце растопило снег, лежавший на собаке. И вот. Он осыпался. В этом все дело.

(Никогда туда не ходи. Ни в коем случае!)

Теперь его снегоступы были закреплены так, как нужно. Дэнни поднялся и посмотрел в сторону бетонной трубы, утонувшей в снегу. То, что он увидел, страшно перепугало его. В темной дыре входа, который он раскопал, ему пригрезилась тонкая белая ручонка. Она махала ему призывно, умоляюще. Рука безнадежно несчастного ребенка!

(Спаси меня! Спаси, пожалуйста! Если ты не можешь сделать это, так хоть приди и поиграй со мной. В последний раз. Навсегда! Навсегда!)

— Нет! Ни за что, — хрипло проговорил Дэн. Он почувствовал, что теряет остатки разума, как тогда в 217-м номере, когда пытался убежать от мертвой, покрытой трупными пятнами голой женщины... Нет, лучше об этом не думать вообще.

Он попытался ухватиться за реальность, чтобы освободиться от наваждения. Нужно поскорее уйти отсюда. Сконцентрироваться на главном. Быть спокойным. Как секретный агент. Ведь Патрик Мак-Гун не стал бы плакать и писать в штаны?!

А папа?

Эта мысль немного успокоила Дэна.

Шмяк! За его спиной вновь раздался глухой звук упавшей глыбы снега. Мальчик обернулся к живой изгороди. Один из львов сбросил с себя снежную шапку и теперь смотрел прямо на Дэни. Он явно сдвинулся со своего места и сейчас стоял у калитки низенького забора, что отгораживал игровую площадку от живой изгороди.

Страх снова захлестнул Дэни, но он тут же подавил его. Ведь он — секретный агент и сможет выбраться отсюда, спастись. Мальчик уходил с площадки той же дорогой, которой шел его отец в первый день снегопада, знаменовавшего собой наступление зимы. Он сосредоточился на технике движения в снегоступах. Так, правильно! Шаркающим шагом. Не поднимай высоко ноги, можно потерять равновесие! Поворот лодыжки, чтобы сбить налипший снег с подошвы. Хорошо! Ему казалось, что он двигается слишком медленно. Как во сне. Дойдя до угла игровой площадки, Дэн остановился. Снега здесь намело достаточно, и ему оставалось лишь перешагнуть через заборчик. Он почти преодо-

лел это препятствие, но в последний момент зацепился снегоступом за штaketник и плашмя упал в снег. Он собрался и (балансируя руками, помня, как это трудно) попытался встать.

Справа от Дэнни снова раздался противный глухой звук. «Шмяк». «Шмяк». Мальчик взглянул в сторону живой изгороди: уже два льва, сбросив снег, стояли бок о бок, глядя злыми зелеными глазами на Дэна. Собака повернула к нему свою голову.

(Они двигаются только тогда, когда ты на них не смотришь)

Ох! Его снегоступы зацепились один за другой, и Дэн снова рухнул в снег. Холодный колючий снег набился мальчику за шиворот и в ботинки. Дэн барахтался в снегу, стремясь встать на ноги. Его сердце колотилось как сумасшедшее.

(Ты секретный агент! Ты ничего не боишься!)

Дэн рванулся, потерял равновесие и снова упал. Он лежал, глядя в голубое бездонное небо и думал, а может быть, не стоит бороться? Плюнуть на все и сдаться на волю судьбы?! Ему припомнилось видение из бетонного тоннеля, и он понял, что должен бороться. Дэн поднялся, удержался на снегоступах и сделал шаг. Его взгляд упал на живую изгородь. Теперь все три льва, сбившись в плотную стаю, стояли не дальше чем в двенадцати метрах от него. Собака, поднявшаяся на все свои четыре ноги, отрезала мальчику путь к отступлению. На зверях снега не было, только морды слегка припорошило. Все они смотрели прямо на Дэнни. Злобно, настороженно.

Мальчик задышал часто и испуганно. Ужас бешеной крысой под черепной коробкой грыз

и грыз его мозг. Дэнни боролся со страхом и своими непослушными снегоступами.

(Сынок! — прозвучал голос отца. — Не дергайся, не насилуй их. Иди как на собственных ногах. Просто иди!)

(Да, папочка!)

Он сдвинулся с места и пошел шаркающим ленивым шагом, как учил отец. Сохраняя взятый темп. Ритмично. Раз-два! Раз-два! Он шел, чувствуя, как у него сводит от усталости и нервного напряжения ноги. Мышцы бедер, икр и лодыжек немилосердно ныли, его била дрожь. В отдалении Дэн видел отель, уставившийся на него своими мрачными неосвещенными окнами. Будто «Оверлук» издевался над ним, интересуясь, чем это все закончится.

Дэнни покосился на живую изгородь и чуть не вскрикнул от охватившего его страха: ближайший лев стоял метрах в пяти от него, сжавшись, будто готовясь к прыжку. Остальные два следовали за вожакom. Лев, что был ближе всех к Дэну, наклонил голову и вертел хвостом, как огромная кошка, которая играет с мышкой, прежде чем убить ее.

(лежащую)

Нет! Если он упадет, это будет конец. Они не дадут ему уйти. Бросятся на него. Загрызут. Мальчик, размахивая руками, шел вперед. Главное — правильно удерживать центр тяжести. Вот так! Он пошел, энергично работая снегоступами, помогая сохранять взятый темп руками. Получилось! Ветер бил в лицо. Из рта вырывалось сухое, царапающее горло дыхание. Сейчас весь мир для мальчика сконцентрировался в сверкающем снеге, в этих жутких зверях из живой изгороди и мерном шелесте снегоступов. И еще

в этом нарастающем звуке за спиной. Не оглядываясь, Дэн попытался ускорить шаг, но не смог. Он пересекал сейчас засыпанную снегом подъездную дорогу, маленький мальчик с лицом, утонувшим в капюшоне теплой куртки.

А день такой ясный и солнечный!

Когда Дэнни все-таки оглянулся, он увидел, что лев находится в полутора — двух метрах у него за спиной. Его пасть широко раскрылась, обнажив острые зубы. Другие звери толпились за ним. Даже кролик, сбросив снежное покрывало, с любопытством взирал на происходящее, ожидая развязки этой драмы.

Добравшись до того места, где летом была лужайка, Дэн перестал сдерживать раздиравшее его чувство страха и в полной панике, не думая о том, как нужно ставить ноги в снегоступах, как правильно удерживать центр тяжести, не оглядываясь, неуклюже заковылял к подъезду. Он шел, вытянув руки вперед, как слепой, стремящийся обойти возможные на его пути препятствия. Капюшон куртки упал на плечи, открыв смертельно бледное лицо мальчика, с глазами, полными ужаса. Крыльцо уже было близко.

Позади раздался хруст снега, будто кто-то, тяжело ступая, следовал за ним. Дэн повалился на ступеньки, беззвучно крича, карабкаясь изо всех сил к дверям, колотя руками и ногами. В воздухе раздался странный вой. Он услышал треск разрываемой ткани, почувствовал резкую боль в ноге, смешанный запах крови и свежих зеленых листьев.

Он лежал в полный рост на ступеньках крыльца, захлебываясь от сотрясавших его рыданий. Из носа текла тонкая струйка крови, во рту

был противный металлический привкус, сердце вырывалось из груди.

Сколько он так пролежал, Дэн не знал. Он пришел в себя, когда увидел отца, выбежавшего на улицу в одних джинсах и тапочках на босу ногу. За ним появилась и бледная простоволосая Уэнди.

— Дэнни! — заголосила она.

— Сынок, что с тобой? — спросил Джек, помогая сыну подняться. Лыжные брюки мальчика, ниже колен были изорваны в клочья. Под шерстяным носком правая лодыжка была исцарапана, как если бы Дэн продирался через заросли кустов и ветки хватали его за голые ноги.

Дэнни взглянул через плечо на покрытую снегом лужайку, перевел взгляд в сторону игровой площадки. Там, возле нее, где была живая изгородь, громоздились бесформенные сугробы. Звери...

Ноги мальчика подкосились, и он бы упал на замерзшие ступени крыльца, если бы отец не подхватил его.

ГОСТИНАЯ

Он рассказал родителям все, кроме того, что случилось в бетонной трубе, когда снегом заваляло вход. Он не мог себя заставить еще раз пережить тот ужас, да и слов подходящих у мальчика не было, чтобы выразить парализующее чувство страха, которое он испытал, услышав позади себя в холодной темноте шорох и хруст мертвых листьев, устилавших дно трубы. Но Дэн в подробностях описал, как с глухим противным звуком («шмяк!», «шмяк!») падал снег с живой изгороди. Как львы мощными лапами разрывали белую пелену, пробиваясь к нему. И даже вспомнил, как Братец Кролик повернул голову, чтобы лучше увидеть, чем все это закончится.

Они втроем сидели в гостиной. Джек развел огонь в камине, пламя жадно пожирало сухие сосновые поленья, устремляясь вверх к дымоходу. Дэнни, завернутый в плед, разместился на низком маленьком диване и потягивал из кружки горячий бульон. Уэнди — рядом, поглаживая сына по волосам. Джек сел у камина на пол. По мере того как Дэнни все дальше углублялся в свою необычную историю, лицо у его отца все больше каменело, становилось сосредоточенно-серьезным и озабоченным. Дважды Джек доставал из кармана носовой платок и с остервенением тер свои казавшиеся воспаленными губы.

— А потом они бросились за мной, — закончил рассказ Дэнни. Джек поднялся и подошел к окну. — Они преследовали меня до самого крыльца, — тихо сказал мальчик, обращаясь

к Уэнди. Он старался, чтобы голос его звучал спокойно и ровно, боясь расплакаться. Так они обязательно поверят ему. Вон мистер Стенджер не сдержался, заплакал и не смог остановиться. Поэтому явились ЛЮДИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ и увезли его в психушку! Ясное дело — если ты реवेशь безостановочно, значит, у тебя НЕ ХВАТАЕТ ШАРИКОВ. А когда ты вернешься? НИКТО НЕ ЗНАЕТ! Куртка, лыжные брюки и зимние ботинки Дэна кучей валялись у входа в гостиную.

(Я не буду плакать! Ни за что, ни за что! Я не позволю себе расплакаться!)

Мальчик был уверен, что ему это удастся, но дрожь не проходила. Он взглянул на пламя в камине в ожидании, что скажет отец. Высокий желтый огонь плясал в чреве темного каменного очага. Одно полено взорвалось с оглушительным треском. Сноп искр взлетел вверх.

— Дэнни, подойди ко мне! — Отец обернулся к ним, лицо его оставалось жестким и бледным. Мальчику не понравилось его выражение, не сулившее ничего доброго.

— Джек! — Голос матери прозвучал глухо и встревоженно.

— Я хочу, чтобы мальчик подошел на минуту ко мне.

Дэн соскользнул с дивана и направился к окну.

— Хороший мальчик! Послушный мальчик. А теперь скажи, что ты там видишь?

Дэнни прекрасно знал, что он увидит за окном. Еще до того, как его позвал отец: перепутанные следы, оставленные от их ног, санок и снегоступов, после ежедневных прогулок вокруг отеля. А дальше — лужайку, покрытую глу-

боким снегом, заметенную живую изгородь и площадку для игр. Оттуда, издалека, тянулись две цепочки следов от его снегоступов: одна — ровная (это когда Дэн отправлялся к бетонной трубе), вторая — нервная, изломанная (это когда он, перепуганный, возвращался домой).

— Я вижу только свои следы. Но, папа...

— Ну, а что там со зверями из живой изгороди?

Губы у Дэнни дрогнули. Он готов был расплакаться. А если не удастся остановиться?

(Нет, я не стану плакать! Ни за что! НЕ СТАНУ!)

— Они все покрыты снегом, — пролепетал мальчик. — Но, папа...

— Громче! Я не слышу!

— Джек, остановись! Что ты устраиваешь допрос? Разве не видишь, в каком он состоянии? Он и так...

— Заткнись! Я жду, Дэнни.

— Но ведь они оцарапали меня. Мою ногу!

— Ты мог сам поцарапать ее, когда шел по твердому насту.

Уэнди, разъяренная и бледная, уже стояла между мужем и сыном:

— Чего ты добиваешься от него? Признания в убийстве? Что с тобой происходит, Джек?!

— Я пытаюсь помочь сыну осознать разницу между реальностью и тем, что было обычной галлюцинацией. Только и всего! — Он опустился на колени перед мальчиком так, что теперь они смотрели друг другу в глаза, и сжал его в объятиях. — Сынок! Ничего не случилось, правда? Это был один из тех случаев, когда ты впадаешь в транс. Понял? О'кей!

— Папочка?

— Что, Дэн?

— Я никак не мог поранить ногу о твердый наст. Его просто нет. Снег такой сухой и пушистый, что невозможно даже слепить из него снежок. Помнишь, мы пытались с тобой, но у нас так ничего и не вышло?

— Значит, о ступеньку на крыльце.

Дэнни невольно отшатнулся от отца. Он все понял. Эта мысль — с ним подобное уже случилось и раньше — яркой вспышкой отпечаталась в мозгу. Он глядел на Джека широко раскрытыми глазами.

— Папа. Ты же ЗНАЕШЬ, что я говорю правду, — прошептал мальчик, потрясенный своим открытием.

— Дэнни!

— Ты знаешь, потому что сам видел...

Звук пощечины был вялый, обыденный, лишенный драматизма. (Хлоп! Голова ребенка дернулась, на щеке ярко-красным пятном отпечатались пальцы Джека.) На какое-то мгновение в гостиной воцарилась мертвая тишина. Все трое замерли как в столбняке, но вот отец обнял сына, прижал к себе:

— Дэнни, милый, прости меня! Дэнни, с тобой все в порядке? Я...

— Ты ударил его, ублюдок! Ты посмел поднять на ребенка руку! — взвилась Уэнди. — Грязный, дерьмовый ублюдок!

Мать схватила сына за руку и потащила к себе. Дэнни оказался между разъяренными родителями. *«Пожалуйста, не дергайте меня!»* — взмолился мальчик. Такая боль, такое отчаяние слышалось в его голосе, что и Уэнди и Джек отпустили Дэна. Он тут же залился слезами и поте-

рлял сознание. Между маленьким низким диваном и окном. Родители беспомощно и потерянно смотрели на сына, лежащего на ковре, как смотрят дети на разломанную игрушку, из-за которой только что дрались. Еще одно сосновое полено в камине взорвалось с грохотом ручной гранаты, заставив Джека и Уэнди вздрогнуть и подскочить на месте.

* * *

Уэнди дала мужу две таблетки детского аспирина для сына, и Дэн покорно принял лекарство. Теперь он спал в своей кроватке, засунув большой палец в рот.

— Очень мне это не нравится! К нему возвращаются прежние дурные привычки, — проговорила Уэнди, глядя на спящего сына.

Джек ничего не ответил.

Она взглянула на мужа мягко, без гнева, но и без улыбки.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась за то, что назвала тебя ублюдком? Ладно! Приношу свои извинения. Прости! Я виновата. И все-таки, Джек, ты не должен был бить его.

— Я знаю, — пробормотал Джек, — знаю. Понять не могу, что на меня нашло.

— Ты обещал больше никогда не прикасаться к Дэну!

Он злобно посмотрел в ответ. И впервые — с жалостью и страхом — Уэнди вдруг увидела, каким ее муж станет в старости.

(Каким?)

«Сломанным, побежденным, затравленным. Он выглядит как побитая собака», — пронеслось у нее в голове.

— Мне всегда казалось, что я выполняю все свои обещания, — тихо сказал Джек.

Уэнди подошла к мужу и взяла его руки в свои.

— Ладно! Покончим с этим. Все в порядке. А когда к нам заявится лесник или кто-то из служащих парка Колорадо, мы скажем им, что хотим уехать все вместе в Сайдвиндер. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Джек. По крайней мере в этот момент он говорил то, что думал. Случалось с ним подобное в пору запоев по утрам, когда в зеркале ванной комнаты он видел угрюмое, бледное, небритое лицо: «Все! Пора остановиться. Завязываю!» Но на смену утру приходил полдень, и он чувствовал себя лучше. А там день сменял вечер, и все повторялось сначала.

Он поймал себя на мысли, что было бы хорошо, если бы Уэнди поинтересовалась по поводу живой изгороди, спросила бы о том, что имел в виду Дэнни, когда сказал *«Ты знаешь, потому что сам видел...»* И он бы выложил жене правду. Про зверей, которые и в самом деле двигаются. Про мертвую женщину из 217-го номера. Даже про наконецник пожарного шланга, который по своему усмотрению меняет положение. Но до какой же степени откровенности дойдет эта исповедь? Неужели он признается жене и в том, что вырвал магнето из мотора снегохода и выбросил его? Они ведь были бы давно в Сайдвиндере, если бы он не сделал этого! Но Уэнди ни о чем не стала расспрашивать мужа, лишь спросила: «Чай принести?»

— Да, хорошо было бы сейчас выпить кружку горячего чая.

Она пошла к дверям и на мгновение задержалась на пороге, обхватив руками плечи.

— Знаешь, это ведь и моя ошибка в той же степени, как и твоя. Мы оба виноваты. То, чем мы занимались, пока Дэн продирался через эти... Кошмары? Галлюцинации? Называй, как хочешь.

— Уэнди!

— Мы спокойно спали. Спали, словно пара подростков, унявших наконец зуд своих гени...

— Прекрати! Все, слава Богу, закончилось!

— Нет, милый! Не закончилось,— ответила Уэнди со странной тревожной улыбкой на бледных губах и пошла приготовить чай, оставив Джека присматривать за сынишкой.

ЛИФТ

Джек открыл глаза и прислушался. Сон его был неглубоким и нервным. Какие-то неопределенной формы чудовища гнались за ним по пятам бесконечными снежными полями. Он бежал к тому, что сперва показалось еще одним тяжким сном,— к темноте, которую разрывали странные металлические звуки, назойливое гудение мотора, хлопанье дверей, жужжание, клацание замков... Нет, он не спал! Уэнди тоже проснулась и испуганно прижалась к мужу.

— Что это? — спросила она, хватаясь своей холодной, как лед, рукой за плечо Джека.

Тот подавил в себе желание сбросить руку жены и чертыхнулся про себя: ну, откуда он может знать, что это такое? Светящийся циферблат часов, лежавших рядом на тумбочке, показывал пять минут двенадцатого.

Гудяще-жужжащий звук повторился. Отчетливый и знакомый. Снова что-то звякнуло, хлопнуло. После паузы жужжание возобновилось. Это был шумдвигающегося лифта.

Дэнни поднялся в своей кровати:

— Папа! *Папочка!* — закричал он сонным испуганным голосом.

— Иди к нам, малыш! Забирайся сюда, мама тоже не спит.

Простыни зашуршали, когда мальчик залез к родителям в постель и устроился между ними, как в гнездышке.

— Это же лифт, — прошептал Дэнни.

— Да, правильно. Это просто лифт.

— Что ты имеешь в виду под словом «просто»? — вскинулась Уэнди, близкая к истерике, — посреди ночи работает лифт. Сам по себе? Кто в нем?

— У-ууу! — продолжало гудеть между этажами. Бам! — лифт остановился где-то над ними. Дзи-и-нь, блям! — звякнула бронзовая ручка. Трах — захлопнулась дверь. Мотор заработал вновь.

Дэнни заерзал и захныкал, зарывшись в подушки.

Джек спустил ноги с кровати и сел.

— Это, наверное, короткое замыкание. Пойду проверю.

— Не смей выходить из комнаты! — закричала Уэнди.

— Не дури! Это же моя работа! — Он натянул халат и сунул ноги в тапочки.

— Мы тогда тоже с тобой!

— Уэнди!

— Что случилось? Что случилось, папа? — спросил, хмурясь, Дэнни.

Не ответив, Джек повернулся и направился к дверям, затягивая на ходу пояс от халата. Он остановился на пороге, потом махнул рукой и вышел в полную темноту холла.

Уэнди замешкалась, а Дэнни уже рванулся вслед за отцом. Она догнала его, схватила за руку и вместе с ним последовала за Джеком. Света он не зажег. Вокруг царила тьма. Уэнди нервно нащупала выключатель, щелкнула им — под толчком загорелись четыре лампочки, освещая коридор, который вел к лифту и лестничной площадке. Джек исчез за углом. Они поспешили за ним. На этот раз уже мальчик нашел вы-

ключатель. Яркий свет разогнал пугающую темноту.

Джек стоял у шахты лифта. Вдоль стен площадки были расставлены кресла и высокие пепельницы на ножках. Он стоял, неподвижный, перед дверью лифта. В своем стареньком выцветшем клетчатом халате и кожаных тапочках, с волосами, растрепанными после сна, он казался Уэнди Гамлетом двадцатого века из театра абсурда. Нелепая, замершая в нерешительности фигура. Человек, настолько загипнотизированный неотвратимостью грядущей беды, что просто не в силах что-нибудь изменить. В надвигающихся событиях. И в себе.

(Прекрати забивать голову сумасшедшими мыслями!)

Она почувствовала, как Дэнни сжал ее руку. Он смотрел на мать напряженно и взволнованно. Господи! Мальчик, кажется, прочел мысли! Как много ему удалось понять, не имело значения. Уэнди покраснела так, словно сын застал ее в тот момент, когда она мастурбировала.

— Пошли, — сказала Уэнди, и они встали рядом с Джеком.

Гудение, жужжание, хлопанье, клцанье здесь были слышны явственнее, чем там, в спальне. В фигурно-граненое окошечко в двери лифта она увидела свисающие тросы и толстые черные электрические кабели. Они легонько подрагивали. Лифт остановился внизу. Хлопнула дверь. И...

(Вечеринка?)

Что это ей вдруг пришла в голову мысль о вечеринке? Слово мелькнуло без всяких видимых причин и оснований. В «Оверлуке» царила

полная тишина, если не считать неясных зыбких звуков, доносившихся из шахты лифта.

(Знатная там, должно быть, вечеринка?)

(КАКАЯ ВЕЧЕРИНКА!!!)

На мгновение в сознании Уэнди возникла отчетливая картина. Яркая и красочная. (Воспоминание? Сокровенное желание? Мечта, которую ты хранишь в глубине души и надеешься?) Сотни разноцветных огней. Может быть, даже тысячи! Цветы, серпантин, конфетти. Хлопанье пробок у открываемых бутылок с шампанским. Смех. Джаз-оркестр из сорока человек (сверкает медь труб, саксофонов и тромбонов, наярывающих популярнейший шлягер. «В настроении» Глена Миллера. Ну откуда Глен Миллер, если он погиб со своим бомбардировщиком до того, как ты появилась на свет?»

Уэнди взглянула на сына. Дэн стоял, склонив голову, будто старался услышать то, что никак ему не удавалось. Лицо побледнело, лоб покрыли капельки пота.

«Хлоп!» — Дверь лифта закрылась, и кабина поползла наверх. В окошечко Уэнди увидела сначала верх тяжелой, отделанной красным деревом и бронзой движущейся коробки, где располагался мотор. Потом салон кабины (в нем горел мягкий желтый свет). Она была пуста. Да, пуста! Но...

(В дни, когда здесь устраивались вечеринки и балы, в кабину, наверное, пренебрегая правилами безопасности, набивался с десятков разряженных гостей в масках...)

(КАКИХ МАСКАХ???)

Лифт остановился над ними, на четвертом этаже. Уэнди увидела удивленное лицо сына. Это были одни огромные вопрошающие глаза!

Рот плотно сжат, обескровленные губы вытянулись в одну линию. Вверху над ними загрохотала открываемая дверь. Какое-то время она будет открыта, ведь требуется время для того, чтобы все вышли и распрощались.

(Спокойной ночи! — И вам того же! — Да, это был приятный вечер... Нет, я не осталась до полуночи, когда стали снимать маски, знаете, то да се. Нужно рано вставать. Кто рано встает, тому Бог подает... — Ах, это была Шейла? Одетая, говорите монахом? — Как это мило — Шейла, одетая в монашескую рясу. Ха-ха-ха! — Да, мило-мило! Спокойной ночи! — До завтра!)

Хлоп! Дверь наконец закрылась. Мотор вновь заработал, загудел, зажужжал. Лифт спускался вниз.

— Джек, что с ним? Что происходит с лифтом? — прошептала Уэнди, едва не теряя сознание.

— Короткое замыкание, не более того! Я же сказал, что ЭТО — короткое замыкание, — ответил Джек деревянным голосом.

— Но я слышу внутри себя голоса, смех, музыку! Что это? У меня такое ощущение, что я просто схожу с ума! — Она повернулась к сыну. — А ты? Ты слышишь?

Дэнни кивнул:

— Да! И музыку тоже. Не такую, как сейчас. Давних лет.

Лифт остановился. Отель молчал, пустой, безлюдный. А там, на улице, завывал и ярился зимний ветер.

— Вы случайно оба не спятили? — сказал Джек, стараясь придать своему голосу возможно большее участие и дружелюбие. — Я, например, ни хрена, черт побери, не слышу. Никаких зву-

ков, кроме тех, что говорят — электромотор у этой машины барахлит. Если вам нравится закатывать на ночь истерики, ради Бога. Только без меня!

Лифт снова поднимался вверх.

Джек вдруг решительно шагнул к висевшему на стене застекленному шкафчику. Кулаком разбил стекло, слегка поранив руку (на костяшках пальцев выступили капельки крови). Достал из шкафчика длинный специальный ключ, которым пользовались только в экстренных случаях.

— Джек, не надо!

— Я собираюсь сделать то, что мне положено. Свою работу. И прошу, Уэнди, не путайся под ногами. Отвали!

Она попыталась схватить мужа за руку, но тот грубо оттолкнул ее. Уэнди запуталась в полах своего длинного халата и упала на пол. Дэнни дико вскрикнул и бросился к матери. Он стоял перед ней на коленях и крепко обнимал своими ручонками. Джек подошел к двери лифта и сунул ключ в замочную скважину. Кабина приближалась. Когда она поравнялась с площадкой и в окошечко стал виден освещенный салон, Джек резко повернул ключ. Что-то загремело, заскрипело, затарахтело, и лифт остановился. Мотор еще раз натужно загудел и смолк. «Оверлук» был снова объят тишиной. А снаружи бесновался зимний ветер. Джек глупо таращился на темно-серую дверь лифта с граненым окошечком в центре.

Он оглянулся на жену и сына. Уэнди так и сидела на ковре. Дэнни обнимал ее за шею и гладил по голове. Оба они смотрели на Джека как на какого-то незнакомца, пришельца из дру-

гих миров. Странного и — возможно — очень опасного.

— Это... Это — моя работа, Уэнди!

— Да, чтоб ей пусто было, твоей дерьмовой работе! — четко проговорила жена.

Джек вернулся к лифту. Всунул пальцы в щель, образовавшуюся между темно-серой дверью и шахтой, отжал там какой-то рычаг, и с силой рванул. Дверь открылась. Теперь было отчетливо видно, что кабина повисла на полпути к следующему этажу. Ее пол находился на уровне груди Джека. Из нее падал сноп желтого света, контрастируя с чернотой отверзшейся шахты. Он заглянул внутрь кабины, на что, как показалось Уэнди и Дэнну, ему потребовалось довольно много времени.

— Пусто! Ничего нет! Как я и говорил, это просто короткое замыкание. Он хотел уже захлопнуть дверь, но в это время рука жены легла ему на плечо. На удивление тяжелая и сильная, она буквально отбросила мужа в сторону от шахты.

— Уэнди! — заорал Джек. Но было поздно: ухватившись за край кабины, она подтянулась, чтобы заглянуть внутрь освещенного салона. Потом вдруг, напрягая мышцы, попыталась забраться наверх. Какое-то время казалось, что ей это не под силу: ноги болтались над темным зевом шахты лифта, одна из розовых домашних туфель соскользнула и упала вниз.

— *Мамочка!* Мама! — закричал Дэнни.

Но Уэнди уже находилась в кабине. Она выпрямилась. Лицо ее было мертвенно-бледным.

— А это что такое, Джек? ЭТО ты называешь коротким замыканием? — Что-то полетело вниз, и площадка возле лифта запомнилась кру-

жающимися в воздухе, как снежинки, разноцветными конфетти. Красными, синими, желтыми, белыми.— Или, может быть, ЭТО? — Уэнди швырнула ленты выцветшего от времени серпантина.— И, конечно же, ЭТО?! — На темно-синий ковер, которым были застланы все коридоры и холлы отеля «Оверлук», упала черная шелковая маска с дикими кошачьими прорезями для глаз.

— ЭТО ВСЕ НАПОМИНАЕТ ТЕБЕ ПРОСТО КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ, ДЖЕК? — в истерике прокричала Уэнди мужу из кабины лифта.

Тот, затряс головой, как китайский болванчик и попятился от зияющего темнотой провала шахты. С усыпанного конфетти и серпантинном гостиничного ковра палилась шелковая маска с кошачьими глазами.

В БАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Было первое декабря.

Дэнни стоял на стуле в бальном зале восточного крыла гостиницы «Оверлук» и смотрел на часы, накрытые стеклянным колпаком. Они покоились на полке декоративного камина. Их охраняли два больших, отлитых из черного чугуна слона с задранными хоботами. Мальчик совсем не удивился бы, если бы те вдруг сдвинулись с места, чтобы проткнуть его своими острыми бивнями. Но они не шевелились. Они были «безопасными».

С той самой ночи, когда произошла история с лифтом, Дэн разделил все окружающее его в «Оверлуке» на две категории — «опасное» и «безопасное». Лифт, подвал, площадки для игр, 217-й номер, Президентские апартаменты — все это относилось к первой категории, таило для него угрозу. Крыльцо, их жилое помещение, кухня, гостиная с камином были вполне «безопасны». Как, наверное, и бальный зал.

(Слоны-то уж точно!)

Насчет других мест Дэнни не был уверен, поэтому старательно избегал там появляться. В принципе!

Он заглянул внутрь часов, накрытых стеклянной полусферой. Поскольку полусфера была прозрачной, то можно было увидеть механизм часов, колесики, шестеренки, пружинки, молоточки. Полусферу охватывал довольно широкий хромированный обруч. Стрелки на циферблате показывали четверть двенадцатого. И хотя Дэн никогда прежде не видел римские цифры, по

расположению стрелок он догадался, в какое время суток часы остановились. На бархатной салфетке, подстеленной под них, покоился изящный серебряный ключик.

Дэн подумал, что часы как раз из числа тех вещей, которые ему бы не следовало трогать ни в коем случае. Как, скажем, декоративные принадлежности для камина, стоявшие в гостиной в специальной подставке, или высокий резной китайский буфет в столовой.

Чувство протеста против всех этих бессмысленных и несправедливых запретов охватило мальчика.

(Не имеет значения, можно или нет! Наплевать! Ты лишь прикоснись, поиграй со мной! Ну, что тебе стоит?)

Да в общем-то ничего не стоит! Он посмотрит и постарается, чтобы ничто не сломалось и не разбилось. Дэнни открыл стеклянный колпак, потрогал пальцем пружинки и колесики. Забавно! Взял серебряный ключик. Для взрослых он, наверное, был неудобным, слишком маленьким. А для его руки — в самый раз! Дэнни сунул ключик в предназначенное для него отверстие на циферблате. Тот с легким щелчком, скорее угадываемым, чем услышанным, легко вошел в паз. Осталось только завести часы, поворачивая ключ направо, то есть «по часовой стрелке».

Дэн заводил часы, пока ключик не уперся в непреодолимую преграду и не перестал вращаться. Раздалось тихое тиканье — механизм заработал! Зубцы шестеренок пришли в движение, большое колесико маятника качнулось, стрелки побежали по циферблату. Если внимательно следить за минутной, можно увидеть, как

она, проделав три четверти положенного ей пути, сравнивается с часовой. Будет ровно двенадцать!

(Красная Смерть там правит бал...)

Мальчик нахмурился, отогнал от себя странную, взявшуюся непонятно откуда мысль. Безумную и не имеющую к нему лично никакого отношения. Указательным пальцем он перевел минутную стрелку на двенадцать. Интересно, что теперь будет? Ку-ку, безусловно, не раздастся — это ведь не часы с кукушкой, но вот этот хромированный обруч для чего-то ведь предназначен!

Раздались несколько щелчков, и вдруг зазвучала мелодия штраусовского вальса «Голубой Дунай». Раздвинулись розовые шторы, и на хромированном обруче, как на помосте, появилась танцующая пара. Миниатюрные фигурки девушки в белой пачке и белых же чулочках и юноши — в черном трико. Руки их были соединены над головой. Двигаясь навстречу друг другу, они встретились у цифры VI. Раздался еще один щелчок. Вальс продолжал звучать. Руки танцоров опустились, и они обнялись, после чего — в финальном шпагате — легли. Лицо юноши зарылось в пышной юбочке партнерши, голова девушки легла на его черное трико. Они ритмично покачивались в каком-то механическом исступлении, в такт музыке. Потом поднялись и с последним всплеском вальса «Голубой Дунай» вернулись к исходной позиции, исчезнув за шторкой. Часы невидимыми серебряными колокольчиками стали отбивать двенадцать.

(Полночь! Полночь!)

(Ура! Маски долой! Маски долой!)

Денни повернулся на стуле так резко, что едва не свалился с него. Бальный зал был пуст. За огромными, стрельчатыми как в соборе окнами падал снег. Свернутый в рулон ковер с богатым орнаментом красного и золотого шитья стоял у стены. (Его ведь свернули специально для бала!) К нему же были сдвинуты и маленькие столики. Стулья поставлены друг на друга, так, что ножки верхних смотрели в потолок. Огромный зал был пуст.

Но не совсем! Потому что в этом отеле смешались все времена, и диковинная таинственная жизнь его продолжалась, шла своим чередом. Длилась нескончаемая ночь августа 1945-го, наполненная смехом, звоном бокалов, сияющими радостью и весельем лицами: участников званого ужина и костюмированного бала! Стояло пасмурное июньское утро двадцать лет спустя, когда наемные убийцы мафии всаживали в Президентских апартаментах пулю за пулей в своих противников, оставив корчащиеся в предсмертной агонии окровавленные тела валяться на полу! Была и женщина в 217-м номере, что лежала пьяная в ванне, ожидая гостей...

Да, в «Оверлуке» шла своя жизнь, все вещи имели свой смысл и приходили в движение, как если бы скрытый механизм завели серебряным ключиком. Часы шли. Часы тикали. И этим ключиком был он сам, подумал опечаленный мальчик. Тони предупреждал его, а он не послушался и пустил все на самотек.

(Но что я могу? Мне только пять лет!)

(А имеет ли это какое-нибудь значение, что тебе только пять?!)

Ответа не было.

Дэнни снова повернулся к часам. Неохотно и медленно, словно пытался тем самым замедлить и остановить их бег. Он надеялся, что ему не придется больше призывать Тони на помощь, что появится лесник или какие-нибудь спасатели прибудут на вертолете. Они всегда приходят вовремя! По телевизору часто показывали этих замечательных людей, добрых, отзывчивых, решительных, противостоящих любому злу. Всюду, где грозит беда, где требуется их помощь, они появляются в нужный час. Минута в минуту!

(Придите, пожалуйста!)

Ответа не было.

Дэнни глубоко вздохнул и взглянул на часы. Шестеренки двигались, хватая своими зубьями соседей. Колесо балансира качалось туда-сюда, туда-сюда, как загипнотизированное. Если внимательно проследить за движением минутной стрелки (главное не шевелиться и смотреть под нужным углом), то можно увидеть, как она проделает свой путь до цифры V. Если точно и правильно смотреть, то удастся наконец...

Часы исчезли. Вместо циферблата была круглая черная дыра, ведущая в никуда (может быть, в вечность?). Она стала расширяться, и вот уже не было ни часов, ни бального зала. Дэнни шагнул вперед и провалился в тягучую, липкую темноту.

Маленький мальчик потерял сознание, упав на стул. Он лежал, согнувшись, в неестественной позе — его свисавшие руки и ноги образовали немыслимый угол. Закатившиеся глаза ничего не видели.

Он летел все дальше и дальше. Вниз. Мимо лестничной площадки, мимо коридоров, пытаюсь за что-нибудь зацепиться, удержаться. Но

у него никак не получалось. И вот он уже видит себя в тупике, откуда один путь — к дверям Президентских апартаментов. Раздались выстрелы. (Они приближаются. Слышен свист крокетного молотка, злобно рассекающего воздух. Он опускается на стену, и в сторону от разодранных обоев летят обрывки бумаги и пластика.)

(Выходи, маленькое дерьмо! Прими лекарство!)

Но в холле, кроме Дэнни, был кто-то еще. За его спиной. Белый как привидение. Нет, это не привидение! Это — просто некто в белой одежде.

(Я тебя найду! Найду, проклятый недоносок!)

Мальчик съежился. Крик раздавался где-то поблизости. Скоро обладатель этого страшного голоса вынырнет из-за поворота и будет здесь.

(Выходи, маленькое дерьмо!)

Фигура в белом выпрямилась, вытащила сигарету из уголка рта и вытерла прилипший к толстой нижней губе табак. Это был Дик Хэллоранн в своем белоснежном поварском халате вместо синего строгого костюма, в котором Дэнни увидел его в день закрытия курортного сезона в «Оверлуке».

— Если все-таки случится беда... зови меня, сказал тогда Хэллоранн. — Вот так, как ты позвал меня только что — громко, пронзительно. Чтобы я за тридевять земель, во Флориде, услышал. А уж если услышу, то сразу приеду.

(О, Дик, приходи сейчас. Немедленно! Ты так нужен мне! Всем нам!)

— Извини, но сейчас я должен бежать. Дэнни, сукин сын, это было бы очень здорово! Но я должен спешить, я должен спешить!

(Нет!)

Дэнни увидел, как Дик Хэллоранн сунул в рот окурок сигареты и, не раздумывая, не мешкая, прошел сквозь стену.

Оставив его одного!

И в этот же момент из-за угла коридора появилось неясное очертание огромной (так казалось в полумраке) фигуры. Налитые кровью глаза злобно сверкали.

(Вот ты где! Я нашел тебя, сученыш! Сейчас я проучу тебя!)

Раздался свист разрезающего воздух молотка для игры в крокет. Дэнни вскрикнул, вжался в стену и... прошел сквозь нее. Он стал падать, падать, падать в темную дыру, обернувшуюся норой кролика, которая вела в страну, полную больных грез и изломанных чудес.

Впереди него, когда он, пройдя сквозь стену, полетел вниз, падал Тони.

(Я больше никогда не приду к тебе, Дэнни... Он не хочет, чтобы мы были вместе... Никто из них не хочет, чтобы я приходил... Обратись к Дику... К Дику.)

— Тони! — закричал Дэн истощенным голосом.

Но тот пропал. Мальчик вдруг увидел, что находится в темной комнате. Впрочем, нет! Она не была полностью темной. Где-то мерцал слабый свет. Это была спальня его родителей. Он видел письменный стол, за которым всегда работал отец. Он бывал не раз в этой комнате, но сейчас не узнавал ее. Там царил страшный разгром. Мамин проигрыватель валялся на полу. Пластинки разбросаны по ковру. Матрас наполовину свалился с кровати. Картины сорваны со стен. Его кровать лежала набок словно дохлый пес. Любимая машинка «фольксваген» разбита вдребезги.

Свет проникал в комнату из ванной, дверь в которую была полуоткрыта. Там в глубине (из ванны?) безжизненно свисала рука, и кровь капала на пол с пальцев. В зеркале шкафчика, висевшего над умывальником, вспыхивала и гасла злобная надпись: «Редрэм».

Неожиданно огромные часы под стеклянной полусферой возникли откуда-то из мрака. На циферблате не было ни стрелок, ни цифр, лишь огромными красными буквами шла надпись: «Второе декабря». Расширившимися от ужаса глазами Дэнни увидел отраженное стеклянным куполом необычных часов слово, вспыхивавшее в зеркале шкафчика: теперь это не был бессмысленный «РЕДРЭМ», а жесткое и страшное слово — «МЭРДЕР» («Убийство»). Сколько раз он видел его написанным наоборот!

Дэнни Торренс закричал дико и протяжно. Дата исчезла с циферблата часов. Исчез и сам циферблат. На его месте зияла круглая черная дыра, расширявшаяся как диафрагма в фотоаппарате. Она засасывала, втягивала его в себя, и он вновь стал падать, падать...

* * *

Он упал со стула на пол и некоторое время лежал недвижно, тяжело дыша.

Убийство!

Убийство!

(Красная Смерть там правит бал...)

(Маски долой! Маски долой!)

И за каждой прекрасной маской он видел глаза того, кто преследовал его по коридорам. Эти налившиеся кровью злобные глаза! Боже,

как он боялся, что сейчас пробьет полночь, все снимут маски, и он узнает...

(Дик! Дик!)

Он звал Хэллоранна в исступлении и отчаянии. Голова его тряслась от этого нечеловеческого крика.

(О, Дик! Ну, пожалуйста, приди ко мне!)

Над ним, на каминной полке, часы, которые он завел серебряным ключиком, монотонно отсчитывали секунды, минуты и часы.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Глава 38

ФЛОРИДА

Третий сын миссис Хэллоранн, Дик, в поварском белом одеянии и с сигаретой «Лаки страйк» в углу рта, вывел свой отремонтированный «кадиллак» со стоянки за оптовой овощебазой 1-А и медленно покатыл в объезд здания. На глаза ему попался Мастертон, который — несмотря на то, что был теперь совладельцем, — толкал тележку с салатом, шаркая одному ему присущим образом, усвоенным им еще до первой мировой.

Хэллоранн нажал кнопку, опустив боковое стекло, и прокричал:

— Эти авокадо обалденно хороши, слышишь?

Мастертон оглянулся через плечо, широко улыбнулся, обнажив все свои три золотых зуба, и гаркнул в ответ:

— И я точно знаю, куда ты можешь их себе засунуть, приятель.

— Такие добрые советы я не забываю, брат.

Мастертон показал ему большой палец. Хэллоранн ответил тем же.

— Ты получил свои корнишоны? — спросил Мастертон.

— Получил.

— Приезжай завтра утром. Я отвалю тебе такой молодой картошки, какой ты сроду не видел.

— Я пришлю мальчика, — отозвался Хэллоранн. — Ты сегодня зайдешь?

— Угощаешь?

— Ставлю большую за десять сорок.

— Тогда буду. Смотри не показывай эту штуковину никому по дороге домой, слышал? А то каждый полицейский отсюда до Сент-Пита знает тебя по имени.

— Так ты обо всем проведал, а? — ухмыльнулся Хэллоранн.

— Я знаю много такого, чего тебе вовек не узнать, парень.

— Вы только п слушайте этого черномазого!

— Давай-ка езжай отсюда, пока я не швырнул в тебя этим салатом.

— Валяй, швыряй. Мне же лучше: достанется даром.

Мастертон прикинулся, будто и впрямь сейчас метнет салат. Хэллоранн пригнулся, снова поднял стекло и двинулся дальше. Настроение у него было отличное. Уже полчаса как его преследовал запах апельсинов, но ничего странного он в этом не видел. Ведь последние полчаса или около того он провел на овощной базе.

Была половина пятого дня, первое декабря. Зима прочно опустила свой отморозенный зад на бóльшую часть страны. Здесь же мужчины ходили в майках с коротким рукавом, а женщины — в легких летних платьях. На крыше здания Первого флоридского банка электронный термометр в обрамлении гигантских грейпфрутов мигал, показывая двадцать девять градусов. Спа-

сибо тебе, Господи, за Флориду, москитов и все остальное.

На заднем сиденье лимузина были сложены две дюжины авокадо, упаковка корнишонов, упаковка апельсинов и еще одна грейпфрутов. А также три пакета бермудских луковок, самых сладких из всех, что сотворил Бог, изрядное количество прекрасной фасоли, которая обычно подается в качестве гарнира и в девяти случаях из десяти остается несъеденной, и бутылка синего фруктового коктейля «Хаббард» — исключительно для личного потребления.

Хэллоранн затормозил у поворота и, когда зажглась зеленая стрелка — вырулил на 219-е шоссе, прибавил скорость до сорока миль и не сбавлял, покуда за окном не замелькали запра-вочные станции, закусочные и прочие пригород-ные строения. Сегодня покупок оказалось немного. Можно было бы послать за ними Бэде-кера, но тот был уже озадачен закупкой мяса. К тому же Хэллоранн никогда не упускал воз-можности лишний раз повидаться с Фрэнком Мастертоном, если это было в его силах. Теперь уже неважно, придет ли сегодня вечером тот посмотреть телевизор и выпить приготовленный Хэллоранном «Бушмилл» или нет. Они уже по-видались. А каждая такая встреча теперь стано-вилась особенно важной — ибо они уже были не-молоды. В последние дни эта мысль часто посе-щала его. Уже немолоды. Когда завершаешь ше-стой десяток (а на самом деле, если без кокетст-ва, уже перевалил за него), поневоле начинаешь размышлять о конце, который уже не за горами. Ведь это может произойти в любой момент. Эта мысль занимала его уже целую неделю — не как нечто пугающее и гнетущее, но как данность.

Умирание входит составной частью в жизнь человека. И если ты хочешь оставаться целостной личностью, нужно это принять. Пусть необходимость собственной смерти и трудно понять, но принять ее вполне возможно.

Он сам не смог бы объяснить, с чего бы это, но второй причиной, побудившей его лично отправиться за этим заказом на овощебазу, был шанс попутно побывать в небольшой конторе, расположенной над заведением Фрэнка. Помещение это теперь занимал юрист (дантист, который снимал ее в прошлом году, видимо, обанкротился) — молодой негр по фамилии Макайвер. Зайдя к нему, Хэллоранн заявил, что хочет составить завещание и просит юриста помочь ему в этом. Хм, сказал Макайвер, как быстро вам нужно оформить этот документ? Еще вчера, отвечал Хэллоранн и, запрокинув голову, расхохотался. У вас какой-то сложный случай? — следующим делом спросил юрист. Никакого сложного случая у Хэллоранна не было. У него был «кадиллак», счет в банке — что-то порядка девяти тысяч долларов, — кое-какие сбережения в ценных бумагах да шкаф с одеждой. Все это он хотел завещать сестре. А если сестра опередит вас и умрет раньше? — спросил Макайвер. Неважно, ответил Хэллоранн; если это случится, он составит новое завещание. Документ был оформлен и заверен менее чем за три часа — довольно быстро для стряпчего такого сорта — и теперь покоился в нагрудном кармане Хэллоранна, вложенный в плотный голубой конверт со словом «ЗАВЕЩАНИЕ», выведенным на нем готическим шрифтом.

Он сам не мог объяснить, почему выбрал именно этот теплый солнечный день, вызывав-

ший у него самое лучшее настроение, для дела, которое годами откладывал. Он просто почувствовал какой-то импульс — и не стал ему противиться. Он привык доверять своим предчувствиям.

Хэллоранн уже успел отъехать довольно далеко от города. Он нагнал, доведя скорость до запрещенных шестидесяти миль в час, и полетел вперед по левому ряду, который предпочитало большинство водителей, направлявшихся в Петербург. Ему было известно по опыту, что лимузину его нипочем выжать и сто миль, и даже при ста двадцати милях не приходилось опасаться, что тот задымится. Но время подобных забав для него давно миновало. Мысль о том, чтобы разогнаться на прямом участке до ста двадцати миль в час, вызвала у него в душе только страх. Он постарел.

(Боже, как пахнут эти апельсины! Уж не помялись ли они?)

О ветровое стекло на всем ходу разбивались жуки. Он покрутил ручку приемника, настраиваясь на радиостанцию, передающую из Майами музыку в стиле соул, и салон заполнило мягкое завывание Эла Грина:

Как прекрасно было нам с тобою.

Но теперь уж поздно — и пора расстаться...

Он опустил стекло, выкинул окуроч и оставил окошко открытым, чтобы выветрился чересчур удушающий запах апельсинов. Хэллоранн барабанил пальцами по рулю и мурлыкал вполголоса, подпевая радио. На зеркале заднего обзора раскачивалась взад-вперед его медаль Святого Кристофера.

Вдруг запах апельсинов достиг невероятной силы — и он понял, что началось, что его черед

настал. Хэллоранн успел увидеть свои собственные глаза в зеркале заднего вида: расширенные, изумленные. А затем словно могучий взрыв смел все — музыку, дорогу, его бессознательную веру в свою исключительность. Точно кто-то приложил к его виску дуло психического пистолета и всадил истощный, 45-го калибра крик:
(!!!ДИК ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА ПОЖАЛУЙСТА КО МНЕ!!!)

Лимузин успел поравняться с автоприцепом, за рулем которого сидел мужчина в рабочем комбинезоне. Последний, видя, что кто-то вырывается на его полосу, оглушительно загудел. Однако тот продолжал подсекать его, и, затормозив, водитель автоприцепа заметил за рулем пронесшегося мимо «кадиллака» громадного негра, который сидел прямо, точно аршин проглотив, и пялился вперед, ничего не видя. Позже он рассказал жене, что сначала ему показалось, будто у этого черномазого волосы стояли дыбом (потом ему объяснили, что это у них сейчас в моде такая прическа), и он решил, что негра хватил сердечный приступ.

Итак, водитель автоприцепа ударил по тормозам — благо сзади никого не оказалось. «Кадиллак» обогнал его, все дальше съезжая на соседнюю полосу, и на глазах оцепеневшего от ужаса шофера задние фары лимузина просвистели в паре сантиметров от бампера тягача.

Очнувшись, разъяренный водитель нажал на газ, вырулил на левую полосу и, не переставая сигналить, с ревом нагнал пьяновлияющий лимузин. Держась с «кадиллаком» бок о бок, он во всю силу своих легких советовал черномазому психу, чтобы тот совершил с самим собой половой акт в извращенной форме, а также случился

оральным путем с различными грызунами и птицами. Затем внес от своего лица предложение, чтобы все индивидуумы негритянских кровей вернулись на родину своих предков, и поделился соображениями о том, куда отправится душа его обидчика после смерти. Закончил он тираду утверждением, что встречал матушку того, кто сидел за рулем лимузина, в нью-орлеанском доме терпимости.

Высказавшись, он еще надал газу, обогнал опасного попутчика, и только тут обнаружил, что намочил штаны.

В мозгу же Хэллоранна кто-то все повторял:
(КО МНЕ ДИК ПОЖАЛУЙСТА КО МНЕ
ДИК ПОЖАЛУЙСТА...)

Но теперь понемногу затихая, как бывает, когда приближаешься к границе зоны, где ловится какая-то радиостанция. Он вдруг смутно, как в тумане, осознал, что его машина подпрыгивает на обочине, вдоль ограждавшего автотрассу вала, со скоростью миль пятьдесят в час. Он повернул руль и вывел ее вновь на гладкое дорожное покрытие.

Впереди показался рекламный щит, приглашающий в придорожное экспресс-кафе «Рутбизер». Хэллоранн включил сигнал поворота и свернул. Сердце его болезненно отдавалось в груди, лицо было мертвенно бледным. Он зарулил на стоянку, вынул носовой платок и вытер лоб.

(Господи Боже!)

— Чего желаете? — Прозвучавший над ухом голос заставил его вздрогнуть, хотя принадлежал тот не Богу, а миниатюрной симпатичной официантке с блокнотом и ручкой в руках, которая незаметно появилась у открытого окна лимузина.

— А-а... Мороженого, детка. С ванилином, хорошо?

— Да, сэр, — она повернулась и направилась выполнять заказ, приятно покачивая бедрами, обтянутыми красным нейлоновым комбинезоном.

Хэллоранн откинулся на кожаном сиденье и закрыл глаза. Произошедшее уже почти ничем о себе не напоминало. Последние отголоски неведомого крика растаяли в промежутке между тем, как он свернул сюда, и уходом официантки — оставив после себя лишь страшную, пульсирующую головную боль, словно его мозг отжали, вывернули и повесили сушиться. Подобную боль он испытывал только после того, как позволил этому пареньку, Дэнни, посветить на себя тогда в «Капризе Ульмана».

С той разницей, что на сей раз это было сильнее. Тогда этот пацан только играл с ним. Теперь же он поверг его в настоящую панику, оглушительно прокричав в его мозгу.

Он бросил взгляд на свои руки, которые, несмотря на падавший на них солнечный свет, все еще были покрыты мурашками. Он вспомнил, как сказал пареньку, чтобы в случае чего тот позвал его на помощь. И вот теперь тот звал его.

Он вдруг поразился, как его вообще угораздило оставить пацана там, наверху, когда тот весь так светился. Там наверняка что-то случилось — и, наверное, что-то страшное.

Повинуясь внутреннему толчку, он внезапно завел машину, дал задний ход и резко, обдирая с колес резину, снова вырулил на шоссе. Крутобедрая официантка, стоя в дверях с подносом, на котором стояло заказанное им мороженое, изумленно крикнула ему вслед:

— Что у вас стряслось? Пожар?
Но того уже и след простыл.

* * *

Управляющий (фамилия которого была Куимс), когда Хэллоранн вошел в его кабинет, беседовал по телефону со своим букмекером. Он хотел поставить на четверку первых во время предстоящих скачек на ипподроме «Рокэуэй». Нет, никаких экспериментов, никаких новых вариантов, черт подери! Обычная старая четверка, по шестьсот долларов с носа. И на победу «Джетс» в воскресном бейсбольном матче. То есть как это против кого? Он что, не знает, с кем играют «Джетс»? Пятьсот... семь к одному... Куимс положил трубку и поднял глаза на вошедшего. Вид у него был настолько выжатый, что Хэллоранн впервые понял, как человек, зарабатывающий пятьдесят штук в месяц, может при этом ходить в костюме с лоснящимися локтями и задом. Его глаза, вперившиеся в Хэллоранна, были красны от слишком усердного заглядывания внутрь коньячной бутылки.

— У тебя неприятности, Дик?

— Да, мистер Куимс, похоже на то. Мне нужен отпуск на три дня за свой счет.

В нагрудном кармане тонкой желтой рубашки Куимса лежала пачка «Кента». Не доставая всей пачки, он вытащил одну сигарету, угрюмо вонзил зубы в патентованный микронитовый фильтр и прикурил от настольной дорогой зажигалки.

— Мне тоже, — произнес он. — А для чего тебе?

— Мне нужно три дня,— повторил Хэллоранн.— Это из-за моего парня.

Глаза Куимса скользнули по левой руке Хэллоранна. Кольца на ней не было.

— Я развелся в 1964 году,— терпеливо пояснил Хэллоранн.

— Дик, ты же знаешь, что творится по выходным. У нас все бывает забито до отказа. Даже дешевые места. В воскресенье вечером занимают и отдельный кабинет, «Флорида рум». Так что хочешь — возьми себе мои часы, мой бумажник, мой пенсионный счет. Черт подери! Можешь даже забрать мою жену, если не боишься острых углов. Только не проси у меня никаких отгулов... Что с ним, заболел?

— Да, сэр,— ответил Хэллоранн, пытаясь вообразить свой вид в дешевой парусиновой шляпе, с вращающимися белками.— Его подстрелили.

— Подстрелили?! — пораженно переспросил Куимс, кладя закуренную сигарету в пепельницу с эмблемой школы менеджеров, которую он окончил.

— Да, сэр,— мрачно подтвердил Хэллоранн.

— Несчастный случай?.. На охоте?

— Нет, сэр,— проговорил Хэллоранн, понижая голос до хриплого полупшепота.— Джейна... она жила с водителем грузовика, белым. Он-то и подстрелил моего парня. Тот сейчас в госпитале в Денвере, в штате Колорадо. Состояние критическое...

— Черт, но откуда ты узнал?! Я-то думал, ты отправился на овощебазу!

— Да, сэр, я и был там.

Перед встречей с шефом он заехал в телеграфное отделение «Вестерн юнион», чтобы за-

казать себе машину в Стэйплтонский аэропорт, и, уходя, прихватил копию телеграммы. Теперь он вытащил из кармана свернутый, мятый бланк, на котором ничего нельзя было разобрать, и помахал им перед носом Куимса, после чего вновь положил в карман и еще трагичнее добавил:

— От Джейны. Я нашел это в своем почтовом ящике, когда сейчас вернулся.

— Господи Иисусе! — отозвался Куимс. Лицо его приняло знакомое Хэллоранну выражение озабоченности, близкое к симпатии, на какую только способен «хорошо относящийся к цветным» белый, когда речь идет о негре с его мифическим сыном-негритенком.

— Ладно, езжай, — наконец решился Куимс. — Бэдекер, думаю, сможет в течение трех дней заменить тебя. В случае чего мальчик-разносчик ему поможет.

Хэллоранн кивнул, придав лицу еще более горестное выражение, но при мысли о том, что бы разносчик стал помогать Бэдекеру, ухмыльнулся в глубине души. Ибо сильно сомневался, что парень этот, даже будучи в ударе, способен хотя бы попасть струей в унитаз.

— Я хочу, чтобы вы у меня вычли жалованье за эту неделю, — произнес он вслух. — Целиком. Я ведь понимаю, в какое положение вас ставлю, мистер Куимс.

Лицо Куимса затвердело, став почти каменным. Казалось, он подавился рыбной костью, однако произнес:

— Об этом мы можем поговорить позже. А пока иди собирайся в дорогу. Я сам переговорю с Бэдекером. Заказать тебе билет на самолет?

— Не надо, сэр, я сам.

— Ладно,— Куимс встал, доверительно подавшись вперед, затянулся своей сигаретой и закашлялся, так что бледное его узкое лицо побагровело, а Хэллоранну вновь пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рассмеяться.— Надеюсь, все обернется к лучшему, Дик. Позвони, как сможешь.

— Хорошо.

Они обменялись рукопожатием через стол. Хэллоранн поспешно, чтобы не дать разбившему его хохоту вырваться наружу, сбежал вниз и направился к жилому корпусу для персонала. Он все еще улыбался во весь рот и вытирал навернувшиеся от смеха слезы, как вдруг на него снова нахлынул удушающий запах апельсинов и в голове его точно грянул гром, пригвоздив к розовой оштукатуренной стене дома:

(!!!ПОЖАЛУЙСТА КО МНЕ ДИК ПОЖАЛУЙСТА СКОРЕЙ!!!)

Еще некоторое время после того, как крик в его мозгу смолк, он стоял так, будто пьяный,— пока не почувствовал, что в силах одолеть наружную лестницу, которая вела к его квартире. Ключ от квартиры хранился под плетеным ковриком перед дверью, и когда он нагнулся, что-то выпало у него из кармана и хлопнулось на пол лестничной площадки. Все еще под впечатлением потрясшего его мозг крика, он несколько мгновений тупо смотрел на выпавшую вещь, не понимая, что это такое. Затем медленно протянул руку, взял лежащий под ногами голубой конверт и перевернул.

С оборотной стороны конверта, написанное черными паучьими буквами, на него глянуло слово «ЗАВЕЩАНИЕ».

(О Господи, неужто правда?)

Он не мог сказать наверняка. Но все было возможно. Уже неделю как мысль о смерти не шла у него из головы, точно... точно... *(Ну же, скажи, наконец!)* ...предчувствие.

Смерть? В мановение ока вся его жизнь, казалось, промелькнула перед ним — не история взлетов и падений Дика, третьего сына миссис Хэллоранн, но его жизнь во всем нынешнем ее объеме. Мартин Лютер Кинг незадолго до того, как пуля свела его в могилу, сделав мучеником, сказал, что ему довелось взойти на вершину. Дик о себе такого сказать не мог, но, во всяком случае, после долгих лет борьбы за счастье ему удалось достичь залитого солнцем плато. Он нажил добрых друзей. Лестные отзывы, необходимые для устройства на любую работу, ему были гарантированы. Если ему хотелось с кем-то переспать — в его распоряжении всегда была понимающая подруга, которая не станет задавать лишних вопросов и выяснять потом отношения. Он примирился со своей черной кожей, обретя душевный покой. Ему уже перевалило за шестьдесят, но он был бодр и энергичен.

Так стоит ли ему ставить на карту все это, самого *себя*, ради трех белых, которых он толком даже не знает?

Но нет — не надо обманывать себя. Он ведь знаком с мальчишкой. Так хорошо и близко, как не узнаешь за сорок лет и лучшего друга. Он знает паренька, а тот его. Потому что в головах у каждого из них что-то вроде прожектора, о котором они не просили, но получили при рождении.

(Нет, пожалуй, у тебя в мозгу всего-навсего фонарик — а у кого прожектор, так это у него.)

Этот внутренний свет, прожектор, кажется поначалу замечательной вещью. Можно угадывать, какая лошадь придет первой, или, как парнишка, сказать, где находится такая-то затерявшаяся вещь. Но это только покров, слой майонеза на салате, а под ним, в самом салате, смешаны воедино горький перец и свежий огурец. Так что, отведав его, можно ощутить еще и вкус боли, смерти и слез. И теперь вот парнишка попал в беду — и нужно ехать, выручать его. Потому что цвет кожи разделяет людей, только когда они общаются посредством устной речи. Он поедет. И сделает все, что окажется в его силах, ибо, если он не сделает этого, парнишка умрет. И умрет прямо у него в голове.

Но, как обычный человек, он все же не мог отделаться от горького сожаления, что чаша сия не минула его.

* * *

(Она вылезла и начала подбираться к нему.)

Он запикивал в сумку смену белья, когда ему в голову пришла мысль — и он похолодел от мощи нахлынувшего воспоминания. Так бывало всякий раз, стоило ему об этом задуматься, поэтому он старался возвращаться к этой теме как можно реже.

В тот день с одной из горничных — ее звали Долорес Викери — случилась истерика. Она наговорила Бог знает чего другим горничным и, что еще хуже, постояльцам. Слух об этом дошел до Ульмана (что этой дуре следовало предвидеть), и тот сейчас же уволил ее. Она явилась к Хэллоранну в слезах — не из-за увольнения, а из-за того, что увидела в том номере на тре-

тьем этаже. По ее рассказу, она вошла в 217-й номер, чтобы сменить полотенца, и обнаружила труп постоялицы, миссис Мэсси, лежащий в ванне. Такого, разумеется, быть не могло, поскольку покойницу предусмотрительно увезли накануне и в тот момент она должна была лететь обратно в Нью-Йорк — хотя и не первым классом, как привыкла, а в багажном отсеке.

Хэллоранн не слишком симпатизировал этой Долорес, однако в тот вечер решил тоже подняться в номер. Горничная эта, двадцати трех лет, с оливковым лицом, обслуживала посетителей в конце сезона, когда в отеле становилось не таклюдно. От нее исходило свечение, правда, совсем слабое — мерцание, не более того. В тот раз, когда в ресторан заявились мышевидный человек со своей спутницей в линялом матерчатом плаще, она ухитрилась поменяться столиками с другой официанткой. В результате мышенок оставил под блюдцем вместо денег портрет Александра Хэмилтона, что и без того было большой неприятностью, а Долорес еще вздумала потешаться над несчастной напарницей. Викири была ленивой и любила бить баклуши на службе, где это было недопустимо. Излюбленным ее занятием было сидеть на бельевом складе, куря и листая женский журнал. Но когда бы Ульман ни нагрянул туда со своим неожиданным обходом (а горе той прислуге, которую он ловил прохлаждающейся), он заставлял ту за усердной работой. Журнал заблаговременно оказывался сунутым под стопку простынь на верхней полке стеллажа, а пепельница покоилась в кармане ее фартука. Да, подумал Хэллоранн, конечно же, Долорес лентяйка и неряха, и остальные девушки не слишком ее жалуют — но все же в ней

есть эта искра, благодаря которой она продвигается по жизни так гладко. Но то, что она увидела в 217-м номере, так испугало ее, что она была только рада, когда Ульман дал ей расчет и отправил на все четыре стороны.

Почему она пришла к нему? Светляк светляка видит издалека, подумал Хэллоранн, усмехнувшись каламбуру.

В ту ночь, после беседы с нею, он поднялся в номер, который на следующий день должен был занять новый постоялец. Чтобы проникнуть туда, он воспользовался запасными служебными ключами. Прознай об этом Ульман — не миновать бы Хэллоранну вслед за Долорес Викери очереди безработных на бирже труда.

Клеенчатая занавеска скрывала ванну от глаз. Он отвел ее в сторону — хотя еще за мгновение до этого почувствовал, что там увидит. Миссис Мэсси, разбухшая и посиневшая от воды, лежала в полунаполненной ванне. Он стоял, не отрывая взгляда от трупа, и сердце гулко стучало у него где-то в горле. И прежде в «Оверлуке» кое-что с ним случалось. Например, повторявшийся через неравные промежутки времени кошмарный сон: некий маскарад в бальном зале отеля; затем по команде все срывают маски — и вместо лиц под ними оказываются головы гниющих насекомых. Потом еще эти звери из живой изгороди: дважды или трижды ему казалось, он видел, как они шевелятся. Собака словно бы все так же сидя, слегка нагибала голову, а львы подавались вперед, угрожая кинуться на малышей, резвящихся на игровой площадке. В мае прошлого года Ульман послал его на чердак разыскать тот вычурный набор металлических инструментов для камина, которые теперь стояли в холле. По-

куда он искал их, все три лампочки, освещавшие чердак, погасли — и он не мог отыскать крышку люка, через который туда поднялся. Невесть сколько времени он, в состоянии все более близком к панике, метался по чердаку, спотыкаясь о коробки и налетая в темноте на вещи, и в душе его все росло ощущение, что за ним по пятам крадется что-то ужасное, вышедшее из деревянной обшивки в наступившем мраке. Наконец, в буквальном смысле наткнувшись на ручку люка, он сломя голову скатился с лестницы, посеревший и всклокоченный, и поспешил прочь, даже не закрыв люк, с чувством, что чудом избежал беды. Чуть позже Ульман собственной персоной появился на кухню, чтобы выговорить ему за то, что он оставил открытым люк и не выключил свет на чердаке. Похоже он, Хэллоранн, решил, что постояльцы захотят подняться туда и поиграть в искателей сокровищ? Или он полагает, будто электричество им дается бесплатно?

Хэллоранн подозревал также — нет, определенно был уверен, — что и некоторые постояльцы испытывали нечто подобное. За три года, что он прослужил в отеле, Президентские апартаменты занимали девятнадцать раз. Шестеро из тех, кто там останавливался, на следующий день с утра пораньше уезжали прочь, причем вид у них бывал весьма неважный. Из других номеров, случалось, постояльцы тоже спешили поскорее съехать. Как-то вечером, в августе 1974-го, когда уже начало смеркаться, один их постоялец, который во время войны в Корее награжден был Бронзовой и Серебряной звездами (а к этому моменту входил в правление трех крупнейших корпораций и, как поговаривали, лично добился увольнения одного известнейше-

го телерепортера), впал, находясь на поле для гольфа, в необъяснимую истерику. Десятки детишек отказывались выходить на игровую площадку перед отелем. А с одной девочкой случились судороги, когда она играла среди бетонных колец; однако Хэллоранн не мог поручиться, что вызван этот припадок был гибельным пением сирен, которое ухо его улавливало в атмосфере «Оверлука». Поговаривали, что просто девочка эта, дочь импозантного киноактера, страдала эпилепсией и забыла в тот день принять свое лекарство.

Поэтому при виде трупа миссис Мэсси его охватил страх, но еще не ужас. Это не было для него слишком большой неожиданностью. Настоящий же ужас захлестнул его, когда она вдруг открыла глаза, уставясь на него пустыми серебряными зрачками, и ощерилась в улыбке. Ужас пришел, когда...

(она вылезла и начала подбираться к нему.)

Он тогда бежал из номера с бешено колотящимся сердцем. Но даже запертая им за собой дверь не принесла ему успокоения. Наоборот, признал он теперь, застегивая дорожный чемодан, — с тех пор он никогда не чувствовал себя в безопасности, находясь в стенах «Оверлука».

И вот теперь — этот паренек, кричащий, зовущий его на помощь.

Он бросил взгляд на часы. Полшестого вечера. Он уже дошел до двери, как вдруг вспомнил, что в Колорадо, особенно в горах, сейчас, должно быть, настоящая зима. Он вернулся к гардеробу, вытащил оттуда свою единственную зимнюю одежду — длинную дубленку, — вынул ее из чехла и перекинул через руку. Затем потушил везде свет и огляделся по сторонам: не забыл ли

чего? Ах да! Одну вещь. Вынув из нагрудного кармана конверт с завещанием, он сунул его за зеркало, с торца, оставив там торчать. Если ему посчастливится, он вернется и припрячет его лучше.

Если только посчастливится.

Он вышел, запер дверь квартиры, сунул ключ под коврик и сбежал по наружной лестнице к своему отремонтированному «кадиллаку».

* * *

На полпути к международному аэропорту Майами, оставив позади коммутатор, прослушиваемый Куимсом и его приспешниками, Хэллоранн остановился возле торгового центра «Лондромат» и позвонил в авиакомпанию «Юнайтед эйрлайнз».

Рейс на Денвер? — переспросили его. Ближайший в 18.36. Господин успеает?

Хэллоранн взглянул на часы, которые показывали 18.02, и ответил, что успеет. Есть ли еще свободные места на этот рейс?

Так, сейчас проверим... Вслед за щелчком в трубке раздался сахарный голос Монтавани, который, видимо, призван был скрасить клиенту ожидание у телефона. Но производил он обратный эффект. Хэллоранн переминался с ноги на ногу, переводя взгляд со своих часов на девушку с младенцем, спящим в специальном рюкзаке у нее за спиной, которая поспешно выгружала из корзины покупки. Она явно боялась, что опаздывает домой, и жаркое сгорит, и муж ее — Марк? Майк? Мэтт? — будет зол как черт.

Прошла минута, две. Он уже собирался повесить трубку и ехать скорее дальше, рассчитывая

на удачу, как в трубке вновь зазвучал законсервированный голос администратора, оформляющего бронь.

Одно свободное место есть. Пассажир отказался от билета. В салоне первого класса. Это ему подходит?

Подходит. Он берет этот билет.

Оплата наличными или по кредитной карточке?

Наличными, детка, наличными. Ему позарез нужно лететь.

Ваша фамилия?..

Хэллоранн — два «л», два «н». До встречи.

Он повесил трубку и ринулся к выходу. Простенькая мысль, беспокоившая девушку с ребенком — как бы не пригорело жаркое, — снова и снова звучала в его голове, усиленная неким динамиком, пока он не почувствовал, что вот-вот сойдет с ума. С ним это порою случилось: по неведомой причине мозг его ловил чью-нибудь мысль, абсолютно ясную и четкую... и, как правило, совершенно бесполезную.

* * *

Он был уже почти у цели.

Лимузин летел со скоростью восемьдесят миль в час, и впереди уже показался аэропорт, когда его затормозил местный страж порядка.

Хэллоранн опустил боковое стекло и открыл было рот, чтобы все объяснить, но полицейский, листавший книжечку с инструкциями, опередил его:

— Знаю, знаю... — утешающим тоном заверил он. — Похороны в Кливленде — отец умер... Свадьба в Сиэтле — сестра выходит замуж... По-

жар в Сан-Хосе — сгорела дотла кондитерская лавка деда и бабушки... Портящийся груз в камере хранения в нью-йоркском аэропорту или еще что-нибудь в этом роде. Обожаю этот участок дороги на подъезде к аэропорту. Еще в школе моим любимым уроком был устный рассказ...

— Послушайте, инспектор, у меня сын...

— Единственное, чего я не знаю в этом рассказе до самого конца, — продолжал полицейский, находя, наконец, нужную страницу в своей книжечке, — это номер машины нарушителя-рассказчика и прочие данные из его документов. Так что будьте паинькой — дайте мне взглянуть одним глазком...

Хэллоранн молча достал водительские права и вид на жительство и протянул их инспектору.

— Вот и прекрасно. За это вам полагается подарок.

— Какой? — с надеждой спросил Хэллоранн.

— Когда я закончу все это записывать, вы можете мне подкачать колесо.

— О Господи!!! — простонал Хэллоранн. — Инспектор, у меня самолет!

— Ш-ш-ш! — прервал его тот. — Не надо капризничать.

Хэллоранн покорно закрыл глаза.

* * *

К окошку регистрации «Юнайтед эйрлайнз» он подбежал в 18.49, надеясь, вопреки очевидности, что вдруг да вылет самолета отложен. Однако ему даже не пришлось задавать вопросов. Табло над окошком красноречиво поведало ему обо всем: самолет, следующий рейсом 901 на

Денвер, должен был вылететь в 18.36, а вылетел в 18.40, за девять минут до его приезда.

— Черт! — прорычал Хэллоранн.

И вдруг апельсиновый запах — тяжелый, одуряющий — вновь нахлынул на него. Он едва успел добраться до мужского туалета, как оглушительный, леденящий кровь вопль опять прогремел у него в мозгу:

*(!!!КО МНЕ ПОЖАЛУЙСТА КО МНЕ ДИК
ПОЖАЛУЙСТА КО МНЕ!!!)*

НА ЛЕСТНИЦЕ

Среди прочего проданного ими ради некоторого пополнения наличных финансов перед переездом из Вермонта в Колорадо была собранная Джеком коллекция из двухсот старых рок-н-рольных и ритм-энд-блюзовых пластинок. Они ушли оптом, по доллару за штуку. В том числе и любимая вещь Дэнни — двойной альбом Эдди Кокрэна с четырьмя страницами сопроводительного текста Ленни Кея. Уэнди не раз поражала эта одержимость сына песнями одного-единственного исполнителя, который ушел из жизни еще совсем мальчиком — когда ей самой было всего десять лет.

И вот теперь, в четверть восьмого по местному времени — когда Дик Хэллоранн во Флориде заливал Куимсу о жестокостях белого дружка бывшей жены, — она обнаружила Дэнни сидящим посреди лестницы, которая вела со второго этажа в вестибюль. Он перекидывал из руки в руку красный резиновый мячик и пел песню из того альбома. Голос его был тих и монотонен.

— Я взбираюсь с первого на второй. Потом на третий, четвертый, пятый, шестой, — пел Дэнни. — И на последнем этаже я выжат, и какой там рок...

Она обошла его, чтобы оказаться с сыном лицом к лицу, и тоже присела на ступеньку. И сразу заметила, что нижняя губа Дэнни распухла, а на подбородке кровь. Сердце у нее в груди испуганно встрепенулось, но она заставила себя заговорить спокойно.

— Что стряслось, док? — спросила она, хотя была уверена, что знает ответ. Его ударил Джек. Ну, разумеется! Так ведь всегда: это колесо прогресса поворачивается — и ты оказываешься на том же самом месте.

— Я был в гостях у Тони, — вместо этого ответил Дэнни. — В бальном зале. И, похоже, упал со стула. Уже не больно. Просто... как будто губа стала слишком большая.

— Это правда? — встревоженно спросила она, глядя на него испытующим взглядом.

— Это не папа, — заверил мальчик. — Сегодня это не он.

Она не сводила с него глаз, охваченная странным чувством. Мячик продолжал летать в воздухе... Он прочитал ее мысли. Ее сын читает ее мысли!

— Что... что же сказал тебе Тони?

— Это не важно. — Лицо его оставалось спокойным, в голосе звучало холодное безразличие.

— Дэнни! — Она сильнее, чем хотела, схватила его за плечо, но он даже не поморщился и не попытался высвободиться.

(Боже, мы губим мальчика. И не только Джек — я тоже. И, может быть, не только мы вдвоем, а еще и отец Джека, моя мать — они ведь, наверное, тоже здесь. Почему бы нет? Тут все кишит призраками, так что лишняя пара не помешает... Господи, ведь он как те чемоданы, которые показывают по телевизору: их переезжают машинами, сбрасывают с самолетов, кладут под фабричный пресс, испытывая на прочность. Или как часы «Таймекс»: их раз заведут, дальше сами идут... Дэнни, прости меня!)

— Не важно, — повторил он, не переставая жонглировать мячиком. — Тони больше не сможет прийти. Они не пустят его.

— Кто не пустит?

— Здешние люди из отеля.— Он поднял на нее глаза, и она увидела, что взгляд его исполнен не безразличия, а глубоко таящегося страха.— И... *вещи*. Здесь их сколько угодно. Отель ими *набит*.

— Вот увидишь...

— Я не хочу ничего видеть,— тихо произнес он, переводя взгляд на летающий туда-сюда мячик.— Но иногда я их слышу. Поздно ночью. Они как ветер. Вдыхают хором. На чердаке. В подвале. В комнатах. Везде. Я думал, это из-за того, что я такой... Ключ. Серебряный ключик.

— Дэнни, не надо... так расстраиваться.

— Но теперь я знаю, что это и из-за *него*,— продолжал мальчик.— Из-за папы. И из-за тебя тоже. Ему нужны все мы. Отель обманывает папу, дурачит его, делая вид, будто тот нужен ему больше всего. На самом деле больше всего ему нужен я, но мы все попадем ему в лапы.

— Если только этот снегоход...

— Они ему не дали,— оборвал ее Дэнни все тем же тихим голосом.— Они заставили его выбросить деталь от снегохода. Далеко, в снег. Я это видел во сне. И еще он знает, что та женщина правда там, в 217-м номере... Не важно, веришь ты мне или нет.

Он умолк, устремив на нее свои потемневшие от страха глаза. Она обвила его рукой:

— Я верю тебе, Дэнни. Расскажи мне все как есть. Джек... Он попытается навредить нам?

— Они постараются заставить его,— ответил Дэнни.— Я позвал мистера Хэллоранна. Он сказал, что если мне будет нужна его помощь, я могу просто его позвать. Я звал, но это жутко тяжело. Я от этого сильно устаю. И самое

плохое, что я не знаю, слышит он меня или нет. Сам он, наверно, откликнуться не может, потому что для него это слишком далеко. Может быть, и для меня слишком далеко. Завтра...

— Что завтра?

— Ничего,— помотал головой мальчик.

— Где он сейчас — твой отец? — спросила она.

— В подвале. Вряд ли он сегодня поднимется.

Она быстро поднялась:

— Посиди здесь. Я сейчас приду. Через пять минут...

* * *

Кухня, освещенная люминесцентными лампами, выглядела холодной и пустынной. Уэнди направилась к подставке с висящими на магнитных держателях ножами, взяла самый длинный и острый, завернула его в полотенце и вышла из кухни, погасив за собою свет.

* * *

Дэнни сидел на лестнице, следя за мячом, летающим из одной его руки в другую, и пел:

— Она живет на двадцатом этаже, а лифт там сломан давно уже. И я взбираюсь с первого на второй...

(— Лу, Лу! Скачи ко мне, Лу...)

Он перестал петь и прислушался.

(— Скачи ко мне, Лу, крошка...)

Голос этот звучал у него в голове, так пугающе явственно, точно то был его внутренний голос, его собственные мысли. Интонация была

мягкой и лукавой. Поддразнивающей — словно говорящий на самом деле пытался уверить его:
(Вот увидишь, тебе тут понравится. Попробуй — тебе понравится. Понра-а-а-вится...)

Теперь слух его напрягся — и он опять слышал их: скопище привидений, духов. Или, быть может, то был сам отель — дворец жутких развлечений, где каждая интермедия заканчивалась смертью, где все нарисованные чудища оказывались настоящими, где звери из живой изгороди оживали, а серебряный ключик отпирал нечто непристойное. Тихие вздохи и шорохи — точно зимний ветер, бесконечно поющий по ночам под карнизами свою песню, смертоносную колыбельную, какой никогда не услышать туристам среди лета. Усыпляющие, как грозное гудение ос, разбуженных в их гнезде. Здесь, на высоте трех тысяч метров.

(Умоляю, скажи, что общего у ворона с письменным столом? Чем выше — тем реже они встречаются, само собой! Выпей-ка еще чашку чая!)

Звук был вполне реальный — но то были не голоса, не человеческое дыхание. Человек философского склада мог бы назвать это звучанием душ. Няня Дика Хэллоранна, выросшая на юге в конце прошлого века, назвала бы это муравьиным шумом. Ученый, исследующий психические феномены, придумал бы для этого длинное название: психическое эхо, психокинез, телезмические отклонения или еще что-нибудь в этом роде. Но для Дэнни это было звучанием самого отеля — древнего чудовища, все ближе подбирающегося к ним, — его коридоров, которые переносились теперь назад во времени и пространстве, и наводняющих их голодных теней, беспо-

койных гостей, от которых невозможно было просто так отделаться.

В залитом мраком бальном зале часы мелодично звякнули, пробив половину восьмого.

Хриплый голос, зверский и пьяный, прорычал:

— *Сними маску и давай трахнемся!*

Уэнди застыла посреди холла. Взглянув на Дэнни, по-прежнему игравшего мячом на лестнице, она спросила:

— Ты слышал сейчас что-нибудь?

Тот лишь мельком посмотрел на нее и продолжал перекидывать мячик из руки в руку.

В ту ночь им почти не удалось сомкнуть глаз, хотя спали они вдвоем за запертой дверью.

Лежа в темноте с открытыми глазами, Дэнни думал:

(Он хочет стать одним из них и жить вечно. Вот чего ему хочется.)

Уэнди же размышляла так:

(Если придется бежать, я уведу его дальше в горы. Коли уж суждено умереть — то лучше там.)

Разделочный нож, по-прежнему завернутый в полотенце, лежал под кроватью. Она следила, чтобы рука ее находилась возле него. Они забывались дремотой и просыпались вновь. Отель вокруг них наполнился звуками. Снаружи свинцовое небо начало посыпать окрестности снегом.

В ПОДВАЛЕ

(!!!Котел, чертов котел!!!)

Эта мысль распустилась в голове у Джека Торренса точно цветок, отороченный по краям предупреждающим ярко-красным цветом. А следом в памяти его прозвучал голос Уотсона:

(Если ты о нем позабудешь, он станет раскошегаться потихоньку, так что скорей всего ты с семьей проснешься однажды на луне... Эта хреновенькая рассчитана на девяносто, но я бы не рискнул спуститься и встать около нее, когда она раскошегарится хотя бы до шестидесяти пяти...)

Он провел в подвале целую ночь, роясь в ящиках со старыми записями, одержимый лихорадочным ощущением, что времени у него в обрез и нужно спешить. Однако ключ ко всему происходящему, некая связь, благодаря которой все стало бы на свои места, все время от него ускользали. Пальцы его стали желто-черными от старой осыпающейся бумаги. Он был так поглощен своим занятием, что ни разу не проверил давление в котле. Джек сбросил его накануне вечером, часов в шесть. Теперь же...

Он взглянул на часы и вскочил, опрокинув коробку со старыми счетами. Господи, уже без четверти пять утра!

Топка у него за спиной продолжала нагреваться. Котел издавал натужное гудение и свист.

Джек бросился к нему. Лицо Джека, исхудавшее за последний месяц, теперь густо оттеняла отросшая щетина, а в глазах зияла пустота, как у заключенного концлагеря.

Стрелка на котле перевалила за семьдесят атмосфер. Он словно воочию видел, как латанные-перелатанные, сваренные из кусков стенки котла стремятся раздаться от смертельного напряжения.

(Он станет раскопегариваться... Я бы не рискнул спуститься и встать около, когда раскопегарится хотя бы до шестидесяти пяти...)

Внезапно он услышал внутренний голос — холодный, искушающий:

(Оставь его. Забери Уэнди и Дэнни — и мотай отсюда к чертовой матери. Пусть он разнесет тут все вдребезги.)

Он явственно представил себе этот взрыв. Двойной оглушительный удар, первый вырвет из этого отеля сердце, а второй душу. Котел лопнет с ослепительной оранжево-фиолетовой вспышкой, засыпав все вокруг раскаленной горячей шрапнелью. Он видел мысленно раскаленные докрасна металлические осколки, рикошетом летающие, свистя, между полом, стенами и потолком, — точно смертоносные бильярдные шары. Некоторые из них наверняка выстрелят в проем каменной арки, подожгут лежащие там бумаги и устроят тут сущий ад. Все тайны и ключи к ним сгорят — и ни одна живая душа не сумеет больше решить эту загадку. Затем рванет газ: с треском взойдется гигантское пламя, превратив всю сердцевину отеля в огромную печь. Лестницы, коридоры, потолки, номера — все запылает, как замок в финальных кадрах фильма о Франкенштейне. Огонь распространится в оба крыла здания, стремительно, словно бодрый постоялец, устремляясь по черно-синим узорчатым коврам. Шелковые обои обратятся, съезжившись,

в пепел. Огнетушителей в отеле не было — лишь старомодные пожарные краны и никого, кто бы умел ими пользоваться. И ни одна пожарная машина не сможет добраться сюда до конца марта. Гори, малыш, гори. Через двенадцать часов от отеля останется лишь голый скелет.

Стрелка на манометре передвинулась еще выше. Котел кряхтел и стонал, точно старуха, пытающаяся встать с постели. Шипящие струйки пара начали пробиваться вдоль швов наложенных заплат. Вниз по стенкам поползли шипящие капли спайки.

Он ничего не видел и не слышал. Рука его замерла на рукоятке, с помощью которой можно было сбросить давление и затушить топку. Глаза Джека мерцали, как сапфиры.

(Это мой последний шанс.)

Единственные деньги, которые им светили, это те, что гарантировал страховой полис, который они оформили вместе с Уэнди летом после первого их года в Стовингтоне. Страховка на случай смерти. Сорок тысяч долларов. И вдвое больше, случись им погибнуть в железнодорожной, авиакатастрофе или при пожаре. Счастливая возможность: умереть тихой смертью и выиграть почти сто тысяч.

(В случае смерти при пожаре — восемьдесят тысяч долларов.)

У них будет время выбраться отсюда. Даже если они там спят — время у них будет. Он был в этом уверен. И вряд ли звери станут их удерживать, если «Оверлук» запылает.

(Пламя.)

Стрелка под затуманенным, уже едва прозрачным стеклом манометра дошла до семидесяти пяти атмосфер.

В голове его пронеслось еще одно, детское воспоминание. Среди нижних веток яблони, стоявшей у них за домом, осы свили себе гнездо. Одного из старших братьев — он не мог вспомнить, какого именно, — ужалила оса, когда он качался на резиновой крышке, которую отец подвесил к толстому суку дерева. Стоял конец лета — пора, когда осы злее всего.

Отец, только что вернувшийся домой, в ореоле пивного запаха, одетый во все белое, как он любил, созвал всех троих сыновей — Бретта, Майка и его, маленького Джеки, и пообещал, что избавится от ос.

— Стойте и смотрите, — произнес он, слегка покачиваясь (тростью он тогда не пользовался, так как несчастный случай с молоковозом был еще далеко впереди). — Может, кое-чему научитесь. Мне это показал мой отец.

Отец нагреб большую кучу мокрых от дождя листьев под веткой, где было осиное гнездо — опасный плод среди мелких, но вкусных яблок, которые они собирали обычно в конце сентября. Он поджег листья. День стоял ясный и безветренный. Листья не горели, а тлели, и приятный запах их гари откликался в душе Джека воспоминанием о том, как каждую осень мужчины в выходных брюках и легких ветровках сгребают листву в кучи и жгут. Сладкий, прелый дух с горьковатым оттенком, сильный и будоражащий. Тлеющие листья выпускали клубы дыма, который обволакивал осиное гнездо.

Отец до вечера жег листья, потягивая пиво на террасе и кидая опустошенные пивные банки в пластмассовое ведро для мытья полов. Два старших сына стояли по бокам, а маленький Джеки сидел на крыльце у ног отца, играя мячом и монотонно напевая вновь и вновь все те же две строчки: «Твое лживое сердце принесет тебе слезы, Твое лживое сердце все равно тебя выдаст...»

Без четверти шесть, перед самым ужином, отец со ступающей за ним по пятам стайкой сыновей подошел к осиному гнезду. В одной руке у него была мотыга. Он разворошил ею листья, которые тут же дотлели и погасли. Затем рукоятью мотыги, с третьей попытки, рахмахнувшись, сшиб гнездо наземь.

Мальчики кинулись прочь, на родную террасу. Отец же остался стоять, раскачиваясь из стороны в сторону и тупо глядя на лежащий на земле комок. Джеки первым, осмелев, снова подкрался поближе — взглянуть. Несколько осмедленно ползли по стенке их жилища, но взлететь даже не пытались. Изнутри же доносился незабываемый звук: низкое, сонное гудение, подобное тому, что издают провода высоковольтных линий.

— Почему они не кусают тебя, пап? — спросил Джек.

— Они от дыма запьянели, Джеки. Иди принеси мне канистру с бензином.

Джек кинулся выполнять просьбу отца. Тот взял принесенную канистру и полил гнездо янтарной струей бензина.

— А теперь, Джеки, отойди в сторонку, если

не хочешь остаться без бровей и ресниц, — произнес отец, покончив с этим делом.

Джек отступил назад. Откуда-то из складок своей объемной куртки отец извлек спичку, зажег ее, чиркнув о заскорузлый большой палец, и кинул в осиное гнездо. Взвилось бело-оранжевое пламя, почти беззвучное в своей ярости. Отец, загоготав, прынул в сторону. В мановение ока от гнезда ничего не осталось.

— Огонь, — с ухмылкой сказал отец, обернувшись к Джеку. — Огонь все что угодно изничтожит.

После ужина мальчики вышли во двор и в убывающем вечернем свете, обступив, разглядывали в торжественном молчании обуглившиеся остатки гнезда, изнутри которого доносились лопающиеся звуки — словно при готовке воздушной кукурузы. То лопались тельца изжарившихся ос...

Стрелка манометра подобралась к восьмидесяти. Низкий металлический вой, набирая силу, доносился из чрева котла. Бьющие уже из сотни отверстий струйки пара напоминали вставшие иглы дикобраза.

(Огонь все что угодно изничтожит.)

Джек встрепенулся, осознав, что захватившие его грезы чуть не стали для него концом света. Господи, о чем он тут думает? Его дело — охранять отель. Он отвечает за его сохранность.

Ладони его вспотели от испуга, так что с первого раза рука Джека соскользнула с вентиля. Он крепче обвил его пальцами и повернул. Один оборот, второй, третий... Раздалось оглушительное шипение пара, точно в подземелье проснулся дракон. Жаркий тропический пар

хлынул из-под котла, почти скрыв его от глаз. На несколько мгновений манометр стал совершенно неразличим. Джек решил, что слишком долго мешкал: гудение внутри котла усилилось, затем раздалось лязгающие удары и болезненный скрежет металла.

Когда туман немного рассеялся, он увидел, что стрелка манометра опустилась до семидесяти пяти атмосфер и давление продолжало падать. Струйки пара вдоль сварных швов начали ослабевать, как и доносящиеся из котла скрежет и лязганье.

Семьдесят атмосфер... Шестьдесят пять... Шестьдесят...

(Он летел вниз по склону со скоростью девяносто миль, когда свист перешел в пронзительный вопль...)

Теперь уже рвануть не должно, подумал он. Давление упало до пятидесяти атмосфер.

(...его нашли лежащим, еще сжимавшим одной рукой дроссель: он умер от того, что его обварило паром.)

Он отскочил от котла, тяжело дыша и дрожа всем телом, бросил взгляд на свои ладони и увидел, что на них уже вздуваются волдыри. Черт с ними, с волдырями, подумал он, и нервно рассмеялся. Он едва не погиб, сжимая рукой дроссель, — как Кейси, тот инженер в «Аварии старого 97-го». Хуже того: он чуть не погубил «Оверлук». Последний, самый громкий провал. Он уже потерпел крах как педагог, как писатель, как муж, как отец, даже как пьянчуга. Но вряд ли можно более блистательно подтвердить свою принадлежность к разряду неудачников, чем спалив здание, которое тебе поручено охранять. Причем не просто здание.

Только не это!

Господи, ему необходимо выпить!

Давление успело уже снизиться до отметки «30». Осторожно, морщась от боли в ладонях, он завинтил регулятор. Впредь за котлом нужен глаз да глаз. Возможно, этот перегрев серьезно его расшатал. Весь остаток зимы нельзя нагонять давление выше сорока атмосфер. Если даже придется померзнуть — ничего. Они будут терпеливо переносить это и улыбаться.

Закрывая вентиль, он срезал два волдыря. Руки пульсировали болью, словно воспалившийся зуб.

Выпить. Выпивка привела бы его в порядок — но во всем этом чертовом доме нет ничего, кроме хереса для стряпни. А выпивка бы сейчас была для него лучшим лекарством. Ему ведь только для этого, Господи! Для обезболивания. Он исполнил свой долг и может позволить себе принять немножко обезболивающего — чего-нибудь посильнее, чем экседрин. Но в доме ничего нет.

Ему вспомнился блеск бутылок в полумраке.

Он спас отель — и тот должен бы его за это отблагодарить. Джек был в этом уверен. Он вынул из заднего кармана носовой платок и направился к лестнице, вытирая на ходу губы. Выпить. Всего глоток. Чтобы ослабла боль.

Он сослужил службу «Оверлуку» — и теперь тот должен отплатить ему тем же. Он не сомневался. Его торопливые, нетерпеливые шаги по ступеням напоминали поступь мужчины, вернувшегося домой после долгой, жестокой войны. Было 5.20 утра по местному времени.

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Дэнни с приглушенным криком вынырнул из кошмарного сна. Ему приснилось, что произошел взрыв. Пожар. «Оверлук» пылал, а они с мамой наблюдали это жуткое зрелище, стоя на лужайке.

Вдруг мама сказала:

— Смотри, Дэнни! Посмотри на изгородь!

Он взглянул и увидел, что живая изгородь умерла. Листья свернулись и стали трупно-коричневыми, так что сплошное переплетение ветвей стало проглядывать насквозь, словно скелет. И тут из дверей «Оверлука» вывалился его отец, пылающий, будто факел. Он был с ног до головы охвачен огнем, и кожа его с каждым мгновением приобретала все более зловещий черный оттенок.

Он проснулся, не в силах ничего сказать от страха, вцепившись в одеяло руками. Он кричал во сне? Дэнни повернулся, чтобы взглянуть на мать. Та лежала на боку, натянув до подбородка одеяло. Копна соломенно-желтых волос разметалась, упала ей на лицо. Она сама походила на ребенка. Нет, видимо, он не кричал.

Дэнни лежал, упершись взглядом в потолок, и кошмар понемногу начал испаряться. Им владело странное чувство, что они побывали на волосок от беды.

(Пожара? Взрыва?)

Он позволил своему разуму распространиться вовне, в поисках отца. И обнаружил, что тот стоит где-то внизу. В вестибюле. Дэнни нажал еще немного, чтобы пробиться в мысли отца.

И пожалел об этом. Потому что папа думал опять об этой гадости. О том, как

(хорошо бы пропустить всего одну или две не важно где-нибудь в мире солнце стоит над реей как мы любили говаривать помнишь Эл джин с тоником бурбон с каплей аперитива скотч-виски с содовой ром с кока-колой шерочка с машерочкой глоток мне глоток тебе где-нибудь в мире да приземлились марсиане в Принстоне или Хьюстоне или Стокли-на-Кармайкле в каком-нибудь долбаном месте в конце концов самый сезон а ни один из нас не...)

(УБИРАЙСЯ ИЗ ЕГО МОЗГА, МАЛЕНЬКОЕ ДЕРЬМО!)

При звуках этого нового голоса, прозвучавшего у него в голове, Дэнни сжался от ужаса, широко распахнув глаза и впившись ногтями в одеяло. То был голос не его отца, но хорошая пародия. Он узнавал этот голос — хриплый, грубый, с праздно шутливыми нотками.

Так близко?..

Дэнни откинул одеяло, спустил ноги на пол и нашарил под кроватью шлепанцы. Затем встал, кинулся к двери, распахнул ее и устремился вдоль по коридору, шурша тапками по ковровой дорожке. Завернул за угол и...

Посреди коридора, на полпути между ним и лестницей стоял на четвереньках мужчина.

Дэнни застыл на месте.

Мужчина поднял голову и посмотрел на него своими крохотными красными глазками. На незнакомце было какое-то серебристое, усыпанное блестками одеяние. Костюм собаки, дошло до Дэнни. Сзади у этого странного существа болтался хвост с кисточкой на конце. Вдоль всей спины костюма тянулась молния. Слева от мужчины валялась собачья или волчья голова с пу-

стыми глазницами и разинутым в бессмысленном оскале ртом. Между клыками видна была изнанка маски, по виду — из черно-синего папье-маше.

Рот, подбородок и щеки мужчины были вымазаны кровью. Он, не сводя глаз с Дэнни, заворчал. Рот незнакомца улыбался, но рычание — леденящий кровь первобытный звук, вырывавшийся из глубины его рта, — свидетельствовало, что это не игра. Затем он залаял, обнажив зубы, также запачканные кровью, и начал, с волочащимся по полу хвостом, подбираться к Дэнни. Оставленная лежать на ковре собачья голова глядела куда-то поверх головы Дэнни пустыми глазницами.

— Дай мне пройти, — сказал Дэнни.

— Я тебя съем, мальчик, — отвечал человек-собака, и следом из его ухмыляющегося рта вырвался свирепый лай. То было обычное подражание собаке — но ярость в этих звуках звучала неподдельная. Незнакомцу было жарко в его тесном костюме, черные волосы его взмокли от пота. Из рта у него разлило смесью скотча и шампанского.

Дэнни попятился, но не убежал.

— Дай мне пройти! — повторил он.

— Ни за что, мой малыш, — проговорил человек-собака, не сводя с Дэнни своих крохотных красных глазок и не переставая ухмыляться. — Я тебя съем. И начну, пожалуй, с твоего пухленького маленького *петушка!*

Игриво вихляясь, он начал приближаться к Дэнни мелкими прыжками. Из ощеренного рта его доносилось рычание.

Нервы Дэнни не выдержали. Он повернулся и опрометью кинулся в боковой проход, веду-

щий к их номеру, на бегу оглядываясь через плечо. Вслед ему, из центрального коридора, неслись завывания, лай и рычание, перемежающиеся невнятным бормотанием и хихиканьем.

Дэнни остановился, дрожа и еле переводя дух.

— Держи его наготове! — раздался из-за угла пьяный голос человека-собаки, в котором слышались одновременно ярость и отчаяние. — Держи его наготове, Гэрри, сукин ты сын. Мне плевать, сколько у тебя там в кармане казино, авиакомпаний и киностудий! Я-то знаю, чем ты любишь заниматься за дверями своего д-дома! Так что держи его торчком! Я буду... *рвать и мять...* покуда ты, Гэрри Дервент, не взвоешь, *твою мать!..*

Тирада эта завершилась протяжным, леденящим кровь воем, который перешел в вопль, полный гнева и боли. Дэнни снова встревоженно повернулся и, стараясь не бежать, дошел до их номера в самом конце коридора, толкнул дверь и заглянул внутрь. Мама спала все в той же позе. Никто, кроме него, не слышал этих стенаний, завываний и криков.

Дэнни опять закрыл дверь и вернулся назад, к центральному коридору, в надежде, что человек-собака успел исчезнуть — как раньше исчезла кровь со стен Президентских апартаментов. Он потихоньку выглянул из-за угла.

Незнакомец в костюме пса по-прежнему был там. Он успел надеть себе на голову собачью маску и теперь скакал на четвереньках возле лестницы, гоняясь за собственным хвостом. Порою он оступался и падал с рычанием и подвыванием:

— Гав! Гав! У-у-у! Р-р-р-р!

Звуки эти, вылетающие из стилизованной пасти маски, то и дело прерывались чем-то вроде всхлипываний, то ли, напротив, приглушенного смеха.

Дэнни возвратился в номер, опустил на кровать и закрыл ладонями глаза. Отель начал откалывать номера. Быть может, поначалу все было чистой случайностью — и то, что он видел, в действительности было столь же безобидным, как страшные картинки. Но теперь отель начал управлять этими видениями так, что они ожили и становятся по-настоящему *опасны*. «Оверлук» не дал ему отправиться к отцу: это расстроило бы ему всю игру. Поэтому отель послал сюда этого человека-собаку, чтобы преградить ему путь — как раньше отрезал их от дороги с помощью зверей из живой изгороди.

Но отец сам может прийти сюда. И рано или поздно так и случится.

Дэнни расплакался — беззвучно, не вытирая бегущих вниз по щекам слез. Слишком поздно. Они погибнут, все трое. И когда «Оверлук» весной откроется вновь — они окажутся тут как тут, готовые встретить гостей. Вместе с другими привидениями. С леди в ванне. С человеком-собакой. С той жуткой черной силой из тоннеля. Они станут...

(Все! Прекрати немедленно!)

Он яростно принялся вытирать кулаками слезы. Он должен сделать все, что в его силах, чтобы этого не случилось! Ни с ним самим, ни с мамой, ни с папой. Он постарается. Изо всех сил.

Дэнни закрыл глаза и послал мысленный сигнал — звенящий и прозрачный, как хрусталь, зов:

(!!!ДИК ПОЖАЛУЙСТА НА ПОМОЩЬ СКО-

РЕЙ МЫ ПОПАЛИ В БЕДУ ДИК ТЫ НАМ
ОЧЕНЬ НУЖЕН...)

В это мгновение *прямо тут*, за сомкнутыми веками, *в его голове*, возникла та самая жуткая фигура в белом, с молотком в руках, которая во сне гонялась за ним по коридорам «Оверлука». Страшилище занесло молоток над его головой и проревело:

— Ты у меня *перестанешь этим заниматься, чертов щенок!* Я заставлю тебя это прекратить, потому что я твой ОТЕЦ!

— Нет! — Он вновь широко распахнул глаза, вернувшись в реальный мир, в их номер, разбудив своим отчаянным криком мать, которая проснулась и судорожно вцепилась в свою простыню. — Нет, папа, не надо!..

Они оба услышали, как огромный невидимый молоток, рассекая воздух, опустился где-то совсем рядом. Дэнни, успевший кинуться в объятия к матери и прижаться к ней, дрожал всем телом, как заяц в силке.

Звать на помощь Дика «Оверлук» ему тоже не даст. Это тоже может расстроить игру.

Они отрезаны.

Снаружи сплошной пеленой, отгораживая их от внешнего мира, падал снег.

В ПОЛЕТЕ

Самолет, нужный Дику Хэллоранну, должен был вылетать в 6.45 утра по местному времени. Ответственный за посадку держал его, нервно перекладывавшего сумку из руки в руку, возле галереи № 31 до 6.55, пока по радио в последний раз не объявили, что посадка заканчивается. Они ждали, не объявится ли Карлтон Веккер — единственный пассажир, записанный на рейс 196 компании «TWA» Майами — Денвер и не подтвердивший бронь.

— Хорошо, — произнес дежурный, когда и после последнего приглашения никто не явился, и вручил Хэллоранну голубой билет первого класса. — Вам повезло. Можете пройти на посадку, сэр.

Хэллоранн устремился к дверям галереи, вверх по пандусу, отдал механически улыбающейся стюардессе билет и получил от нее взамен посадочный талон.

— На нашем рейсе подается завтрак, — сообщила ему стюардесса. — Так что если пожелаете...

— Мне хватит кофе, детка, — бросил он на ходу, направляясь по проходу между рядами кресел к своему месту в салоне для курящих. Больше всего он боялся, что безвестно пропавший Веккер выпрыгнет в последнюю секунду откуда-нибудь, как чертик из табакерки. Сидевшая с ним рядом у окна женщина читала книгу «Вы сами можете стать своим лучшим другом» с кислым, скептическим выражением. Хэлло-

ранн застегнул страховочный пояс, вцепился своими черными ручищами в подлокотники кресла и поклялся, что даже если отсутствующий Карлтон Веккер объявится, ему удастся стащить его, Хэллоранна, с этого места, только призвав на помощь пятерых мускулистых охранников. Он не сводил глаз с циферблата, но минуты, остающиеся до взлета, который должен был начаться ровно в семь, тянулись так медленно, что это могло свести с ума.

В 7.05 стюардесса объявила, что вылет задерживается в связи с тем, что техническая служба вторично проверяет запор на одном из люков грузового отсека.

— Пудрят нам мозги... — пробормотал в сердцах Дик Хэллоранн.

Соседка узким, скуластым лицом, не меняя кислого, скептического выражения, обернулась к нему, после чего вновь погрузилась в чтение своей книги.

Всю минувшую ночь он провел в аэропорту, мечась от окошка одной авиакомпании к окошку другой — «Юнайтед эйрлайнз», «Американ», «TWA», «Континентал», «Бранифф» — и охотясь за лишними билетами. После полуночи, за десятой уже, наверное, по счету чашкой кофе в буфете аэропорта, он решил, что с его стороны было полным идиотизмом вообще взваливать себе на плечи подобную обузу. Существуют же соответствующие службы. Он направился к ближайшей телефонной кабине и после переговоров с тремя диспетчерами узнал номер дирекции Национального парка «Роки Маунтайн».

Голос, ответивший по этому телефону, явно принадлежал человеку, вымотанному до преде-

ла. Хэллоранн, назвавшись чужой фамилией, сообщил, что, по его сведениям, в отеле «Оверлук», это к западу от Сайдвиндера, дела идут неладно. Очень неладно.

Его попросили подождать у телефона. Минут через пять в трубке снова прозвучал голос лесничего (Хэллоранн решил, что это именно лесничий):

— У них есть рация.

— Само собой, — согласился Хэллоранн.

— Сигнала бедствия мы от них не получали.

— *Не важно!* Они...

— Будьте любезны объяснить, что же там случилось, мистер Холл.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил Дик, устало зажмурив глаза.

— Том Стонтон, сэр.

— Послушай, Том, я *знаю*, что говорю. Я буду с тобой откровенен до предела. Дело дрянь. Там, в горах, может случиться смертоубийство. Ты врубашешься?

— Мистер Холл, мне необходимо знать, откуда вам...

— Слушай, — оборвал его Хэллоранн. — Я же говорю, что *знаю*. Несколько лет тому назад там был один тип по фамилии Грейди. Так вот он убил свою жену и двух дочек, а потом наложил руки и на себя. Я тебе говорю: теперь может случиться то же самое. Так что не отсиживайте себе задницы в тепле, а скорее туда и помешайте злу!

— Мистер Холл, вы звоните даже не из Колорадо...

— Нет, не из Колорадо. Да вам-то какая разница?

— Вы находитесь не в Колорадо, вне досягаемости для рации отеля «Оверлук». А если так — то как вы могли связаться с э-э... — в трубке раздался шелест перелистываемой бумаги, — ...семьей Торренс. Покуда вы ждали у телефона, я попытался связаться с отелем. Связи нет. И не удивительно: телефонный кабель на участке в сорок километров между отелем и Сайдвиндером протянут по земле... Мне сдается, вы просто любитель побаловаться ложными вызовами.

— Ах, тупой ты... — отчаяние Хэллоранна было столь велико, что он никак не мог подыскать подходящего существительного; но вдруг, в озарении, он воскликнул. — Вызови их!

— Простите, сэр?..

— У вас есть рация, у них тоже. Так вызови их! Вызови и спроси, что там у них стряслось!

На том конце воцарилось молчание, нарушаемое лишь жужжанием междугородной телефонной линии.

— Вы пытались это сделать? — вновь заговорил Хэллоранн, не дождавшись ответа. — Потому мне и пришлось так долго ждать у телефона, да? Вы пробовали связаться с ними по телефону, потом по рации, *ничего* не добились — и решили, что все в порядке?! Чем вы там вообще занимаетесь? Сидите потягиваете себе джин с ромом?

— Нет, не потягиваем! — возмутился тот, и Хэллоранн облегченно вздохнул, впервые за весь разговор почувствовав, что беседует с живым человеком, а не автоответчиком. — Я тут один. Все остальные — объездчики, смотрители — и добровольцы в придачу отправились наверх, на Крутой перевал, и рискуют там своими

жизнями из-за того, что три недоноска, за плечами у которых почти никакого опыта, вздумали подняться по северному склону Королевского барана и застряли там на полпути. Неизвестно теперь, удастся их спустить или нет. Кроме всего, там еще два вертолета, которые тоже, того и гляди, разобьются, потому что ночь и метет снег. Так что если картина для вас еще не вполне ясна — я вам помогу. Итак, во-первых, мне некого послать в «Оверлук». Во-вторых, главное для нас сейчас не «Оверлук», а то, что происходит на перевале. В-третьих, к рассвету ни один из этих вертолетов не сможет больше летать, потому что, по словам синоптиков, за снегопадом не будет видно ни зги. Ситуация ясна?

— Да, — смягчился Хэллоранн. — Ясна.

— Теперь что касается их молчания по радиации. Мое предположение таково: не знаю, как там у вас, а здесь у нас полдесятого ночи. Скорее всего они выключили связь и отправились спать. Если же вы...

— Успеха вашей спасательной экспедиции, приятель, — не стал дожидаться продолжения Хэллоранн. — Но знайте, что эти горе-альпинисты нынче не единственные в ваших горах, кто угодил, сам того не ведая, в переплет.

Дик повесил трубку.

* * *

В 7.20 наконец «Боинг-747» компании «TWA» неуклюже тронулся с места и вырулил на взлетную полосу. Хэллоранн вздохнул с глубоким облегчением. Карлтон Веккер, где бы он ни был, может теперь кусать себе локти.

В 7.28 самолет оторвался от земли, а три минуты спустя, когда он уже набрал высоту, в мозгу Дика вновь нажали на гашетку. Сгорбившись под давящим грузом апельсинового запаха, он задергался в судорогах и сморщился от боли. *(!!!ДИК ПОЖАЛУЙСТА НА ПОМОЩЬ СКОРЕЙ МЫ ПОПАЛИ В БЕДУ ДИК ТЫ НАМ ОЧЕНЬ НУЖЕН...)*

И все. Внезапно все оборвалось — без всякого постепенного затухания, как было в прошлый раз. Словно линию связи перерезали ножом. Он испугался. Руки его, все еще сжимавшие подлокотники кресла, побелели от напряжения. Во рту пересохло. С парнишкой что-то случилось, он в этом ни секунды не сомневался. Если только кто-нибудь поднял руку на этого малыша...

— Вы всегда так болезненно реагируете на взлеты?

Дик оглянулся по сторонам. Оказалось, вопрос задала все та же узколицая соседка в роговых очках.

— Видите ли, — соврал Хэллоранн, — у меня в голове сидит осколок. Еще с корейской войны. И то и дело мне докучает. Шевелится, знаете ли. Дает о себе знать.

— Неужели правда?

— Да, мадам.

— Да, за любую интервенцию на чужбине расплачиваются в конечном счете рядовые вояки, — угрюмо произнесла соседка.

— Вы так считаете?

— Так оно и есть. Эта страна должна навсегда заречься впредь вести подобные грязные войны. И за всеми грязными войнами, которые Америка вела в нынешнем веке, стоит ЦРУ.

ЦРУ и долларовая дипломатия. — Она снова раскрыла свою книгу и принялась читать.

Надпись «НЕ КУРИТЬ» на табло погасла. Глядя на быстро удаляющуюся землю, Хэллоранн гадал, как там парнишка. Он успел полюбить его за время их общения — чего, на его взгляд, нельзя было сказать о его родителях. Он молил Бога, чтобы они хорошенько присматривали за сыном.

ВЫПИВКА В БАРЕ

Джек стоял в столовой, перед двустворчатой дверью, ведущей в Колорадо-холл, настороженно прислушиваясь. На губах его играла слабая улыбка.

Отель «Оверлук» оживал. Он не знал, откуда ему это известно, однако полагал, что это нечто сродни озарениям, посещавшим время от времени Дэнни. Яблоко от яблони... Именно так, кажется, принято говорить в таком случае?

То было не зрительное и не слуховое восприятие, но нечто очень близкое к тому и другому, отделенное от двух этих чувств лишь тончайшей пленкой. Словно бы за этим зримым и осязаемым «Оверлуком» находился другой, отделенный от реального мира (если только этот «реальный мир» вообще существует, подумал Джек), но постепенно уравнивающий себя с ним. Ему пришли на память стереофильмы, которые он смотрел в детстве. Невооруженный глаз видел на экране двоящееся изображение. Стоило, однако, надеть специальные очки — и все обрело четкость и особую объемность.

Все времена, которые помнил этот отель, слились воедино. Все, кроме нынешнего — его, Торренса, эры. Но и она уже очень скоро совместится с остальными. И это хорошо. Просто замечательно.

Его слух почти наяву различал самоценное звяканье серебряного колокольчика на регистрационной стойке, призывающего носильщиков

обслужить вновь прибывших джентльменов в модных фланелевых костюмах 20-х годов и покидающих отель господ в полосатых костюмах с накладными плечами, какие носили в 40-е годы. Три монахини сидели у камина, в ожидании, пока толпа отъезжающих у стойки рассосется, а за их спинами одетые с иголки Чарлз Грондин и Вито Джинелли, в бело-голубых галстуках с алмазными булавками, спорили о прибылях и убытках, о жизни и смерти. На заднем дворе ожидали грузовые тележки, поставленные порою в несколько слоев, одна на другую. В бальном зале, расположенном в восточном крыле отеля, велось сразу несколько деловых переговоров, отделенных друг от друга во времени ничтожными сдвигами, и одновременно протекали бал-маскарад, вечеринки, свадьбы, дни рождения и юбилеи. Мужчины беседовали о Чемберлене и эрцгерцоге австрийском. Музыка. Смех. Пьянство. Истерики. Любовь — не в открытую, но некий постоянный, подспудный ток чувственности. Он почти наяву слышал всех их, все эти звуки вместе, плывущие по отелю и образующие стройную какофонию. В столовой, где он стоял, за его спиной подавали одновременно обеды, завтраки и ужины за семьдесят лет. Он почти... Нет, к черту *почти!* Он *слышал* их, пусть приглушенно, но отчетливо — как слышишь в жаркий летний день раскаты грома, раздающиеся где-то за много километров от того места, где ты находишься. Он слышал всех их, чудных незнакомцев. Он научился ощущать их присутствие, как они с самого начала видели и слышали его.

Нынче утром все помещения «Оверлука» были полны людей. Отель был заполнен до отказа.

За створчатыми дверьми бара слышалось журчание разговора, вившееся, как ленивый сигаретный дым. Изысканные, волнующие звуки. Низкий, грудной смех женщин, от которого сладко ноют внутренности и гениталии. Стрекотание кассы, в светящемся среди полумрака окошечке которой выскакивают цены напитков: джин с тоником, «манхэттен», терновая настойка с шипучкой, «зомби»... Музыкальный автомат, из которого льются, накладываясь друг на друга во времени, мелодии, улаждающие слух гуляк.

Он толкнул створки дверей, вошел в бар и негромко поздоровался:

— Привет всем. Я вернулся — и вот снова с вами.

— Добрый вечер, мистер Торренс, — с неподдельным радушием откликнулся Ллойд. — Рад вас видеть.

— А я — снова быть среди вас, Ллойд, — серьезно произнес Джек, закидывая ногу на высокий табурет у стойки, между мужчиной в ярко-синем костюме и дамой в черном платье, затуманенный взор которой устремлен был в ее бокал с сингапурским коктейлем из джина и муската.

— Что будете пить, мистер Торренс?

— Мартини, — с удовольствием выговорил он, оглядывая ряды сияющих бутылок с серебряными насадками для розлива, выстроившиеся за стойкой: «Джим Бим», «Уайлд терки», «Джилбиз», «Шарродз прайвит лейбл», «Торо», «Сигрэмз»... *(Снова дома)* — Один большой мартини,

пожалуйста. Где-нибудь в конце концов да приземлились, Ллойд...

Он извлек бумажник и аккуратно положил на стойку двадцатку. Покуда Ллойд наливал ему заказанное, Джек через плечо разглядывал публику. Все места заняты. Некоторые посетители были в маскарадных костюмах: женщина в просвечивающих восточных шароварах и лифчике, усыпанном фальшивыми бриллиантами; мужчина, над вечерним фраком которого возвышалась морда; другой мужчина, в серебряном собачьем одеянии, щекотал, к всеобщему веселью, кисточкой бутафорского хвоста нос женщине в саронге...

— Для вас бесплатно, мистер Торренс, — произнес у него над ухом Ллойд, ставя бокал на положенную Джеком двадцатку. — Ваши деньги здесь все равно не годятся. Управляющий распорядился...

— Управляющий? — Им овладела некоторая неловкость, однако он таки взял в руку бокал и повертел его, наблюдая, как в прохладной жидкости образуется воронка, со дна которой, где крутилась одинокая оливка, поднимались пузырьки.

— Разумеется, управляющий. — Ллойд улыбнулся еще шире, но глаза его по-прежнему оставались в тени, а кожа отливала бескровной трупной белизной. — Кроме того, он думает лично позаботиться о будущем вашего сына. Он очень в этом заинтересован. Дэнни талантливый мальчик.

Можжевеловые испарения джина приятно кружили голову, затуманивая рассудок. Дэнни?..

Что там было сказано про Дэнни? И что он делает в баре, да еще с бокалом в руке?

Ведь он ДАЛ КЛЯТВУ! ЗАВЯЗАЛ! ЗАРЕКСЯ!

Чего им нужно от его сына? Что они хотят получить от Дэнни? Уэнди и Дэнни тут ни при чем. Джек попытался поймать взгляд Ллойда, но глаза того скрывала непроглядная тень. Это было все равно что пытаться прочесть какие-нибудь чувства в пустых глазницах мертвого черепа.

(Им нужен я... разве не так? Только я. Не Дэнни, не Уэнди... Только мне тут нравится — а они оба хотят уехать отсюда. Это я позаботился о снегоходе... рылся в старых записях... выпустил пары из котла... врал... фактически продал свою душу... Чего же они хотят от моего сына?)

— Где мне найти управляющего? — Он постарался, чтобы это прозвучало раскованно, однако губы его под действием алкоголя двигались с трудом, как в кошмаре.

Ллойд лишь улыбнулся в ответ.

— Что вам нужно от моего сына? Дэнни ведь здесь ни при чем! ...Или как раз?.. — В голосе его прозвучала явная даже для самого Джека мольба.

Лицо Ллойда, казалось, начало двоиться, меняться, обретая какие-то зловещие черты. Белая кожа пожелтела, как при гепатите, и начала трескаться. На ней проступили алые язвы, из которых хлынула зловонная жидкость. На лбу Ллойда, подобно поту, выступили капли крови... Где-то часы серебристо отбивали четверть...

(маски долой! маски долой!)

— Пейте свой мартини, мистер Торренс, — мягко успокоил его Ллойд. — Вас это не касается. Пока.

Джек вновь взял бокал, поднес его к губам, но не пригубил... В голове его прозвучал хруст сломанной руки сына. Он увидел, как детский велосипед, перевернувшись в воздухе, врезается в ветровое стекло машины Эла... Затем одинокое колесо посреди дороги и гнутый руль, воздевший свои рога к небу.

И тут до него дошло, что шум разговоров вокруг умолк. Джек оглянулся — и увидел, что все молча, выжидающе смотрят на него. Мужчина, сидящий рядом с дамой в саронге, снял свою лисью маску, открыв красивое лицо с упавшими на лоб прядями светлых волос, и Джек узнал в нем Горация Дервента. Все присутствующие продолжали смотреть на Джека. Сидящая рядом дама пялилась на него в упор, пытаясь сфокусировать взгляд. Открытое платье соскользнуло с одного ее плеча, и Джек, опустив глаза, увидел обнажившуюся грудь. Глянув вновь на ее лицо, он подумал, что это, кажется, та самая женщина из 217-го номера, которая пыталась задушить Дэнни. Сидящий с другой стороны от него мужчина в ярко-синем костюме вынул из кармана миниатюрный револьвер 32-го калибра с перламутровой рукояткой, положил его на стойку и принялся крутить барабан, точно надумав сыграть в русскую рулетку.

(Я хочу...)

Он осознал, что связки, словно сжатые холодными пальцами, не повинуются ему, и попы-

тался заговорить вновь. На сей раз ему это удалось:

— Я хочу увидаться с управляющим. Я... Мне кажется, он не вполне понимает... Мой сын к этому не причастен. Он...

— Мистер Торренс,— с мерзкой обходительностью в голосе, звучавшем из-под чумных струпов, в которые превратилось его лицо, произнес Ллойд.— Когда придет время, вам будет предоставлена аудиенция. Скажу больше: управляющий решил назначить вас своим поверенным в этом деле. А пока — пейте свой мартини.

— Пейте свой мартини,— эхом откликнулись все остальные.

Он поднял дрожащей рукой бокал. Вместо мартини там оказался неразбавленный джин. Джек заглянул внутрь бокала — и взгляд этот был взглядом утопающего.

Сидящая рядом женщина запела невыразительным, мертвым голосом:

— Пей... до... дна... и пойдет... веселье... тогда...

Ллойд подхватил песню. За ним мужчина в синем костюме. К ним присоединился, отбивая такт лапой по столу, человек в костюме собаки:

— *Пей, не жалея...*

Голос Дервента влился в общий хор. С сигаретой в углу рта, обняв за плечи женщину в саронге и машинально похлопывая ее по правой груди, он с презрительным любопытством наблюдал за человеком-собакой и пел:

— *...Вся компания в сборе. Пей!*

Джек поднес стакан к губам и опрокинул его в себя в три глотка. Джин проревел вниз по пи-

щеводу, словно тяжелый грузовик сквозь тоннель, взорвавшись где-то в желудке. Взрыв этот отдался у него в мозгу, оглушив и вызвав приступ конвульсивных содроганий.

Когда это прошло, Джек почувствовал себя великолепно.

— Повторите, пожалуйста,— распорядился он, подтолкнув пустой бокал в сторону Ллойда.

— Слушаюсь, сэр,— отозвался Ллойд, принимая бокал.

Бармен снова выглядел как обычно. Смуглокожий сосед Джека в синем костюме успел убрать свой револьвер обратно в карман. Соседка справа, как и прежде, сидела, уткнувшись взглядом в свой бокал с сингапурским коктейлем. Обнаженная грудь ее упиралась в кожаную обивку стойки, изо рта неслись бессмысленные монотонные звуки. Вокруг, возобновившись, вновь вился многоголосый разговор.

На стойке перед Джеком оказался вновь наполненный бокал.

— *Muchas gracias*¹, Ллойд,— произнес он, беря бокал в руку.

— Всегда рад услужить вам, мистер Торренс,— улыбнулся в ответ тот.

— Вы всегда были самым лучшим из них, Ллойд.

— Ну что вы, сэр! Благодарю.

Теперь он пил медленно, потягивая, в свое удовольствие, смакуя вкус медленно струящегося напитка. Однако бокал быстро опустел, и Джек заказал еще порцию... Господин прези-

¹ Большое спасибо (*исп.*).

дент, я встретился с марсианами и рад сообщить, что они оказались настроены весьма дружелюбно... Покуда Ллойд вновь наполнял его бокал, Джек принялся обшаривать карманы в поисках мелочи, которую можно было бы опустить в музыкальный автомат. Перед его мысленным взором опять встал Дэнни — но на сей раз черты сына были приятно размытыми и нечеткими. Как-то раз он ударил Дэнни по лицу — но это случилось еще в те времена, когда он еще не умел контролировать себя. Теперь это ему не грозит. Больше он никогда не ударит сына.

Ни за что на свете.

БЕСЕДЫ НА БАЛУ

Он танцевал с прекрасной женщиной.

Он понятия не имел, сколько сейчас времени, как долго он пробыл в Колорадо-холле и когда начался бал. Время перестало существовать для него.

Он смутно помнил: человека, который был когда-то популярным комиком на радио, и звезду варьете, рассказывающую очень длинный и очень смешной анекдот о случае кровосмешения между сиамскими близнецами; женщину в шароварах а-ля гарем и звенящих браслетах, раздевавшуюся под оглушительные звуки музыкального автомата (ему казалось, что это была музыка Давида Роуза из «Стриптиза»); себя в компании с двумя мужчинами в вечерних костюмах, по стилю — приблизительно двадцатых годов, причем все трое распевали песенку о заплате на бриджах Розы О'Грейди. Он помнил видные в просвет дверей залы гирлянды грациозных японских фонариков, развешанные по анфиладе бесконечных комнат, — светящиеся мягкими пастельными огнями, они сверкали, как потемневшие от времени бриллианты. Большой стеклянный шар под потолком начал вращаться, влетающие ночные насекомые бились о него и падали. Внутренний голос Джека, может быть, последняя вспышка сознания, пытался напомнить, что сейчас уже 6 часов утра, декабрь. Но время пропало, остановилось.

(...Доводы против безумия опадают и ложатся с тихим шорохом, как листва, слой за слоем...)

Чье это? Какого-то поэта, которого он читал в студенческие годы? Поэта-недоучки, торгующего ныне стиральными порошками где-нибудь в Уозо или служащего страховым агентом в Индианополисе? Или, может, его собственное? Неважно.

*(Ночь темна Звезды в вышине Зарезанного пирога
Душа летит к луне...)*

Он беспомощно хихикнул.

— Над чем смеешься, милый?

Он снова оказался в бальном зале. Светили канделябры, кружились пары — некоторые в костюмах, некоторые без них — под звуки какого-то послевоенного оркестра. Но после... какой войны? Как знать?

Он не знал. Ясно было одно: он танцевал с прекрасной женщиной.

Высокая, с каштановыми волосами, одетая в белый скрипучий атлас, она танцевала, прижавшись к нему, и он помнил сладкое чувство: ее груди, упирающиеся в его грудь. Ее белая рука в его руке. Она была в маленькой кошачьей маске, волосы зачесаны на сторону, и их сверкающий водопад стекал в долину между лопаток. Белое платье незнакомки было длинным, но, ощущая время от времени в танце касание ее бедер, он все острее предвкушал гладкокожую наготу, скрытую под этим платьем. *(Как приятно, должно быть, милочка, ощущать тебя нагишом.)*

Он ничего не мог поделать со своей эрекцией. Если это и оскорбляло ее, она умело скрывала свое недоумение, прижимаясь к нему еще ближе.

— Ни над чем не смеюсь, детка, — сказал он и снова хихикнул.

— Ты мне нравишься,— прошептала она, и он подумал, что своим ароматом она более всего напоминает лилию, растущую среди камней, покрытых зеленым мхом,— в местах, где мало света и много тени.

— Ты мне тоже нравишься.

— Мы могли бы подняться наверх, если желаешь. Здесь все считают, что я с Гэрри, но он даже не заметит — он занят тем, что дразнит бедняжку Роджера.

Танец окончился, все взорвались аплодисментами, а затем оркестр без перерыва заиграл «Этюд в тоне индиго».

Джек посмотрел через обнаженное плечо своей партнерши и увидел Дервента, стоящего возле закусочного столика. С ним была девушка в саронге. Шампанское в ведерках со льдом выстроилось рядами на белой скатерти стола, и Дервент уже держал в руке дымящуюся бутылку. Вокруг них стояли смеющиеся люди. Роджер смешно прыгал, а его «хвост» дрожал. Он лаял.

— Голос, мальчик, голос! — кричал Гэрри Дервент.

— Р-рав! Р-рав! — отвечал Роджер. Все захлопали; слышался свист.

— А теперь сидеть, сидеть, собачка!

Роджер сел. Его маска застыла в вечном оскале. В отверстиях для глаз виден был странный блеск. Он вытянул руки, как бы перебирая лапами в воздухе:

— Р-рав! Р-рав!

Дервент перевернул бутылку шампанского, и оно полилось пенящейся Ниагарой в пасть маски. Роджер издавал комичные звуки. Все снова

заплодировали. Некоторые женщины зашлись в смехе.

— Какой Гэрри весельчак, правда? — спросила Джека его партнерша, опять прижимаясь к нему. — Все так считают. Вы, наверное, знаете, он бисексуал. А бедняжка Роджер — только гомик. Они как-то встретились на Кубе... Несколько *месяцев* назад. И теперь Роджер таскается везде за Гэрри, повиливая хвостиком.

Она хихикнула, наполнив все вокруг нежным ароматом, и продолжала:

— Но возвращаться к прежним партнерам — не в правилах Гэрри. Ни с мужчинами, ни с женщинами. Роджер от этого *в отчаянии*. Гэрри намекнул ему, что если тот явится на бал в костюме преданной собачки, он, может, и вернется к нему. А Роджер *такой* доверчивый, что...

Музыка окончилась. Раздались аплодисменты. Музыканты разошлись на перерыв.

— Прости, милый, — проворковала она. — Я вижу человека, с которым я *должна*... Дарла! Дарла, моя *милая*, где же ты *была*?

Она растворилась в жующей, пьющей толпе, а он тупо глядел вослед, не понимая, как это они с нею только что танцевали. Он не помнил ничего. Отдельные события этого вечера, казалось, были не связаны между собой. Он находился то там, то здесь, то везде. В сознании его все плыло. Он вдыхал запахи лилий и можжевельных ягод.

Возле столика для закусок Гэрри держал над головой треугольный сэндвич и уговаривал Роджера на сей раз сделать сальто, к веселью собравшейся толпы. Собачья маска Роджера была сдвинута, посеребренные бока тяжело раздувались. Внезапно Роджер прыгнул, пригнув голо-

ву, и попытался перекувырнуться в воздухе. Но прыжок вышел чересчур низким и усталым — он приземлился на спину, здорово ударившись головой об пол. Болезненный стон донесся из-под маски.

Дервент захлопал в ладоши:

— Еще раз, собачка! Вторая попытка!

Зрители подхватили: «Еще раз, еще раз!» Джек отвернулся, чувствуя себя крайне скверно, — и едва не угодил под тележку с напитками, которую катил громила с насупленными бровями в белом пиджаке. Нога Джека задела нижнюю хромированную полочку тележки, и расставленные на ней бутылки мелодично зазвенели.

— Простите, — тупо проговорил Джек. Он почувствовал приступ клаустрофобии: ему хотелось уйти отсюда, хотелось, чтобы все эти непрошенные гости исчезли. Он желал, чтобы «Оверлук» снова принял свой прежний вид. Его собственное место было не из почетных — он был всего лишь один из десяти тысяч участников, смеющихся и веселящихся, — всего лишь собачка, кувыркающаяся через голову и садящаяся по команде.

— Не беспокойтесь, — вежливо ответил человек в белом пиджаке. И столь любезное обращение со стороны такого рыла показалось сюрреалистичным.

— Желаете что-нибудь выпить?

— Мартини.

Сзади послышался новый взрыв хохота: Роджер выл, выводя мелодию «Дом как дом». Кто-то подбирал аккомпанемент на «Стейнвее».

— Пожалуйста, — громила подал ему запотевший холодный бокал.

Джек с благодарностью выпил, чувствуя, как алкоголь забирает у него первые ростки трезвости.

— Как вам понравилось?

— Чудесно.

— Благодарю, сэр,— тележка поехала дальше.

Неожиданно Джек тронул человека в белом за плечо.

— Да, сэр?

— Простите... как вас зовут?

Тот не выразил удивления:

— Грейди, сэр. Делберт Грейди.

— Скажите, вы... Я имею в виду...

Разносчик вежливо глядел на него. Джек попытался заговорить снова, хотя слова казались ледяными глыбами; язык был связан алкоголем и нереальностью происходящего.

— ...Разве вы не были зрителем в отеле? Когда... когда...— он никак не мог договорить, не мог сказать самого главного.

— Нет, что вы, сэр.

— Но ваша жена... и дочери...

— Моя жена помогает на кухне, сэр. Девочки уже спят. Слишком поздно для малышей.

— Да, вы были зрителем. Вы... (*О, выговорил это!*)... Вы убили их!

Лицо Грейди осталось невозмутимым:

— Я ничего такого не припоминаю, сэр.

Стакан Джека был пуст. Грейди спокойно взял его из рук Джека и занялся приготовлением еще одного martinis. На тележке стояло небольшое блюдечко с оливками. Без всякой на то причины оливки напомнили вдруг Джеку маленькие детские головы. Грейди ловко подце-

пил одну вилкой, опустил в бокал и подал Джеку.

— Но вы...

— *Это вы* — смотритель, сэр, — мягко проговорил Грейди. — И *всегда* им были. Вы должны бы это знать, сэр. Я же всегда прислуживал на приемах. Нас с вами нанимали одновременно. Вам понравился мартини?

Джек проглотил напиток. Голова шла кругом.

— Мистер Ульман...

— Я не знаю такого господина, сэр.

— Но он...

— Управляющий здесь — *сам отель*, сэр. Вы наверняка догадались, кто вас нанимал, сэр, — сказал Грейди.

— Нет, — тупо проронил Джек. — Нет, я...

— Я полагаю, вам следовало бы заняться своим сыном, мистер Торренс. Он уже все понимает, хотя и не так талантлив, как вы. Он чрезвычайно непочтителен, если мне будет позволено заметить, сэр. Он перечит вам на каждом шагу, разве не так? А ведь ему нет еще и шести.

— Да, — сказал Джек. — Перечит.

Новый взрыв смеха раздался за спиной.

— Если вы не возражаете, я бы посоветовал вам срочно заняться его исправлением. С ним нужно строго поговорить, а может быть, и принять меры покруче. Мои дочери, сэр, тоже не ценили свое место в «Оверлуке». Одна даже украла мои спички и пыталась поджечь отель. Но я занялся их исправлением. Я наказал их чрезвычайно строго. А когда жена пыталась помешать мне исполнить свой долг, я поправил и ее, — он улыбнулся вежливой, ничего не значащей улыбкой. — Я выявил тот грустный, но бес-

спорный факт, что женщины не осознают огромной ответственности отцов за своих детей. Мужья и отцы всецело ответственны за них, не правда ли, сэр?

— Да, — ответил Джек.

— Они не любили «Оверлук» так, как я, — сказал Грейди и принялся за приготовление еще одной порции; со дна перевернутой бутылки поднимались серебряные пузырьки. — Так же, как ваши жена и сын не любят его... В настоящее время по крайней мере. Вы должны указать им на их ошибку, мистер Торренс. Вы согласны со мной?

— Да, совершенно.

Теперь ему было ясно, что он был слишком мягок с ними. Мужья и отцы несут всю полноту ответственности. *Отец знает лучше.* А они ничего не понимают. Само по себе это не преступление, но они *намеренно* не желают понимать. Он не грубый человек. Но он уверен в пользе наказания. А если сын и жена намеренно игнорируют его планы, *противятся тому, что есть для них благо*, то разве его долг не в том, чтобы?..

— Неблагодарное дитя — хуже укуса змеи, — проговорил Грейди, вручая ему бокал. — Я верю, что управляющий наставит вашего сына на истинный путь. А жена исправится заодно с ним. Вы согласны, сэр?

Его внезапно одолели сомнения:

— Я... но... если бы они просто уехали... я имею в виду, ведь именно меня хочет взять к себе управляющий? Ведь так, потому что...

Потому что *что?* Надо бы знать, но он не знал. Его бедные мозги не могли переварить этого.

— Дрянная собака! — вдруг громко проговорил Дервент, перекрывая взрыв смеха. — Негодная собака, гадит на пол.

— Вы, конечно, знаете, — доверительно продолжал Грейди, наклонившись к нему через тележку, — ваш сын подвержен чуждому влиянию. У вашего сына великий талант, который управляющий мог бы использовать на благо отеля «Оверлук», для дальнейшего улучшения... обогащения «Оверлука». Но сын ваш направил свой талант против нашего общего дела. Он злонамерен, мистер Торренс. Злонамерен.

— Чуждому влиянию? — глупо уставясь на него, переспросил Джек.

Грейди кивнул.

— Чьему же?

— Негра, — сказал Грейди. — Повара-негритоса.

— Хэллоранна?

— Кажется, так его зовут, сэр.

Следующий взрыв смеха позади — и упрашивающий, протестующий голос Роджера.

— Да! Да! Да! — скандировал Дервент. Публика подхватила; но услышать, чего от Роджера на сей раз требовали, Джеку помешал оркестр, заигравший «Перекресток в Таксидо», мелодию, богатую музыкальными переливами, но лишенную души.

(Душа? Но ведь существование ее еще не доказано. Или уже?) (Негр... повар-негритос.)

Джек открыл рот, не зная еще, что сказать. Сказал он следующее:

— Я слышал, будто вы не имеете высшего образования. Но говорите вы, как человек образованный.

— Это правда, что мне не удалось получить систематического образования. Но управляющий заботится о своих подчиненных. Он считает, что все издержки окупятся. Ведь образование всегда окупает себя, не так ли, сэр?

— Да, — сразу нашелся Джек.

— К примеру, вы жаждете узнать как можно больше об «Оверлуке». Очень мудро с вашей стороны, сэр. И очень благородно. Специально для вас в подвале оставлена папка с кое-какими вырезками.

— Кем? — живо перебил Джек.

— Конечно, управляющим. Вам могли бы предоставить многие другие материалы, если бы вы пожелали...

— Я желаю. Я очень желаю, — вопреки его старанию ответ прозвучал чересчур поспешно.

— Вы примерный ученик. Исследуете предмет до самых глубин. Не жалея сил.

Грейди наклонил свою бровастую голову, оттянул обшлаг рукава белоснежного пиджака и отчистил какое-то невидимое пятно, после чего продолжал:

— Управляющий никогда не ограничивает своих подчиненных в возможностях для роста. Возьмите, к примеру, меня, не окончившего даже десятого класса школы. И подумайте, как высоко могли бы в таком случае подняться вы сами в административной структуре «Оверлука». Возможно даже... со временем... дойти до вершины.

— Неужели? — прошептал Джек.

— Но это зависит и от вашего сына, вы понимаете? — спросил Грейди, поднимая брови. Деликатность этого замечания контрастировала с видом страшноватых бровей.

— Зависит от Дэнни? — нахмурился Джек. — За кого вы меня принимаете? Я не позволю сыну вмешиваться в мою карьеру.

— Достойный человек, — тепло отметил Грейди. — Вероятно, я выразился слишком категорично. Лучше было бы сказать, что ваша карьера будет зависеть от того, насколько успешно вы справитесь со своеволием сына.

— Я сам приму решение, — прошептал Джек.

— Но вам придется отстаивать свою позицию.

— Я буду отстаивать.

— Твердо.

— Я буду тверд.

— Человек, не имеющий власти в собственной семье, не интересуется управляющего. Мужчине, который позволяет диктовать свою волю жене и сыну, нельзя доверить ответственный пост. Он...

— Я же сказал, я возьму их в ежовые рукавицы! — крикнул Джек в бешенстве.

«Перекресток в Таксидо» закончился, наступил перерыв. Одиноким крик Джека заставил публику замолчать и оглянуться. Джек поймал на себе удивленные взгляды; его бросило в жар. Всем уже надоел Роджер, сейчас они займутся им, Джеком. Сальто. Сидеть. Замри. Если ты играешь с нами, мы играем с тобой. Игра в ответственность. Они хотят, чтобы он пожертвовал сыном.

(...Теперь он таскается везде за Герри, виляя хвостиком...)

(Сальто. Замри. Исправь своего сына.)

— Взгляните сюда, сэр, — говорил тем временем Грейди. — Вас тут кое-что интересует.

Разговоры между тем вернулись в свое русло, шум голосов то возрастал, то утихал, наплывала музыка — теперь играли обработку песни Маккартни и Леннона «Проездной билет».

(В супермаркете она звучала лучше.)

Джек глупо хихикнул. Посмотрел на свою левую руку: в ней был недопитый бокал. Он опорожнил его одним махом.

Теперь он стоял перед горящим камином, который согревал ему ноги.

(Горящий камин?.. В августе? ...да ...нет ...теперь все времена слились воедино.)

На камине стояли часы, заключенные в стеклянную полусферу, с двумя резными слонами из кости по бокам. Стрелки показывали без минуты двенадцать. Он глядел на них, как в столбняке. Что хотел показать ему Грейди? Он обернулся, чтобы спросить, но Грейди исчез.

Оборвав пьесу, оркестр грянул концовку.

— Час пришел! — провозгласил Гораций Дервент. — Полночь. Маски долой! Маски долой!

Он хотел было обернуться и взглянуть, какие знаменитости скрывались под мишурой и красками масок, но стоял, приросший к полу, неспособный сдвинуться с места. А стрелки часов показывали полночь.

— Маски долой! Долой! — подхватили голоса.

Часы начали мягко бить. На вращающемся круге под циферблатом показались две фигурки — слева и справа. Джек, как замороженный, следил за ними, забыв, что хотел обернуться назад. Часовой механизм работал четко. Зубчатые колесики поворачивались, тепло сверкая медью. Маятник мерно ходил взад-вперед.

Одна из фигурок на часах изображала стоящего на цыпочках человека, у которого в руке было нечто вроде крошечной булавы. Другая — маленького мальчика в шутовском колпаке. Фигурки были мастерски выточены, а на колпаке мальчика было выгравировано слово «ДУРАК».

Фигурки, описав полукруг, встретились перед циферблатом. Под звуки штраусовского вальса, в такт ему, в голове Джека крутилась дурацкая рекламная фраза: *«Купи это псу, в-ваф-ваф, купи это псу, в-ваф-ваф»...*

Стальная дубинка в руках большой фигурки опустилась на голову мальчика. Мальчик покачнулся. Дубинка поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Мальчик присел, протестуя поднимая руки. Потом согнулся. А дубинка все поднималась и опускалась под легкие звуки штраусовской мелодии, и Джеку казалось, что он видит даже, как открывается и закрывается рот папашы, распекающего своего уже поверженного без чувств сына.

Красная капля брызнула из-под дубинки на стекло часов.

Другая. Еще...

Теперь красная жидкость лилась, как из душа, ударяясь о стекло, стекая по нему струями, скрывая от глаз то, что происходило внутри, а через пурпур проглядывало месиво из кожи, костей, мозга. Булава все поднималась и опускалась. Часы отсчитывали время, вертелись, сцепляясь и разъединяясь, зубчатые колесики хитроумной машины.

— Маски долой! Маски долой! — вскрикивал за его спиной Дервент, и где-то подвывала с человеческими интонациями собака.

(Но ведь это не кровь, это не может быть кровь.)

Весь стеклянный купол часов заполнился кровью. Джек видел клочья спутанных волос, плавающие в крови, но больше, слава Богу, ничего. И все же тошнота подступала к горлу, потому что все еще слышны были звуки падающей на голову дубинки — они доносились сквозь стекло столь же отчетливо, как и музыкальные фразы «Голубого Дуная». Но звуки булавы были теперь не просто механическими ударами по металлической голове, а приглушенными, как при погружении в мягкую, чавкающую ткань. Ту ткань, что некогда была...

— МАСКИ ДОЛОЙ!

(...Красная Смерть там правит бал!)

С ужасным криком он отвернулся от часов, простирая вперед руки, запинаясь тяжелыми, непослушными ногами, умоляя прекратить этот кошмар, взять у него Дэнни, Уэнди, целый мир, но оставить ему хоть малую толику разума и света.

Бальный зал был пуст.

Стулья с тонкими ножками были перевернуты и покоились на столах, покрытых брызгами расплавленного воска. Красный с золотом ковер вновь покрывал полированный паркетный пол. Место оркестра пустовало, лишь штатив от микрофона да гитара без струн, прислоненная к стене, напоминали о днях иных. Холодный утренний свет, зимний свет, вяло пробивался сквозь высокие окна залы.

В голове звенело, состояние было как после страшной пьянки, но, едва повернувшись лицом к камину, он протрезвел. Там, на каминной полке, стояли костяные слоны... и часы.

Он нетвердыми шагами пересек темный холодный холл, затем столовую. Там он зацепился ногой за ножку стула и растянулся во весь рост, с грохотом опрокинув стол и сильно ударившись носом. Нос закровоточил. Джек, хлюпнув, втянул кровь и вытер нос тыльной стороной руки. Он прошел в Колорадо-холл, распахнув дверцы бара, после чего они еще долго клацали о стены.

Бар был безлюден, но полон спиртного. Слава Богу! В темноте маняще сверкали бокалы и серебряные этикетки бутылок.

Когда-то он был недоволен, что в баре не оказалось зеркала. Теперь он был рад этому: кровавый нос, незаправленная рубашка, всклокоченные волосы, густая щетина — клиент вытрезвителя — вот что он увидел бы, взглянув в зеркало.

(Вот уж влип, так влип!)

Одиночество — внезапное и невыносимое — охватило его. В приступе отчаяния Джек заплакал и честно возжелал смерти. Жена с сыном были наверху, а дверь на замке. Все покинули его. Никого. Кончен бал.

Джек наклонился вперед, облокотясь о стойку.

— Ллойд, где ты, черт бы тебя?.. — заорал он.

Ответа не было. В этой комнате *(камере?)* с поглощающей звуки обивкой его крик не вызвал даже эха, чтобы создать хоть иллюзию общества.

— *Грейди!*

Никакого ответа. Только ряды бутылок вникали ему.

(Сальто. Замри. Аппорт. Замри. Сидеть. Замри.)

— Плевать. Налью сам, черт побери.

На полпути к цели он потерял равновесие и полетел ничком, глухо ударившись головой об пол. Поднялся на колени, с вылезшими из орбит глазами, издавая неясные, бессмысленные звуки. И рухнул окончательно, неловко вывернув голову и тяжело дыша.

Снаружи все сильнее завывал ветер, неся густую пелену снега. Было 8.30 утра.

СТЭЙПЛТОНСКИЙ АЭРОПОРТ, ДЕНВЕР

В половине девятого утра по местному времени в самолете, летевшем рейсом 196, компании «TWA», некая женщина разразилась истерикой, со слезами выкрикивая, что все погибнут, — это мнение разделяли, вероятно, многие пассажиры и даже некоторые члены экипажа.

Узколицая женщина, соседка Хэллоранна, оторвалась от книги, коротко охарактеризовала кричащую — «Идиотка» — и снова погрузилась в чтение. Аналогичным образом она уже аттестовала двух из членов экипажа, оставаясь все такой же нелицеприятной.

— Наш самолет упадет! — вопила истеричная женщина. — Я точно знаю, мы все погибнем!

К ней поспешила стюардесса и присела на корточки возле ее кресла. Хэллоранн подумал в эту минуту, что приседать на корточки хоть сколько-нибудь изящно умеют только стюардессы да еще молоденькие домохозяйки, — видимо, это редкий талант. Он размышлял об этом, пока стюардесса тихо и вкрадчиво успокаивала женщину.

Хэллоранн ощущал себя в эту минуту так, будто его вывернули кишками наружу. Что до других пассажиров, о них нам ничего не известно. В иллюминаторе была видна лишь сплошная белая пелена. Самолет падал то на одно крыло, то на другое под порывами ветра, налетавшими со всех сторон. Позади Хэллоранна несколько пассажиров уже стонали, зажимая рты; стюард

прошел с кипой свежих гигиенических пакетов; за три ряда от Хэллоранна человек, державший в руках «Нэйшнл обзервер», уткнулся в журнал лицом. Стюардесса поспешила к нему, чтобы помочь вытереть испачканный костюм. Тот извиняющейся улыбкой старался загладить свою оплошность.

— Ничего, — успокоила она его, — такую же реакцию у меня, например, вызывает «Ридерз дайджест».

Хэллоранн предостаточно налетался самолетами, чтобы понять обстановку. Всю дорогу они летели против ветра, а над Денвером погода неожиданно еще ухудшилась, и теперь было поздно искать тихую посадку. Сознание вроде бы возвратилось к нему.

(Ничего, приятель, переживем и это.)

Тем временем стюардессе удалось утихомирить истеричку. Она всхлипывала и сморкалась в шелковый платок, но уже перестала верещать на весь салон о своих предчувствиях. Подошедший стюард потрепал ее по плечу и стоял рядом, пока «Боинг-747» закладывал окончательный крутой вираж. Стюардесса покачнулась и приземлилась на колени мужчине, облевавшему газету, обнажив симпатичное длинное бедро, затянутое в нейлон. Мужчина зажмурился и приобнял ее за плечи. Она с извинениями улыбнулась, но напряжение передалось и ей. Полет был не из приятных.

Еще один толчок, и появилась надпись «Не курить».

— Говорит командир корабля, — уведомил мягкий голос с южным акцентом. — Мы начина-

ем посадку в Стэйплтонском международном аэропорту. Я приношу свои извинения за неприятности во время полета. Посадка может показаться тоже не слишком элегантною, но я уверен в благополучном приземлении. Пожалуйста, соблюдайте правила посадки, пристегните ремни и не курите. Мы надеемся, вы получите наилучшие впечатления от пребывания в Денвере. Мы также надеемся...

Еще один сильнейший подскок, и затем провал, вызвавший болезненное ощущение невесомости. Желудок Хэллоранна в очередной раз высказал свое неудовольствие. Некоторые пассажиры — вне всяких сомнений, не только женщины — вскрикнули.

— ...что вы скоро вновь воспользуетесь услугами авиакомпании «TWA».

— Ну уж, дудки, — проговорил кто-то позади Хэллоранна.

— Какая глупость, — сказала узкилицая женщина, соседка Хэллоранна, закрывая свою книгу. — Когда видишь ужасы войны или безнравственную долларово-дипломатическую интервенцию ЦРУ... как видела я... один неблагоприятный рейс *не идет ни в какое сравнение с этим*. Правильно я говорю, мистер Хэллоранн?

— Вне всяких сомнений, мадам, — подтвердил он, глядя на бешенство стихии за иллюминатором.

— Как поживает ваш осколок, разрешите поинтересоваться?

— С головой все в порядке, — ответил Хэллоранн. — Желудку только вот тошно.

— Позор. — Она снова открыла книгу.

Пока самолет пробирался через плотные облака, Хэллоранн вспомнил авиакатастрофу, случившуюся в Бостоне, аэропорте Логан, несколько лет назад. Условия тогда были сходные, только видимость свел к нулю не снег, а туман. Шасси тогда попало в подпорную стенку где-то в самом конце дорожки, почти уже у цели, и то, что осталось потом от восьмидесяти девяти пассажиров, напоминало мясную запеканку.

Он бы не вспомнил об этом, если бы дело было в его жизни. Ему было вполне хорошо сейчас одному в целом мире; на похоронах его соберутся только те, с кем он работал, да еще этот старый ренегат Мастертон, который захочет выпить за него. Но мальчик... жизнь мальчика зависела от него. Мальчику больше неоткуда ждать помощи, а призыв от него дошел отчаянный. Он подумал о повадках этих тайных тварей...

Тонкая белая рука коснулась его.

Узколицая женщина сняла очки. Без них лицо ее было приятнее.

— Все будет хорошо, — сказала она.

Хэллоранн изобразил улыбку и кивнул.

Как и было обещано, посадка оказалась неэлегантной. Воссоединение с землей происходило с такой тряской, что все журналы повывлетали из сеток, а пластиковые подносы на полке разложились веером, как гигантские игральные карты. Никто больше не кричал, но Хэллоранн ясно слышал, что зубы у многих стучали, как кастаньеты.

Затем моторы взвыли на предельной ноте, самолет тряхнуло, и, как только шум стих, они

услышали южный выговор командира, не совсем, впрочем, ровный:

— Леди и джентльмены, мы совершили посадку в Стэйплтонском аэропорту. Просьба всем оставаться на своих местах до приглашения на выход. Благодарю вас.

Женщина закрыла наконец свою книгу и глубоко вздохнула:

— Теперь у нас впереди новый день, полный забот.

— Мы еще не расправились с этим днем, мадам.

— Верно. Совершенно верно. Не хотите ли выпить со мной?

— Я бы не отказался, если бы не одно назначенное мне свидание.

— Это срочно?

— Чрезвычайно срочно,— серьезно проговорил Хэллоранн.

— Надеюсь, ваше присутствие там улучшит положение дел.

— Я тоже надеюсь,— сказал Хэллоранн и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, сразу помолодев на десяток лет.

* * *

Так как из багажа у него была лишь ручная сумка, Хэллоранн легко прорвался сквозь толпу и занял место на нижней палубе автобуса. За тонированными стеклами виден был все тот же сплошной снег. Порывы ветра носили снежные вихри туда и обратно, и люди, идущие к посадочной площадке, пригибались от ветра. Кто-то

лишился своей шляпы, которая понеслась ввысь, красиво и легко. Человек беспомощно глядел ей вслед, а Хэллоранн, сочувствуя, думал:

(Забудь теперь о ней, приятель. Пока не долетит до Аризоны, на землю не вернется.)

И подспудная мысль:

(Если такова погода в Денвере, то что же делается к западу от Боулдера?)

Лучше не думать.

— Могу я помочь чем-нибудь, сэр? — спросила девушка в желтом.

— Если добудете машину, то сможете, — широко улыбнулся он.

За сверхвысокую плату он добыл себе сверхшикарный автомобиль, «бьюик электра», сверкающий лаком и серебром. Однако более, чем о стиле, он думал сейчас о занесенных дорогах. Придется останавливаться, чтобы разжиться цепями на колеса, иначе далеко не уедешь.

— Что, плохо на дорогах? — спросил он, пока подписывал протянутый ему договор о найме.

— Говорят, это сильнейшая буря с 1969 года, — ответила она. — Вам далеко ехать?

— Дальше, чем хотелось бы.

— Если хотите, я созвонюсь с автостанцией «Тексако» на трассе 270. Они установят цепи.

— Это было бы прекрасно, детка.

Она сняла трубку и сделала заказ.

— Они ждут вас.

— Преогромное спасибо.

Выйдя, он увидел свою узколистую соседку стоящей в одной из очередей, окружавших багажное отделение. Она все так же читала книгу.

Проходя мимо, Хэллоранн подмигнул ей. Она улыбнулась и махнула ему рукой.

(свечение)

Он поднял воротник, переложил сумку в другую руку. Вроде бы просто улыбка, но ему стало веселее. Он пожалел, что наплел ей про этот осколок в голове. Мысленно он пожелал ей удачи и вышел в пургу, надеясь, что и она желает ему того же.

* * *

Очередь на автостанции оказалась совсем небольшой, но Хэллоранн сунул служащему лишние десять долларов, чтобы сделать все поскорее. Тем не менее было уже четверть десятого, когда он вырулил на дорогу в «бьюике» с лязгающими цепями и смененными покрышками.

На автостраде было месиво из снега. Ему удавалось делать от силы тридцать миль в час. Машины зачастую съезжали с шоссе, а на некоторых перекрестках проехать было просто невозможно. Этот тайфун был первым, который пришел зимой сюда, на равнину — если можно, конечно, назвать равниной место, расположенное на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря. Многие водители были не готовы к такому повороту событий. Хэллоранн матерился, продираясь впритирку к застрявшим машинам и вглядываясь в заснеженное зеркало, чтобы убедиться, что никто *(вырвавшись из снежной пелены...)* не врежется в него слева.

Худшее ждало его на шоссе 36, у самого уклона. Шоссе 36, связующее Денвер с Боулде-

ром, поворачивает на запад к Парку Эстес, где пересекается с шоссе 7. Дорога эта, известная еще под названием Верхняя, проходит через Сайдвиндер, мимо отеля «Оверлук» и спускается по западному склону к Юте.

Итак, у самого въезда шоссе 36 было заблокировано перевернувшимся грузовиком. Вокруг грузовика горели огни, совсем как на каком-то идиотском именинном пироге.

Он подъехал к полицейскому посту и опустил стекло. Полицейский в меховой казачьей шапке, надвинутой на уши, указал рукой в перчатке на север, в направлении 1—25.

— Вы здесь не проедете! — прогавкал он сквозь ветер Хэллоранну. — Вам надо на 91-ю, там выедете на номер 36, около Брумфилда!

— Я объеду его слева! — прокричал Хэллоранн. — Это же двадцать миль крюку для меня, болван!

— Я сейчас оболваню твою пустую голову! — крикнул ему вслед полицейский. — Эта дорога закрыта!

Хэллоранн подал назад, выждал просвет в потоке машин и выехал на шоссе 25. На указателях значилось, что он в ста милях от Чейенна, штат Вайоминг. Если бы он не пробирался так долго на свою дорогу, то давно уже был бы там.

Он прибавил скорость до тридцати пяти миль, но больше выжать не осмелился, опасаясь за цепи, не справлявшиеся со снегом, да и дорожные знаки совершенно идиотские. Двадцать миль крюку. Он выругался, чувствуя, что рискует жизнью мальчика, чей голос снова начал призывать его, внушая необходимость действовать

быстрее. В то же время появилось фаталистическое предчувствие, что он не вернется из этого путешествия.

Он включил радио и нашел прогноз погоды.

— ...достигает шести дюймов; в течение ночи ожидается еще приrost снежного покрова на фут. Местная полиция призывает граждан не выезжать на дороги, кроме как в случае крайней необходимости, и предупреждает, что большинство горных перевалов закрыто. Рекомендуем оставаться дома и прислушиваться к сводкам...

— Спасибо, мать,— проговорил Хэллоранн, выключая радио.

УЭНДИ

Около полудня, когда Дэнни вышел в туалет, Уэнди достала из-под подушки завернутый в полотенце нож, положила его в карман купального халата и подошла к двери.

— Дэнни?

— Что?

— Я спущусь вниз и приготовлю нам что-нибудь поесть. Ладно?

— Хорошо. Мне идти вниз?

— Нет, я принесу ланч сюда. Будешь немного супа и омлет с сыром?

— Конечно.

Она чуть помедлила перед дверью:

— Дэнни, ты уверен, что с тобой тут ничего не случится?

— Ну конечно. Только ты будь осторожна.

— Ты знаешь, где отец?

Голос Дэнни, подозрительно спокойный, ответил:

— Нет. Но со мной все в порядке.

Она подавила в себе мысли о муже и дальнейшие вопросы. Их ужас, их беда были здесь, рядом с ними, они знали это, и говорить о них значило бы только сильнее нагнетать этот ужас.

Джек сошел с ума. С восьми часов утра они сидели вместе с Дэнни на его кровати, слушая, как внизу то бубнит, то умолкает Джек, переходя из одной комнаты в другую. По большей части звуки доносились из бального зала. Джек, распеваящий обрывки песен — все на одну ме-

лодию. Джек, спорящий с неслышимым оппонентом. Джек, вскрикивающий внезапно — все это леденило кровь в жилах, и они с Дэнни молча с испугом глядели друг на друга. Потом они услышали, как он прошел обратно через холл, за шагами последовал оглушительный звук, как будто он упал или с треском распахнул дверь. С половины девятого — уже три с половиной часа назад — наступила тишина.

Она вышла в коридор второго этажа и подошла к лестнице. Она стояла, вглядываясь в сумрак вестибюля. На первый взгляд он был пуст, но серый и снежный день погрузил в темноту большую его часть. Дэнни мог и не разглядеть отца. Может быть, Джек притаился за стулом или за кушеткой... или за регистрационной стойкой... и ждет, когда она подойдет...

Она в волнении облизнула губы.

— Джек?

Ответа не было.

Нащупав в кармане рукоять ножа, она медленно направилась в вестибюль. Распад их семьи она предвидела давно — либо в форме развода, либо в случае смерти Джека, пьяного, за рулем, в автокатастрофе. Больше всего она боялась последнего в Стовингтоне, сидя одна в темноте, по ночам; а иногда — в своих женских грезах — мечтала о герое из мыльных опер, который прискачет за нею и Дэнни на белом коне и увезет их от этого кошмара. Но никогда она не представляла себе, что будет вот так, как преступница, обыскивать холлы и лестницы, с ножом в руке, чтобы при первой же опасности использовать его против своего мужа.

Волна отчаяния захлестнула ее вдруг, и она вцепилась в перила, чувствуя, что колени ее подгибаются.

(Помни, что это не сам Джек. Джек — это единственное реальное лицо, вокруг которого происходит что-то ирреальное, во что невозможно поверить, но нельзя этого и не видеть, — все эти невидимые препятствия, разговоры и смех людей, жуткие маски.)

Она пыталась остановить свои страшные догадки, но было уже поздно... (*...и голоса...*)

Потому что становилось ясно, что это не просто одинокий сумасшедший кричит и спорит со своими собственными видениями там, внизу, — время от времени, как радиоволна, то уходя, то усиливаясь вновь, слышны были и голоса, и музыка, и смех. Однажды она явственно расслышала, как Джек назвал своего оппонента — Грейди (это имя кого-то напомнило ей, но она не связала тогда его ни с кем конкретно). Как Джек что-то отстаивал в разговоре и задавал вопросы громко, как будто стараясь быть услышанным через стойкий шум — вопросы, ответа на которые не было слышно. Сверхъестественным было и все прочее, доносившееся до нее — звук оркестра, хлопанье в ладоши, мужской голос, веселый, но авторитетный, уговаривавший кого-то произнести речь. Она слышала все это в течение тридцати секунд или минуты, — достаточно для того, чтобы упасть в обморок. Затем снова все стихало, а становился слышен лишь голос Джека, говоривший в той настырной, но скомканной манере, которую она знала за ним, когда он бывал пьян. Но ведь в отеле нечего выпить, кроме столового хереса. Разве не так? Да, но если ей

кажется, что отель полон голосами и музыкой, почему не может Джеку показаться, что он пьян?

Все это страшило ее.

Она уже спустилась в вестибюль и огляделась. Бархатный канат, опоясывавший вестибюль, был отцеплен и отброшен, крюк, к которому он крепился, отогнут, как будто кто-то проходя поддел его и бросил. Белый люминесцентный свет лился из высоких узких окон бального зала через открытую дверь на ковер холла. С замирающим сердцем она подошла к двери и заглянула в зал. Он был пуст и безмолвен, и только почти неразличимое эхо, которое живет всегда в очень просторных помещениях, начиная от собора и кончая домашним картежным залом, поселилось тут.

Она вернулась к регистрационной стойке и постояла в нерешительности несколько минут, слушая завывания ветра. Такой бури не было с незапамятных времен, и она разыгрывалась все сильнее. Где-то в западном крыле сорвалась задвижка со ставня, и он издавал регулярный грохочущий звук, как единственный посетитель в тире.

(Джеку стоило бы позаботиться об этом, пока кто-нибудь не воспользовался возможностью проникнуть внутрь через окно.)

Она думала, что будет делать, если встретит Джека прямо здесь, сейчас. Если он вынырнет из-за темной регистрационной стойки таким чертом из табакерки, с усмешкой на лице, с ножом в руке, потеряв остатки разума. Прирастет ли она к месту от страха или все же в ней побе-

дит материнское начало, заставляя ее бороться до смертного часа за своего сына? Как знать? Одна эта мысль привела ее в обморочное состояние. Ей казалось, что вся ее предыдущая жизнь нарочно была задумана провидением как долгий безмятежный сон, чтобы потом ввергнуть ее в этот кошмар пробуждения. Да, она жила чересчур безмятежно. Беда уже пришла, а она все продолжала дремать. Прошрое ее было ничем не примечательно и ничем не омрачено. Пламя страстей не захватывало ее. И вот испытание пришло — и не огнем, а ледяным холодом, и дремать больше нельзя. Ее ждет сын.

Сжав рукоять ножа сильнее, она вглядывалась в пространство за стойкой.

Вроде бы никого.

Долгий облегченный вздох вырвался из ее груди.

Она пошла дальше, чуть остановившись на пороге следующей комнаты. Ощупью нашла за следующей дверью выключатель, каждую секунду ожидая, что ее схватят за руку. С потрескиванием и шипением зажглись люминесцентные лампы, и перед ней предстала кухня мистера Хэллоранна, а теперь ее собственная, с бледно-зеленым кафелем, сияющей плитой, великолепным фарфором и сверкающими хромированными ручками. Она дала слово держать кухню в чистоте, и осталась ему верна. Она как бы чувствовала, что это одно из мест, безопасных для Дэнни. Невидимое присутствие здесь Дика Хэллоранна успокаивало. Дэнни вызвал Хэллоранна, но, пока они сидели, прижавшись, наверху и слушали неистовства Джека, надежда, что

он придет, была ничтожно мала. Теперь же это показалось ей почти возможным. Вполне вероятно, что он решил прорваться к ним через вьюгу и уже в пути.

Она прошла в кладовку, отодвинула засов, взяла банку томатного супа, вышла и снова заперла дверь. Дверь туго прилегала к полу, чтобы мыши и крысы не проникали внутрь.

Открыв банку, она вылила слегка студенистое содержимое в кастрюлю. Подошла к холодильнику и достала молоко и яйца для омлета. Потом к другому — за сыром. Все эти простые и знакомые действия успокоили ее.

Распустив на сковороде масло, она добавила молока в суп, а затем вылила взбитые яйца на сковороду.

Тут ей показалось, что кто-то стоит за спиной, и тошнота подступила к горлу.

Она быстро обернулась, схватившись за нож. Никого.

(Будь осторожна, подружка!)

Она отрезала кусок сыра, расплавил, добавив к омлету, прикрутила газ. Суп был готов. Она поставила супницу на большой посеребренный поднос, туда же две миски, две тарелки, соль, перец, поместила омлет на одну из тарелок и накрыла ее.

(Теперь назад тем же путем. Надо погасить в кухне свет. Пройти через темную комнату. К регистрационной стойке. Подобрать деньги — две сотни долларов.)

Она остановилась и поставила поднос рядом с серебряным колокольчиком. Ирреальность

происходящего начиналась; все это было похоже на игру в прятки — но с кем?

Она стояла в темном вестибюле, нахмурясь от непосильных мыслей.

(Не опровергай понапрасну факты, подружка. Несмотря на фантастичность, есть несколько неопровержимых вещей. Может быть, ты — единственное здравомыслящее лицо в этой ситуации. У тебя на руках пятилетний сын. И муж, несмотря на все его сумасшествие, — ты ведь тоже за него в ответе. Ну а если нет, то давай поразмышляем: сегодня второе декабря. Ты пробудешь здесь месяца четыре, если кто-нибудь случайно не зайдет в отель. Даже если кто-то там обеспокоится, почему от вас нет вестей, сегодня уже никто не придет... да и завтра... А может, и еще несколько недель. Ты что, собираешься ежедневно пробираться тайком на кухню с ножом в кармане и подпрыгивать от каждой тени? И неужели возможно не встретиться нос к носу с Джеком в течение месяца, скажем? Или ты надеешься не пустить Джека наверх к сыну, если он будет рваться? У него ключ, да и засов можно вышибить ударом кулака.)

Оставив поднос на стойке, она подошла к столовой и заглянула туда. Столовая была пуста. Там стояли только стол со стульями — вот и вся мебель. Неприятная пустота этой комнаты выселила их постепенно на кухню.

— Джек? — нерешительно позвала она.

В этот момент за ставнями поднялся снежный вихрь, но ей показалось, что был и еще какой-то звук. Что-то вроде стона.

— Джек?

Звук не повторился, но ее взгляд упал на

что-то смутно поблескивающее на полу. Это была зажигалка Джека.

Собрав все свое мужество, она прошла через комнату и открыла створки буфета. Запах спиртного был настолько силен, что у нее перехватило дыхание. Это был даже и не запах, а вонь. Но полки были пусты. Бог мой, где же он находит выпивку? Где прячет? *Где?* Опять послышался стон, звук низкого и пьяного голоса, но теперь ясно слышимый. Уэнди медленно прошла к бару.

— Джек?

Никакого ответа.

Она посмотрела повнимательней и увидела распростертого на полу Джека, по запаху и по виду — пьяного в стельку. Он, очевидно, упал, потеряв равновесие. Удивительно, как он не свернул себе шею. Ей в голову пришла старая пословица: Бог любит пьяных и малых. Аминь.

Однако ее тронул его вид; она подумала, что он выглядит совсем как измученный долгим днем маленький ребенок, который неожиданно заснул в разгар своих игр прямо посреди комнаты. Спиртного возле него не было... да и откуда бы ему взяться?

Она с трудом дотянулась до верхних стеллажей, где стояли обвитые соломкой, залитые воском бутылки, взяла и потрясла одну из них, ожидая услышать всплеск внутри...

(Новое вино в старых бутылках.)

Но бутылка была пуста. Она поставила ее обратно.

Джек пошевелился. Она обошла бар вокруг, зашла за стойку, где лежал Джек, не преминув

взглянуть на хромовые краны бара. Они были сухи, но вблизи издавали совершенно свежий запах пива.

Когда она подошла поближе, Джек перевернулся, открыл глаза, взглянув на нее сначала бессмысленным, а затем прояснившимся взглядом:

— Уэнди? Это ты?

— Да. Сможешь добраться наверх? Может быть, обопрешься о меня? Джек, где это ты...

Его рука грубо сжала ее лодыжку.

— Джек! Что ты...

— Поймал! — сказал он и расплылся в улыбке. От него исходил запах джина и оливок, который возродил в ней былой страх. Тот страх был хуже всего, что мог выдумать отель. Какая-то мысль все время свербил в мозгу — и теперь прояснилась. Самое страшное, что все вернулось на круги своя: она один на один с мужем-пьяницей.

— Джек, я ведь хотела помочь.

— О да! Ты и Дэнни — вы только хотели *помочь*, — хватка его была железной. Все так же вцепившись в ее лодыжку, он с трудом поднялся на колени. — Ты хотела помочь нам и раньше. Но теперь... я... *поймал тебя!*

— Джек, ты мне сломаешь ногу...

— Я сейчас тебе поломаю больше чем ногу, *сука*.

Это слово настолько ошеломило ее, что она даже не двинулась с места, когда он уже отпустил ее ногу и стоял перед ней, покачиваясь.

— Ты никогда не любила меня, — проговорил он. — Ты хотела, чтобы мы снялись отсюда, зная, что тогда мне конец. А ты хоть раз подума-

да о моих обя... обяз... обязательствах? Ни... хрена ты не подумала! Все, о чем ты мечтала, — это нагадить мне. Ты в точности как моя мать — дрянь, *сука*!

— Прекрати, — сказала она, глотая слезы. — Ты не соображаешь, что говоришь. Ты пьян. Я не понимаю, каким образом, но ты напился.

— Я знаю. Теперь-то я знаю. Тебя и его. Этого маленького сучонка, что сидит наверху. Вы оба что-то замышляете. Разве не так?

— Что с тобой?! Мы никогда ничего не замышляли! Что ты...

— *Ты лжешь!* — крикнул он. — Я тебя знаю! Я все про тебя знаю! Когда я сказал: «Мы останемся здесь, и я буду работать», вы оба пропели: «Да, дорогой», «Да, папочка», а сами стали замышлять. Вы собирались удрать на снегоходе. Собирались. Но я разгадал вас. Я высчитал. *Ты думала, что я не догадаюсь, правда? Ты ведь считала меня дураком?*

Она смотрела на него, не в силах ничего сказать. Он убьет ее, а потом убьет Дэнни. Тогда, может быть, отель будет удовлетворен и позволит ему самому уйти из жизни, как тому, прежнему зрителю. Так же, как...

(Грейди.)

Почти в обмороке от ужаса, она наконец поняла, с кем говорил тогда Джек в пустом балльном зале.

— Ты настроила сына против меня. Это самое ужасное, — его лицо собралось складками от припадка жалости к себе. — Маленький мой мальчик. Теперь он ненавидит меня. Ты мечтала

об этом. Это был твой план, так? Ты всегда была ревнива, как и твоя мать. Ты ведь не успокоишься, пока не возьмешь свое, так? *Ведь так?*

Она не в силах была ничего сказать.

— Ну, так я остановлю тебя,— сказал он и попытался вцепиться ей в горло.

Она сделала шаг назад, другой, и он покачнулся. Она вспомнила о ноже в кармане, но было поздно — он заломил ей руку. Ей в нос ударил запах перегара и пота.

— Ты должна быть наказана,— прохрипел он.— Сурово. Наказана.

Его рука добралась до ее горла.

Когда дыхание почти оборвалось, страх придал ей силы. Теперь обе его руки сжимали ее горло, и можно было вынуть нож, но она от страха не подумала об этом. Ее руки поднялись и беспомощно пытались разжать его сильные, как клещи, пальцы.

— *Мама!* — пронзительно закричал откуда-то Дэнни.— *Папа, остановись! Маме больно!* — Его кристально чистый голос доносился словно откуда-то издалека.

В глазах ее затанцевали красные вспышки. Сознание померкло. Она смутно увидела, как сын взбирается на стойку бара и бросается сверху на отца. Одна из рук, сжимавших ей горло, отпустила ее, и Джек с рычанием отбросил Дэнни. Мальчик ударился о пустые полки и сполз на пол. Ее горло снова сжали руки Джека. Снова красные огни в глазах.

Дэнни тихо плакал. В груди у нее пылал огонь. Джек орал ей в лицо:

— Я покажу тебе! Черт поberi, я покажу тебе, кто здесь хозяин! Я тебя проучу...

Но звуки доносились до нее все слабее. Она перестала бороться. Одна рука уже бессильно свисала, как рука утопленницы. Она коснулась бутылки — одной из тех, обвитых соломкой, что служили декоративными подсвечниками, — и из последних сил ухватилась за ее горлышко, чувствуя пальцами капли воска...

(Боже, только бы не выскользнула.)

Она подняла бутылку и изо всех сил опустила ее на голову Джека, зная, что если промахнется и попадет по его руке или плечу, то больше ей не жить.

Но бутылка угодила как раз в цель. Оплетенное соломкой стекло хрустнуло, толстое дно с глухим звуком стукнуло о черепную кость. Джек покачнулся, закатывая глаза. Руки его отпустили горло Уэнди. Он вытянул руки, словно стараясь сохранить равновесие, потом рухнул на спину.

Уэнди сделала длинный всхлипывающий вздох. Она готова была упасть сама, но вцепилась в стойку и удержалась. Сознание то уходило, то возвращалось к ней. Она слышала плач Дэнни, но не в силах была понять, где он. Голос его раздавался эхом. Смутно различив капли крови на темном дереве бара, она подумала, что у нее идет кровь носом. Прочистив горло, она сплюнула. Невыносимая боль волной прокатилась по горлу... и стала ослабевать.

Понемногу Уэнди приходила в себя.

Оглянувшись, она увидела лежащего в полный рост Джека и разбитую бутылку возле него.

Он выглядел, как поверженный гигант. Дэнни скрючился на полу возле кассы, в ужасе глядя на тело отца.

Неровным шагом Уэнди подошла к нему и тронула за плечо.

Дэнни отпрянул в сторону и зажмурился.

— Послушай, Дэнни...

— Нет, нет,— бормотал он странным стариковским голоском.— Папа сделал тебе больно... А ты ему... А папа тебе... Я хочу спать. Дэнни хочет спать.

— Дэнни.

— Спать, хочу спать... Темным-темно.

— Нет!

Боль снова ожгла горло. Сын открыл глаза, обнажив голубоватые белки.

И она заставила себя говорить спокойно и четко, глядя сыну прямо в глаза. Ее голос был сиплым, переходящим в шепот. Говорить было больно.

— Послушай меня, Дэнни. Меня душил не твой отец. Нет. И я не хотела ударить его. Это дух отеля вселился в него, Дэнни. «Оверлук» *вселился в твоего отца*. Ты понимаешь меня?

Какая-то тайная мысль медленно заполняла взгляд Дэнни.

— Это та гадость, которую он пьет, да? — прошептал он.— Ее ведь тут раньше не было?

— Нет. Это все отель...— она зашлась в кашле и сплюнула кровью; казалось, горло распухло до невероятных размеров.— Это отель заставляет его пить. Ты слышал, как он разговаривал с кем-то утром?

— Да... С людьми отеля...

— Я тоже слышала. А это значит, отель собирается с силами. Он хочет всех нас погубить. Но я думаю... я полагаю, что они могут сделать это только через нашего папу. Он единственный, кого им удалось поймать в свои сети. Ты понимаешь меня, Дэнни? Страшно важно, чтобы ты понял.

— Да. Отель поймал папу,— Дэнни взглянул на отца и всхлипнул.

— Я знаю, как ты любишь отца. Я тоже люблю его. Мы должны помнить, что отель стремится погубить нас всех.

Теперь она была уверена в этом. Более того, она понимала отчего-то, что отелю нужен именно Дэнни,— оттого, возможно, это все и происходит. Оттого и смог ожить отель... Может быть, именно особый дар, свечение Дэнни, и активизирует всю эту нечисть, как аккумулятор заряжает машину, заставляя ее сдвинуться с места. Если они уедут отсюда, «Оверлук» вернется к прежнему, сонному состоянию и сможет пугать лишь самых психически неуравновешенных постояльцев, подобно дешевым фильмам ужасов. Без Дэнни отель вполне безобиден, точно павильон страха в парке отдыха, где посетителю щекочат нервы звуки невидимого застолья и редкие появления призраков. Если же отель вберет в себя Дэнни... его дар, свечение, силу духа... как это ни назови...— что тогда?

Эта мысль заставила ее содрогнуться.

— Я хочу, чтобы папа снова стал прежним,— сказал Дэнни, и слезы хлынули из его глаз.

— Я тоже,— она крепко обняла Дэнни.— Поэтому, солнышко мое, мы с тобой должны запереть папу в какое-нибудь безопасное место. Куда-нибудь, где он не смог бы причинить зла ни нам, ни себе. А когда приедет Дик или придет лесничий, мы увезем папу отсюда. Я думаю, он забудет все и снова станет прежним. Мы все станем прежними. Я думаю, надо попробовать, если мы с тобой храбрые и смелые,— как недавно, когда ты прыгнул ему на спину. Ты понимаешь?

Она упрашивала его и думала одновременно: как странно, что сын сейчас похож на Джека, как никогда.

— Да,— сказал Дэнни.— Думаю, надо поскорее уехать отсюда, и все будет в порядке. А куда мы его денем?

— В кладовку. Там есть еда для него, а засов у кладовки очень хороший. И там тепло. А мы с тобой будем брать еду из холодильника. Нам вполне хватит, пока не придет помощь.

— Мы сейчас его запрем?

— Надо сейчас, пока он не проснулся.

Дэнни держал дверцу бара, а она прислушивалась к дыханию Джека: оно было медленное, но ровное. Судя по запаху, он выпил изрядно — а ведь он давно не пил. Возможно, он отключился не только от ее удара, но и от перепоя. Она взяла его за ноги и поволокла по полу.

Они были женаты уже почти семь лет, и ей часто приходилось таскать его, но никогда еще он не казался таким тяжелым. Дыхание со свистом вырывалось из ее израненного горла. Однако надежда придавала ей силы. Она была жива,

только что побывав на волосок от смерти. И Джек жив, слава Богу. Может быть, волей случая они нашли свое единственное спасение.

Судорожно ловя воздух ртом, она остановилась передохнуть — ей на ум пришел старый капитан из «Острова сокровищ», крикнувший, когда слепой Пью передал ему Черную метку: «Мы им покажем!»

И тут же, вздрогнув, она вспомнила, что минутой позже старый капитан упал замертво.

— Как ты, мама? Он... он не слишком тяжелый?

— Сейчас... постараюсь, — она снова принялась тащить Джека. Дэнни шел рядом. Одна из сложенных на груди рук Джека упала, и Дэнни мягко, с любовью, вернул ее на место.

— Ты уверена, что мы делаем правильно?

— Да, это лучший выход, Дэнни.

— Но это как будто посадить в тюрьму.

— Совсем ненадолго.

— Ну, хорошо. Ты сможешь дотащить его?

— Да.

Дэнни поддерживал голову отца, пока они проходили в двери, но его руки сорвались, скользнув по жирным волосам Джека. Тот ударился головой о стену, заметался и забормотал:

— Надо дымом... Сбегай принеси мне канистру с бензином.

Уэнди и Дэнни обменялись испуганными взглядами.

— Помоги мне, — прошептала Уэнди.

С минуты Дэнни стоял, парализованный видом бредящего отца, затем перебежал на ее сторону и подхватил отцовскую левую ногу. Они

протащили его по полу кухни как в кошмарном замедленном кино, сопровождаемом жужжанием люминесцентных ламп и их тяжелым дыханием.

Дотавив его до кладовки, Уэнди положила Джека на пол и занялась засовом. Дэнни глядел на неподвижно лежащего Джека. Пока они тащили его, рубашка выбилась из брюк, и сейчас Дэнни с жалостью думал, что отцу холодно. Ему не нравилось, что они запрут отца здесь, как дикого зверя, но он помнил страшную сцену в столовой. Сидя наверху, он знал, что собирается сделать отец. Это все происходило в его голове, он мысленно слышал их спор.

(Если бы мы только могли выбраться отсюда. Если бы это оказался сон, который я вижу дома, в Стюингтоне. Если бы только!)

Засов заклинило. Уэнди тянула его и так и эдак, но он не двигался. Все сорвется из-за проклятого засова. Это глупо и несправедливо... ведь она только что открывала его безо всякого труда, когда доставала суп. Что же делать? Нельзя же положить его в большой холодильник — он там замерзнет. А если оставить его здесь, он проснется и...

Джек пошевелился.

— Я позабочусь об этом, — проговорил он. — Я понял.

— Он просыпается, мама! — предупредил Дэнни.

Рыдая, она тянула засов обеими руками.

— Дэнни? — послышался голос Джека, в нем звучала угроза. — Это ты, плутишка?

— Спи, папа,— нервно произнес Дэнни.— Время позднее, ты же знаешь.

Он взглянул на мать, возившуюся с засовом, и моментально понял, в чем загвоздка: та забыла повернуть зажим перед тем, как отодвинуть засов. Поэтому он и застрял.

— Подожди,— прошептал он и отстранил ее трясущиеся руки. Хотя его самого трясло так же сильно, он отвел зажим и отпер засов.

— Быстрей.

Взглянув вниз, он увидел, что отец очнулся и теперь глядит ему прямо в глаза, изучающе и пристально.

— Ты подделал его. Я знал... Но он где-то здесь. И я его найду. Обещаю тебе. Я найду...— слова Джека снова перешли в неразборчивое бормотание.

Уэнди коленом распахнула дверь, не заметив хлынувшего оттуда густого запаха сухофруктов. Затем снова подхватила ноги Джека и втащила его внутрь. Теперь она едва переводила дух, силы ее были на исходе. Потянув за шнур, она зажгла свет — и глаза Джека снова открылись:

— Что ты делаешь, Уэнди? Уэнди? Что ты делаешь?

Она переступила через него.

Он рванулся к ней — на удивление быстро, так, что она едва отпрыгнула, чтобы избежать его железной хватки, и устремилась прочь из кладовой, оставив в руках Джека кусок халата. Он вскочил на четвереньки, похожий на дикого зверя, с упавшими на глаза волосами — огромная собака... или лев.

— Проклятье, я знаю, что вы задумали. Но у вас не получится. Этот отель... мой. Это меня они возьмут. Меня! Меня!

— Дверь, Дэнни! — крикнула она. — *Захлопни дверь!*

Дэнни толкнул тяжелую дверь, на мгновение опередив прыжок отца. Запор защелкнулся, и Джек врезался в запертую дверь.

Маленькие руки Дэнни сжимали засов. Уэнди была слишком далеко, а вопрос, оставить ли отца узником или освободить, нужно было решать в считанные секунды. Дэнни закрыл засов как раз тогда, когда дверь стала ходить ходуном под бешеным напором отца. Стальной засов почти сантиметровой толщины не поддавался. Уэнди перевела дух.

— Выпустите меня немедленно! — неистовствовал Джек. — Выпустите! Дэнни, будь ты проклят, я твой отец и я хочу выйти! *Делай что я говорю!*

Рука Дэнни автоматически двинулась к засову.

Уэнди поймала ее и сжала.

— Помни, я твой отец, Дэнни! Делай что я говорю! Или ты будешь слушаться меня, или я сделаю с тобой такое, что ты никогда не забудешь! Я вышибу из тебя твои дрянные мозги!

Дэнни, белее оконного стекла, взглянул на мать. За прочной дубовой дверью слышно было бешеное дыхание Джека.

— Уэнди, выпусти меня! Выпусти меня сейчас же! Ты, грязная сука! Я тебе говорю! Выпусти меня — и я все прощу! Если не выпустишь, я выпущу тебе кишки! Так и знай! Я так тебя от-

делаю, что родная мать не узнает! *Сейчас же выпустите!*

Дэнни застонал. Уэнди взглянула на него и увидела, что он близок к обмороку.

— Успокойся, малыш, — сказала она, удивляясь ровности своего голоса. — Запомни, это не твой отец. Это кричит дух отеля.

— *Сейчас же вернитесь и выпустите меня! СЕЙЧАС ЖЕ!* — кричал Джек и царапал дверь ногтями.

— Это отель, — сказал Дэнни самому себе. — Это отель. Я помню.

Но лицо его, когда он оглянулся через плечо, было перекошено от страха и боли.

ДЭННИ

Было три часа пополудни того длинного-длинного дня.

Они сидели на огромной кровати в своем номере. Дэнни снова и снова против своей воли вертел в руках пурпурную модель «фольксвагена» с высовывающимся из люка чудищем.

Весь день они слышали отцовский стук в дверь, несущийся через холл, — громыхание и голос, хриплый и буйно злобный, изрыгающий угрозы и богохульства, обещающий им обоим страшное возмездие за то, что они предали его — его, посвятившего свою жизнь заботам о них.

Дэнни надеялся, что крики отца не будут слышны наверху, но они громко разносились по шахте подъемника. Лицо матери было бледно, а на шее проявились страшные коричневатые пятна — там, где отец пытался...

Он снова и снова вертел в руках автомодель — отцовский подарок за успехи на уроках чтения.

(...где отец пытался слишком крепко обнять ее).

Мама завела одну из своих любимых пластинок — заигранную, шипящую, — и устало улыбнулась ему. Он попытался улыбнуться в ответ, но не смог. Даже теперь, сквозь усиленный звук проигрывателя, ему казалось, что он все еще слышит, как отец мечется, точно зверь в клетке, вопя и колотя в дверь кладовки. А что, если отцу понадобится сходить в туалет? Что тогда?

Дэнни заплакал.

Уэнди приглушила звук проигрывателя и взяла мальчика на колени, гладя и укачивая его.

— Дэнни, любимый, все будет хорошо. Все уладится. Если мистер Хэллоранн не услышал твое послание, то его услышит кто-то другой. Как только буря стихнет, кто-нибудь сюда придет. В бурю никто не сможет, и мистер Хэллоранн тоже. Мы подождем здесь. А как только буря утихнет, все будет опять прекрасно. А знаешь, что мы сделаем весной? Все трое?

Дэнни, прижавшись к ее груди, покачал головой. Он не знал. Ему казалось, что весна никогда не наступит.

— Мы поедем рыбачить. Найдем лодку и поедем рыбачить, как мы делали на Чатертонском озере в прошлом году. Ты, я и папа. И, глядишь, ты поймашь окуня на ужин. А может, мы ничего не поймает, но просто славно проведем время.

— Я люблю тебя, мамочка, — сказал он и обнял ее.

— Ах, Дэнни, я тоже люблю тебя.

Снаружи выл и бесновался ветер.

* * *

Около половины пятого, когда начало темнеть, крики прекратились.

Оба они к тому времени, обнявшись, погрузились в тяжелую дремоту. Уэнди продолжала спать, но Дэнни вдруг проснулся. Наступившая тишина казалась более страшной и более зловещей, чем прежние крики и стук. Что с отцом — спит? Умер? Или что?..

(Может быть, он выбрался?)

Пятнадцать минут спустя тишина взорвалась тяжелым металлическим бряцанием. Сначала тяжелый шум, потом долгие отзвуки эха. Уэнди, вскрикнув, проснулась.

Лифт снова пришел в движение.

Они слушали, прижавшись друг к другу, широко открыв глаза. Звук переходил с этажа на этаж, бряцал металл, открывались настежь двери. Слышались смех, пьяные крики, звуки разбитого стекла.

«Оверлук» вновь ожил.

ДЖЕК

Он сидел на полу кладовой, вытянув ноги, с коробкой слоек, глядя на дверь. Он ел слойки одну за другой, не разбирая вкуса, только ради насыщения. Потому что когда он выйдет отсюда, ему понадобится вся его сила. Вся до предела.

В этот момент он ощутил себя таким несчастным, как никогда в жизни. Его разум и тело были кричащими письменами боли. Голова раскалывалась, боль сжимала виски. Во рту будто эскадрон переночевал, в ушах звенело, сердце билось тяжелыми, гулкими толчками, как там-там. Вдобавок страшно ныли плечи от неустанных наскоков на дверь, а в горле пересохло и саднило от бесполезных криков. Правую руку он повредил о дверной замок.

Но когда он выйдет отсюда, они у него попляшут.

Он жевал слойки одну за другой, не жалея своего больного желудка, который порывался вывернуться наизнанку. Вспомнив о таблетках экседрина в кармане, он решил подождать, пока желудок чуть утихнет сам. Какой смысл глотать анальгетики, если тебя после этого вывернет. Надо включить в работу ум. Знаменитый ум Джека Торренса. Разве ты не решил раз и навсегда жить своим умом? Джек Торренс, автор бесселлеров. Джек Торренс, прославленный драматург и любимец Нью-Йоркского общества литературных критиков. Джек Торренс, писатель, признанный мыслитель, удостоенный Пулитцеровской премии за свою острую книгу мемуаров «Моя жизнь в двадцатом веке». Всем этим в ко-

нечном счете он обязан был умению жить своим умом.

Жить своим умом означало всегда знать, откуда ждать подвоха.

Он положил очередную слойку в рот и разгрыз ее.

Все дело в том, предположил он, что они не верят ему. Они не верят, что ему лучше известно, что нужно им для счастья и как достичь этого. Жена пыталась прибрать его к рукам, сначала мягко (вроде бы), потом всякими грязными методами. Когда ее намеки и жалобы были сокрушены его логикой и аргументами, она восстала против него сына, пыталась убить его бутылкой, а затем заперла его, и не куда-нибудь, а в вонючую кладовку.

И все-таки слабый внутренний голос надоедливо пищал:

(А как же спиртное? Разве не это — точка преткновения? Ты же знаешь из горького опыта, что происходит, когда ты пьешь. Когда ты пьешь, ты теряешь рассудок.)

Он запустил коробку со слойками в угол. Она ударилась о полку с консервами и упала на пол. Он посмотрел на коробку, вытер рот и взглянул на часы. Была половина седьмого. Он находился взаперти уже несколько часов. Жена заперла его, и по ее вине он сидит здесь, черт бы ее подрал!

Он начинал понимать своего отца.

Неожиданно Джек осознал, что единственно, о чем он никогда не спрашивал себя, это отчего отец пил. А ведь действительно... если вникнуть в то, что его студенты называют «суть дела», ...разве загвоздка не в женщине, на которой он был женат? Вымученном подобии женщины,

всегда молча бродившем по дому с выражением обреченности и жертвы на лице? Это ядро, прикованное к ноге отца, как к ноге арестанта? Впрочем, нет, не ядро. Она никогда активно не пыталась сделать отца своим узником, как Уэнди — его. Судьба отца скорее напоминала дантиста Мактига в великой повести Фрэнка Норриса: скован наручниками с мертвецом в пустыне. Да, это вернее. Духовно и эмоционально мертвая, его мать была прикована к отцу брачными узами. При всем этом отец ухитрялся жить полноценной жизнью, волоча за собой через годы духовный труп, свою жену. Он поднял на ноги четверых детей, научил их отличать хорошее от дурного, ценить дисциплину и, кроме того, чтить отца. Правда, все дети выросли неблагодарными, включая и его самого. И вот теперь он расплачивается за это: его собственный сын тоже оказался неблагодарным. А была надежда... Когда-нибудь он выберется отсюда. И покарает их обоих, сурово покарает. Он преподаст Дэнни хороший урок, чтобы тот знал, когда повзрослеет, как поступать в подобных случаях.

Он вспомнил один воскресный обед, когда отец приструнил мать за столом... Как был тогда напуган он и другие дети. Теперь он видел, насколько своевременно сделал это отец, насколько остер был ум этого человека, прятавшийся под личиной забулдыги, насколько ловко пресекал он малейшее неуважение к нему.

Джек чуть подполз, чтобы поднять коробку со слоями, и снова принялся жевать, сидя под дверью, за которой был предательски заперт. Теперь он старался припомнить: что конкретно возмутило тогда отца, на чем же он поймал мать? Усмехнулась ли она тогда, показала ли

тайком язык? Делала ли какие-то оскорбительные жесты? Или просто глядела на него нагло и надменно, полагая, что отец настолько пьян, что ничего не заметит? Во всяком случае, он поймал ее на этом и наказал, и вот теперь, двадцать лет спустя, Джек оценил отцовскую мудрость.

Конечно, было глупо со стороны отца жениться на такой женщине, привязывать себя к этому трупу... неблагодарному к тому же. Но, женившись второпях, затем часто раскаиваются, и, быть может, отец его отца женился когда-то на такой же женщине, отец же Джека бессознательно повторил его ошибку, а затем и сам Джек. В придачу к тому, что его, Джека, жена разрушила одну карьеру и поломала другую, она не удовлетворилась этой пассивной ролью, а посягнула на его последний и заветный шанс: стать сотрудником «Оверлука», а со временем, возможно... дорасти до управляющего. Она пытается забрать у него Дэнни, а Дэнни — это его пропуск во владения «Оверлука». Конечно, что опять же глупость — зачем им сын, если они могут взять его, отца, но у хозяев часто бывают глупые идеи, и он вынужден подчиниться этому условию.

Он не сможет найти с ней общего языка, теперь это ясно. Он пытался — в Колорадо-холле, но она отказалась его выслушать, ударив бутылкой по голове. Но наступит, скоро наступит и его час. Он выберется отсюда.

Тут он затаил дыхание и приподнял голову. Где-то фортепьяно играло буги-вуги, люди смеялись и хлопали в ладоши. Звук был приглушенным, но внятным. Играли «Сегодня в старом городе веселье».

Его руки беспомощно сжались в кулаки; он должен был сдерживать себя, чтобы не броситься на дверь. Вечер начался, спиртное льется рекой. Где-то там с кем-то танцует девушка, которая свела его с ума свежестью своего тела, ощущавшейся сквозь белое атласное платье.

— Вы еще заплатите за это! — взвыл он снова. — Дьявол бы взял вас обоих, вы заплатите! Я преподам вам урок, я обещаю! Вы...

— Тише, тише, сэр, — проговорил мягкий голос снаружи. — Нет нужды кричать. Я вас прекрасно слышу.

Джек вскочил на ноги:

— Грейди? Это вы?

— Это и в самом деле я. Кажется, вас заперли?

— Выпустите меня, Грейди. И побыстрее.

— Видимо, вы не выполнили того, о чем мы условились. Я имею в виду наставление ваших жены и сына на путь истинный.

— Это они и заперли меня здесь. Отодвиньте засов, ради Бога!

— Вы позволили им запереть себя? — В голосе Грейди слышалось изрядное удивление. — Бог мой. Женщине вдвое меньше вас и маленькому мальчику? Вряд ли это положительно характеризует вас в свете ваших претензий на руководящую должность.

Кровь начала пульсировать в правом виске Джека:

— Выпустите меня, Грейди, а я уж позабочусь о них.

— В самом деле, сэр? Сомневаюсь. — Удивление сменилось в его голосе вежливым сожалением. — Мне неприятно это говорить, но я разочарован в вас. Мы все пришли к мысли, что вы

не прониклись нашей задачей, сэр. У вас для этого кишка тонка.

— *Я смогу!* — заорал Джек. — *Я клянусь, я сделаю это!*

— Вы приведете нам своего сына?

— Да! Да!

— Ваша жена будет изо всех сил сопротивляться этому, мистер Торренс. Она оказалась... сильнее, чем мы предполагали. В некотором смысле находчивее. Она, похоже, превзошла вас, — Грейди хихикнул. — Вероятно, мистер Торренс, нам надо было прежде заняться ею.

— Я приведу его, клянусь, — сказал Джек. Его лицо было прижато к двери. От волнения он взмок. — Она больше не помешает мне, не сможет. Я клянусь.

— Боюсь, вам придется убить ее, — холодно проговорил Грейди.

— Я сделаю все, что потребуется. Только *выпустите меня*.

— Вы дадите слово, сэр? — настаивал Грейди.

— Даю вам слово, клятву, священный обет — все, что угодно. Только пожалуйста...

Послышался легкий щелчок, и засов отодвинулся. Дверь приоткрылась на четверть дюйма. Джек застыл. На мгновение ему показалось, что там, за дверью, — сама смерть.

Но тут же страх минул. Он прошептал:

— Спасибо, Грейди. Клянусь, вы не пожалеете. Клянусь.

Ответа не последовало. Смолкли все звуки, кроме холодного завывания ветра снаружи.

Он отворил дверь, петли слабо скрипнули.

В кухне было пусто. Грейди ушел. На всем лежал мертвящий отсвет люминесцентных ламп. Взгляд Джека уперся в колоду для рубки

мяса, которую они втроем обычно использовали вместо обеденного стола.

На ней стоял бокал для мартини, початая бутылка джина и пластиковое блюдо с оливками.

К колоде был прислонен молоток для игры в крокет, взятый со склада.

Джек долго стоял, глядя на него.

Затем откуда-то слышался голос, более глубокий и сильный, чем голос Грейди... он звучал как бы внутри его самого.

(Помните о своем обещании, мистер Торренс.)

— Я сдержу его, — проговорил он. В его голосе прозвучало отвратительное раболепство, но он ничего не мог с собой поделать. — Я сдержу.

Он подошел и положил руку на рукоять молотка.

Взвесил его в руке.

Взмахнул им.

Тот просвистел, рассекая воздух.

Лицо Джека медленно расплывалось в улыбке.

ХЭЛЛОРАНН ЕДЕТ В ГОРЫ

Он окончательно съехал с дороги без четверти два пополудни. Если верить занесенным снегом дорожным указателям и одометру «бьюика», то до Эстес Парка оставалось меньше трех миль.

Здесь, в горах, снег валил вовсю. Такого неистового, обильного снегопада Хэллоранну прежде видеть не доводилось (что, впрочем, не Бог весть какая невидаль, ибо за всю свою жизнь Хэллоранн снега практически не видел). Шквальный ветер дул со всех сторон, вздымая снежную пыль то с запада, то с севера; белая пелена закрывала обзор, и Хэллоранн вновь и вновь отчетливо сознавал, что стоит ему прозевать поворот, и автомобиль нырнет вверх тормашками в двухсотфутовую пропасть. Ситуация усугублялась еще и тем, что на зимней дороге Хэллоранн превращался в шофера-любителя. Он впадал в панику, когда снежные вихри заматали желтую разделительную полосу, а жесткие порывы разгулявшегося по горным теснинам ветра разворачивали тяжелый «бьюик» вокруг оси. Его пугали залепленные снегом дорожные указатели — перед лобовым стеклом словно бы расстилалось белое полотно бесконечного киноэкрана, и выбор поворота сводился к игре в «орла или решку». В общем, ему было страшно.

Обливаясь холодным потом, Хэллоранн полз в горы где-то западнее Боулдера и Лайонза, об-

ращаясь с педалями акселератора и тормоза так, будто это были китайские вазы династии Минь.

По радио передавали рок-н-ролл. В перерывах между мелодиями диск-жокей без устали заклинал автомобилистов держаться подальше от главных магистралей и ни в коем случае не ехать в горы, так как многие дороги стали непроезжими, что повлекло за собой множество дорожных происшествий. Среди прочих были и две серьезные аварии: разбились микроавтобус «фольксваген» с горнолыжниками и машина с целым семейством, которое направлялось в Альбукерке через перевал Сангре-де-Кристо. В этих двух катастрофах погибли четыре человека; еще пятеро получили ранения. «Так что воздержитесь от поездок по горным дорогам и наслаждайтесь музыкой на волнах радио КТЛК», — бодро завершил сводку новостей диск-жокей и, окончательно добывая Хэллоранна, поставил песню «Солнечный пляж». «Нам весело, мы счастливы, мы...» — жизнерадостно заверещал Терри Джекс, но Хэллоранн, кипя от злости, тут же выключил радио, сознавая, впрочем, что минут через пять снова включит его: какие бы глупости ни передавали по радио, это все же лучше, чем ехать одному сквозь безумие белого безмолвия.

(Признайся себе. На теле этого чернокожего парня есть по крайней мере одна длинная желтая полоса... и она тянется вдоль всей спины!)

Это даже не смешно. Хэллоранн еще на подступах к Боулдеру повернул бы назад, но пред-

чувствие того, что мальчик попал в страшную беду, заставляло его двигаться дальше, преодолевая страх. Хотя даже сейчас еле слышный внутренний голос (скорее голос разума, нежели голос страха, подумал Хэллоранн) нашептывал ему, что надо бы остановиться на ночь в мотеле Эстес Парка и подождать, пока снегоуборочные машины расчистят хотя бы середину дороги. Этот голос заставлял его припомнить тряскую посадку самолета в аэропорту Стэйплтона, когда пассажиры лайнера были ближе к воротам ада, нежели к воротам № 39 вестибюля В. Но доводы разума не могли устоять перед чувством долга. Он должен добраться туда сегодня. Снежная буря — это уже его, Хэллоранна, проблема, и ему нужно с нею справиться. Честно говоря, Хэллоранн боялся, что, не будь этой проблемы, он столкнулся бы с чем-то гораздо более ужасным во сне.

Очередной порыв северо-восточного ветра вновь отрезал Хэллоранна от внешнего мира: исчезли из виду не только смутные очертания горных вершин, но даже обочины дороги.

А затем из снежной пелены внезапно вынырнули навстречу желтые огни снегоуборочной машины, и Хэллоранн к ужасу своему заметил, что «бьюик» оказался как раз между приближающимися огнями передних фар огромной машины. Та ехала не разбирая дороги, да и Хэллоранна, очевидно, занесло на встречную полосу.

Монотонный рев могучего дизеля ворвался в салон «бьюика», перекрывая завывания снеж-

ной бури. Потом раздался долгий, душераздирающий вой сирены.

У Хэллоранна от страха заledenела мошонка, внутренности же словно превратились в бесформенную студенистую массу.

Вслед за звуком материализовался цвет — из белого кошмара показалась оранжевая кабина снегоуборочной машины. Хэллоранн даже успел разглядеть поверх длинного фронтального отвала отчаянно жестикулирующего водителя. Два боковых отвала, расположенных под углом друг к другу, громоздили свежие мертвенно-бледные сугробы, изрыгая курящийся снег на левую обочину дороги.

— УАААААААААААА!!! — негодуяще орала сирена.

Хэллоранн сжал баранку, словно груди любимой женщины, и утопил педаль акселератора. «Бьюик» рванулся вперед и вправо. Ограждения в этом месте трассы не было: расчистив левую полосу, снегоуборочная машина разворачивалась вниз и, поднимаясь вверх по правой полосе, просто сбрасывала сугробы в пропасть.

(В пропасть, ну да, в пропасть...)

Боковые отвалы снегоуборочной машины, возвышающиеся над крышей «бьюика» фута на четыре, мелькнули в какой-то паре дюймов от левого крыла, и пока снегоочиститель проезжал мимо, Хэллоранн до последнего мгновения был уверен в том, что столкновение неизбежно. Всклопоченным лоскутным обрывком пронеслась в мозгу молитва, наполовину состоящая из

нечленораздельных просьб о прощении, обращенных к мальчику.

Уборочная машина наконец миновала Хэллоранна, и в зеркале заднего вида «бьюика» мерцали синие огни мигалок.

Хэллоранн вывернул руль влево, но автомобиль не слушался, продолжая медленно, как в полусне, скользить к краю пропасти, вздымая из-под брызговиков буксующих задних колес фонтанчики снега.

Хэллоранн крутанул руль вправо, по ходу скольжения, и автомобиль развернуло задом наперед. Охваченный ужасом, Дик ударил по тормозам и вдруг ощутил сильный толчок в днище... Дороги впереди не было. Взгляду Хэллоранна предстала бездонная воронка снежной круговерти. Где-то далеко внизу сливался в серо-зеленое море сосновый лес.

(Я падаю, мать Божья, я падаю...)

Автомобиль перевалил через край пропасти, накренился на тридцать градусов и... остановился: левым крылом машина зацепилась за столбик. Задние колеса почти оторвались от земли, и, когда Хэллоранн попытался дать задний ход, шины лишь беспомощно забуксовали. Сердце Хэллоранна стало отбивать барабанные дроби.

Наконец он с величайшей осторожностью выбрался из «бьюика», обошел его, остановился у заднего бампера и стал с тоской разглядывать задние колеса.

Вдруг за спиной Хэллоранна раздался бодрый голос:

— Привет, парень! Да ты, видать, совсем рехнулся, мать твою?!

Хэллоранн обернулся. Ярдах в сорока ниже по дороге мерцала синяя мигалка. Сквозь снежный вихрь угадывалась торчащая над кабиной выхлопная труба. Водитель снегоуборочной машины, оказывается, давно уже подошел и стоял прямо за спиной Хэллоранна. На нем был непромокаемый плащ с поддетым под него длинным пальто из овчины. Нахлобученная на макушке водителя, невзирая на яростные порывы ветра.

(Приклеена. Ей-Богу, приклеена)

— Привет! — откликнулся Хэллоранн. — Можете вытащить меня на дорогу?

— Запросто, — ответил шофер. — Какого черта вас понесло в горы, мистер? Задницу не жалко?

— Неотложное дело.

— Ничего себе — «неотложное», — добродушно, с расстановкой произнес шофер, словно разговаривал с умственно отсталым. — Ежели бы вы шмякнулись об этот столб чуток покрепче, мистер, то вас бы оттуда не вытащили аж до 1 апреля. Нездешние, видать?

— Нездешний. И ни за что не поехал бы в эти горы, если бы не срочное дело.

— Вон как? — Водитель непринужденно сменил позу, словно беседовали они не под выюж-

ными вихрями, не под завывания бури, не рыдышком с автомобилем, который вот-вот сверзится в трехсотфутовую пропасть, а где-нибудь на заднем крыльце деревенского дома. — Куда вы ехали-то? В Эстес?

— Нет, в отель «Оверлук», — ответил Хэллоранн. — Это чуть повыше Сайдвиндера, и...

Водитель меланхолично кивнул:

— Да знаю я это местечко... Вот что я вам доложу, мистер. К «Оверлуку» вам нипочем не добраться. Дорога между Эстес Парком и Сайдвиндером — это прямо чертов ад, а не дорога. Чистишь ее, понимаешь, а отъехал на пару ярдов — позади опять сугроб намело. Я тут проезжал в паре миль отсюда, так там сугробы — футов в шесть вышиной. То есть ежели до Сайдвиндера еще кое-как и можно добраться, то дальше — ни-ни. Дорога закрыта аж до Баклэнда, штат Юта. Гиблое дело. — Водитель покачал головой. — И не вздумайте ехать туда, мистер. Нипочем вам туда не добраться.

— Я все же рискну, — сказал Хэллоранн, теряя терпение. — Там мальчишка...

— *Мальчишка?* Да вы что?! «Оверлук» закрывают в конце сентября. Смысла нет держать отель открытым. Слишком много дерьмовых бурь зимой — вроде нынешней.

— Этот мальчик — сын смотрителя. И он попал в беду.

— А вы почему знаете?

Терпение Хэллоранна лопнуло:

— Вы что, черт подери, так и будете трепать языком до вечера?! *Я знаю. Знаю!* Вы собираетесь вытаскивать мою машину или нет?!

— Рассердились, что ли? — все так же невозмутимо спросил водитель. — Вытащу я вас, конечно. Полезайте в машину. Я сейчас цепь приволоку.

Хэллоранн сел за руль. Только сейчас, с запозданием, его вдруг забила дрожь. Руки совершенно оледенели. Он забыл перчатки.

Снегоуборочная машина подъехала задним ходом к «бьюику»; водитель вылез из кабины, таща за собою уложенную в бухту цепь. Хэллоранн прокричал, приоткрыв дверцу:

— Чем мне вам помочь?

— Сидите себе на месте — вот и вся помощь, — откликнулся шофер. — Глазом моргнуть не успеете, как я вас вытащу.

Водитель не преувеличивал. Цепь натянулась, «бьюик» вздрогнул всем корпусом и через секунду уже стоял на дороге, развернутый в более-менее нужном направлении. Водитель снегоуборочной машины вновь вылез из кабины, подошел к «бьюику» и постучал в окно. Хэллоранн опустил стекло.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Извините, что накричал на вас.

— Да я же сам начал, — улыбнулся шофер. — Нервишки у вас, я гляжу, на пределе. Возьмите-ка вот это, — добавил он, и на колени Хэллоранну шлепнулась пара огромных синих рукавиц. — Понадобятся еще, когда опять с доро-

ги навернетесь. Холод-то собачий. Так что лучше наденьте их, ежели не хотите всю оставшуюся жизнь в носу крюком-протезом ковырять. Только верните обязательно. Мне их жена связала. Привык к ним, понимаешь. Там адрес мой на изнанке вышит и фамилия. Кстати, звать меня Ховард Котрелл. В общем, верните, как не будут нужны. Только почтовые расходы — за ваш счет. Имейте в виду.

— Ладно, — сказал Хэллоранн. — Спасибо. Чертовски вам благодарен.

— И поосторожнее. Я бы сам вас подбросил, да занят как тысяча чертей.

— Все нормально. Спасибо большое... — Хэллоранн начал поднимать стекло, но Котрелл остановил его:

— Вот еще что. Как доберетесь до Сайдвиндера — ежели, конечно, доберетесь, — зайдите на бензоколонку «Коноко» к Даркину. Это рядышком с этой... с библиотекой. Сразу увидите. Зайдите и спросите Лэрри Даркина. Скажите, что вы от Хови Котрелла, и попросите одолжить вам снегоход. Назовете мое имя, покажете рукавицы — и снегоход ваш.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Хэллоранн.

Котрелл кивнул:

— Забавно все это. Вы никак не можете знать о том, что кому-то худо в «Оверлуке»... Все телефоны отключены, это как пить дать. Но я вам верю. У меня, к примеру, бывает иногда такое предчувствие...

— У меня тоже, — кивнул Хэллоранн.

— Ну да, я так и понял. Но все равно будьте осторожней.

— Постараюсь.

Котрелл махнул на прощанье рукой и исчез в белом мареве; лихо заломленная фуражка победно держалась на макушке наперекор всем ветрам. Хэллоранн завел двигатель. Колеса, лязгнув намотанными цепями, пару раз крутанулись вхолостую, но потом все же вгрызлись в обледенелую трассу, и автомобиль двинулся вперед.

Ховард Котрелл погудел «на дорожку» клаксоном, желая Хэллоранну счастливого пути, хотя мог бы этого и не делать: Хэллоранн и без того чувствовал его расположение.

Два видения за день — это, должно быть, хорошее предзнаменование, думал Хэллоранн. Беда лишь в том, что он не верит в приметы — ни в плохие, ни в хорошие. Два видения за день (когда обычно их бывает не больше четырех-пяти в год) могут и вовсе ничего не означать. Ощущение того, что все близится к концу, чувство, *(словно все завернуто в обертку)*

которое он не вполне мог охарактеризовать, овладевало им все сильнее. Как будто...

«Бьюик» вдруг удумал разворачиваться боком на крутом повороте, и Хэллоранн полностью сосредоточился на управлении автомобилем, боясь даже дышать. Он включил радио. Передавали песню в исполнении Ареты Франклин, и это было замечательно. Хэллоранн готов делить «бьюик» с Аретой сутки напролет.

Очередной порыв ветра развернул «бьюик» в другую сторону. Хэллоранн, разразившись проклятиями, еще сильнее сгорбился над рулем. Песня закончилась, и в эфир вновь вторгся диск-жокей со своими напоминаниями о том, что автомобильная прогулка сегодня равносильно самоубийству.

Хэллоранн вырубил радио.

* * *

Он-таки добрался до Сайдвиндера, хотя дорога заняла четыре с половиной часа. Уже совсем стемнело, когда Хэллоранн выехал на Нагорное шоссе. Снежная буря не утихала. Дважды приходилось останавливаться перед сугробами вышиной с «бьюик» и дожидаться снегоуборочных машин. Одна из них едва не врезалась в «бьюик»: как раз в тот момент, когда снегоочиститель, поднимавшийся снизу, настиг автомобиль Хэллоранна, Дик вновь услышал зов Дэнни.

Водитель снегоуборочной машины в последнюю секунду сумел обогнуть «бьюик», но в отличие от Котрелла почему-то не вылез из кабины поболтать с Хэллоранном, а показал ему один из двух жестов, которые знакомы любому американцу старше десяти лет. Жест был явно недоброжелательный.

С каждой милей, приближавшей его к «Оверлуку», в Хэллоранне все сильнее нарастало желание добраться туда как можно быстрее.

Он почти не спускал глаз с наручных часов. Ему казалось, что стрелки крутятся как бешеные.

Минут через десять после того, как он выехал на Нагорное шоссе, Хэллоранн заметил на обочине два дорожных указателя. Ветер дул здесь с такой силой, что смел с них весь снег.

САЙДВИНДЕР — 10 МИЛЬ — было начертано на первом указателе.

СЛЕДУЮЩИЕ 12 МИЛЬ ЗАКРЫТЫ ДЛЯ ПРОЕЗДА В ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ — гласила вторая табличка.

— Лэрри Даркин, Лэрри Даркин, — твердил про себя Хэллоранн, чтобы не забыть имя. Черное лицо его, подсвеченное зеленоватыми огоньками приборной доски, было суровым и сосредоточенным. — Бензоколонка возле библиотеки. Лэрри...

В эту секунду Хэллоранну вдругшибануло в нос апельсиновым ароматом, а потом со страшной силой, причиняя адскую боль, застучало в мозгу:

(УБИРАЙСЯ ОТСЮДА ГРЯЗНЫЙ НИГТЕР НЕ СУЙ НОС НЕ В СВОЕ ДЕЛО ПОВОРАЧИВАЙ НАЗАД ПОВОРАЧИВАЙ А НЕ ТО МЫ ТЕБЯ ПРИКОНЧИМ ВЗДЕРНЕМ ТЕБЯ НА СУКУ ВОНЮЧИЙ УБЛЮДОК А ПОТОМ СОЖЖЕМ ТВОЙ ТРУП ВОТ КАК МЫ ПОСТУПАЕМ С НИГТЕРАМИ ТАК ЧТО ПОВОРАЧИВАЙ ОГЛОБЛИ)

Хэллоранн застонал. Послание явилось не в виде слов, а чередой загадочных образов, которые вдабливались в его череп с чудовищной си-

лой. Пытаясь избавиться от кошмарных видений, Хэллоранн инстинктивно отмахнулся от них руками.

Лишившись управления, автомобиль врезался правым бортом в ограждение, отскочил от него, словно мячик от стенки, развернулся на девяносто градусов и замер, беспомощно вращая задними колесами.

Хэллоранн рванул рычаг коробки передач, выключил двигатель и зарылся лицом в ладони. Нет, он не плакал — из судорожно вздымающейся груди вырывался истерический смех. Если бы приступ накатил на него на прямом участке дороги, лишенном ограждения, то он уже был бы трупом. Может быть, именно эту цель и преследовал тот, кто наслал на него страшные видения. Надо как-то защитит себя. Кругом — красная сила чудовищной мощи. И сила эта может обладать памятью.

Хэллоранн начал тонуть в собственном под-сознании.

Убрав руки с лица, он осторожно открыл глаза. Видения исчезли. Если неведомая сила и пыталась напугать его снова, то, видимо, у нее ничего не вышло. Не смогла она пробиться к нему в салон машины.

Но... неужели все это случилось с мальчиком? Господи, неужели *все это* случилось с ребенком?

Одно из видений терзало Хэллоранна сильнее других. Во время приступа он слышал какие-то глухие удары, словно кто-то дубасил мо-

лотком по головке сыра. Что бы это могло означать?

(Господи Иисусе, только не мальчик. Прошу тебя, Господи)

Хэллоранн врубил первую скорость и стал короткими толчками давить на газ. Колеса забуксовали, зацепились за снег, вновь забуксовали, опять зацепились... — и «бьюик» двинулся вперед, выхватывая фарами из темноты снежные вихри. Хэллоранн взглянул на часы. Почти полседьмого. Он почувствовал, что начинает сильно опаздывать.

РЕДРЭМ

Уэнди Торренс стояла в нерешительности посреди спальни, глядя на уснувшего сынишку.

Полчаса назад вдруг разом прекратились все звуки: остановился лифт, уgomонилась вечеринка, перестали хлопать двери. Но внезапно наступившая тишина лишь усугубила нараставшую в ней тревогу — все это весьма напоминало злоеущее затишье перед девятым валом. Зато Дэнни сразу уснул. Сначала он впал в легкое забытье, которое, однако, в последние десять минут перешло в глубокий сон. Даже с близкого расстояния Уэнди с трудом различала, как вздымается и опадает его узенькая грудь.

Когда же он в последний раз проспал всю ночь? Без кошмаров, без долгих часов бессонницы, заполненных призрачными голосами и видениями, о которых Уэнди узнала лишь пару дней назад, когда «Оверлук» зажал их втроем в своих тисках?

(Реальный ли это психический феномен или массовый гипноз?)

Уэнди не знала этого, да и какая разница? Как это ни назови — легче не станет, смертельной опасности не убавится. Она вновь взглянула на Дэнни и подумала,

(Господи, сделай так, чтобы он лежал спокойно)
что если его не тревожить, то он, может быть, проспит до утра. Какими бы чудесными способностями не был наделен ее сын, он пре-

жде всего маленький мальчик, которому требуется сон.

Теперь ее больше занимал Джек.

Уэнди вдруг скорчилась от внезапной боли и, отдернув руку ото рта, увидела, что нечаянно содрала себе ноготь. А ногти всегда были предметом ее гордости. Они были недостаточно длинны для того, чтобы называться роскошными, но все же имели красивую форму и

(и чего это ты переживаешь теперь из-за ногтей?)

Уэнди тихо рассмеялась, но смех этот был нервный, натянутый.

Сначала Джек перестал орать и ломиться в дверь. Потом вечеринка возобновилась

(а прекращалась ли она вообще? быть может, она просто временами переходила в другое измерение, где ее было не слышно?),

и возбужденный гул стал перемежаться с дребезжанием лифта. Затем наступила тишина, заснул Дэнни. А потом Уэнди вдруг почудилось, что снизу, из кухни, доносятся чьи-то приглушенные, заговорщицкие голоса. Поначалу она приняла их за шелест ветра, который может подражать самым разным человеческим голосам — от еле слышного шепота умирающего, когда он свистит из щелей в оконных рамах, до громкого вопля в водосточной трубе... Так кричат женщины, убегающие от убийцы-маньяка, в дешевых мелодрамах.

Но, вслушавшись в странные звуки, Уэнди пришла к выводу, что это все же человеческие голоса.

Голос Джека, обсуждающего с кем-то, каким образом выбраться из кладовки.

И как убить жену и сына.

Ничего нового в этих стенах не случится. Здесь убивали и в прежние времена.

Уэнди приложила ухо к отдушине, через которую в комнату поступал теплый воздух, чтобы получше расслышать разговор, но как раз в эту минуту в трубы поступила очередная порция горячего пара, и его шипение заглушило все звуки.

Пять минут назад паровой котел отключился, и в «Оверлуке» опять стало тихо. Лишь ветер бросал пригоршни снега с окна да поскрипывали половицы.

Уэнди взглянула на пораненный палец. Из-под ногтя крохотными капельками сочилась кровь.

(Джек выбрался из кладовки)

(Не мели чепуху)

(Да, он выбрался. Взял на кухне нож, а может, не нож, а может, топорик для разделки мяса и поднимается сейчас по лестнице, осторожно, чтобы не заскрипели ступеньки)

(Ты сошла с ума!)

У Уэнди задрожали губы, и казалось, что последняя фраза сейчас сорвется с ее уст... Тишина.

Она вдруг поняла, что кто-то смотрит на нее.

Резко обернувшись, Уэнди бросила взгляд на окно. Из-за стекла на нее смотрело ужасное, мертвенно-бледное лицо с черными дырами вместо глаз. Чудовищный маньяк, все время пря-

тавший в этих постанывающих стенах, что-то бормотал себе под нос и...

Это был всего лишь морозный узор на стекле.

Опомнившись, Уэнди со свистом выпустила из легких воздух и на этот раз уже совершенно определенно слышала доносящееся неведомо откуда радостное хихиканье.

(Ты уже шарахаешься от теней. Скверно. К утру созреешь для дурдома)

Есть только один способ избавиться от этих страхов. И Уэнди знает об этом.

Нужно спуститься вниз и самой убедиться в том, что Джек по-прежнему заперт в кладовке.

Проще простого. Спустись вниз. Загляни в щелку. И назад. Да, кстати — прихвати по дороге поднос со снедью. Он на регистрационной стойке. Омлет, конечно, придется выбросить, но суп, должно быть, еще вполне съедобен. Можно будет разогреть его на плитке.

(Ну да... если только он не поджидает тебя внизу с ножом)

Она передернула плечами, пытаясь стряхнуть с себя оковы страха, и подошла к туалетному столику, на котором лежала россыпь мелких монет, стопка счетов за топливо для гостиничного грузовика, две курительные трубки, которые Джек таскал повсюду с собою, хотя почти не курил... и связка ключей.

Уэнди подняла ключи, подержала их в руке и положила обратно. Она хотела запереть спальню, но раздумала.

Дэнни спал. Какие-то смутные мысли о пожаре промелькнули в ее голове, потом возникло еще какое-то видение, но Уэнди не обратила на это внимания.

Она пересекла спальню, постояла в нерешительности у дверей, потом достала из кармана своего халата нож и, крепко сжав его деревянную рукоять правой рукой, толкнула дверь.

Короткий коридор, ведущий в их покои, быть пуст. Электрические светильники в виде фонарей ярко освещали его, бросая круги света на синий ковер с черным извилистым узором.

(Вот видишь — никого здесь нет)

(Конечно, нет. Они хотят выманить тебя из спальни. Они хотят, чтобы ты совершила какую-нибудь глупость, поступила чисто по-женски... Именно это ты сейчас и делаешь)

Уэнди вновь заколебалась. Ей страшно не хотелось покидать Дэнни, уходить из безопасной спальни, но одновременно она испытывала непреодолимое желание лично убедиться в том, что Джек по-прежнему... надежно изолирован.

(Конечно, изолирован)

(Но эти голоса...)

(Не было никаких голосов. Тебе послышалось. Это ветер)

— Нет, не ветер.

Уэнди аж подпрыгнула от страха, услышав собственный голос. Но абсолютная убежденность, с которой прозвучала эта фраза, заставила ее двинуться вперед. Лезвие ножа сверкало в свете фонарей, отбрасывая блики на шелковые

обои. Домашние туфли шуршали о ворсистый ковер. Нервы были натянуты как струна.

Уэнди добралась до угла и свернула в главный коридор, готовая к встрече со всем, чем угодно.

Коридор был пуст.

После секундного колебания она двинулась по главному коридору. С каждым шагом, приближавшим ее к лестнице, Уэнди все больше охватывал ужас. Она вдруг осознала, что оставила спящего сына совершенно беззащитным. Еле слышный шорох домашних туфель стал казаться ей громким топотом; дважды Уэнди оглядывалась через плечо — ей мерещилось, что кто-то крадется сзади.

Она добралась до лестницы и опустила руку на холодные перила. Вниз, в вестибюль, вели девятнадцать широких ступеней. Она сотни раз пересчитывала их. Девятнадцать покрытых ковровой дорожкой ступеней, и ни на одной из них нет никакого Джека. Конечно, нет. Джек заперт в кладовке — за толстой деревянной дверью с массивной стальной задвижкой.

Но как же темно в вестибюле, и сколько в нем притаилось теней!

Ровно и сильно запульсировала жилка на горле.

Впереди призывно-дразняще распахнул свой медный зев лифт, приглашая Уэнди совершить лучшую поездку в жизни.

(Нет уж, увольте)

Кабина лифта была украшена розовыми и белыми лентами, пол усыпан конфетти, в левом

углу валялась пустая бутылка из-под шампанского.

Уловив какое-то движение этажом выше, Уэнди быстро обернулась и стала вглядываться в верхнюю лестничную площадку. Никого. Однако ее не покидало ощущение, что вещи

(вещи)

наверху отпрянули в темноту, вжались в стены третьего этажа за секунду до того, как она подняла взгляд.

Уэнди вновь посмотрела на ступеньки, ведущие в вестибюль.

Правая ладонь, которой она сжимала рукоять ножа, вспотела. Перехватив нож левой рукой, Уэнди вытерла потную руку о розовый махровый халат и снова переложила нож в правую ладонь. Почти бессознательно она стала спускаться по лестнице. Шаг левой, шаг правой. Шаг левой, шаг правой. Левая рука скользит по перилам.

(Куда все подевались? Как бы мне не испугнуть эту шайку заплесневелых пьянчужек... Я вас не боюсь! Женщину с ножом никому не запугать! Заводите музыку! Больше жизни!)

Десятая ступенька. Двенадцатая. Тринадцатая.

На эту ступеньку падала полоска тусклого желтого света от лампы на втором этаже, и Уэнди вспомнила, что, спустившись вниз, ей нужно будет зажечь свет в вестибюле, повернув один из двух выключателей — либо у входа в столовую, либо в кабинете управляющего.

Откуда-то еще лился слабый поток белого света.

Ах, да... Конечно же — лампы дневного света. В кухне.

Она задержалась на тринадцатой ступеньке, пытаясь вспомнить, выключила она их или нет, когда уходила из кухни вместе с Дэнни. Нет, никак не вспомнить...

Внизу, в вестибюле, неуклюже торчали из мрака высокие спинки кресел, кошачьими глазами блестели в темноте медные обивочные гвозди, к стеклянным входным дверям прильнуло белое покрывало наметенного снега. Спрятаться можно в сотне мест.

У Уэнди от страха одеревенели ноги, но она продолжала спускаться.

Семнадцатая ступенька. Восемнадцатая. Девятнадцатая.

(Вы уже в вестибюле, мадам. Осторожнее)

За распахнутыми дверями бального зала царил мрак, из которого доносилось размеренное тиканье. Бомба с часовым механизмом? Уэнди окоченела от ужаса, но потом вспомнила: это каминные часы. Наверное, их завел Джек. Или Дэнни... А может, они и сами завелись. В «Оверлуке» вещи творят, что хотят.

Она направилась к регистрационной стойке, намереваясь пройти через кабинет управляющего в кухню. На стойке серебристо поблескивал тот самый поднос со снедью, который Уэнди намеревалась захватить с собой наверх.

И тут раздался бой часов.

У Уэнди прилип к нёбу язык, но она тут же расслабилась. Часы бьют восемь, только и всего.

...пять, шесть, семь...

Уэнди считала удары. Ей вдруг почему-то взбрело в голову, что нельзя двигаться с места, пока часы не кончат отбивать время.

...восемь... девять...

(Девять??)

...десять... одиннадцать...

Она наконец сообразила, в чем дело, и неуклюже повернулась к лестнице, понимая, что опоздала. Ну откуда ей было знать?

Двенадцать.

В бальном зале вспыхнул свет. Фанфары пронзительно грянули туш. Уэнди завопила изо всей мочи, но крик ее потонул в реве меди и лишь потом отозвался эхом:

— Сбрось маску... маску... маску...

Затем стихло и эхо, словно заплутав в бесконечных коридорах времени, и Уэнди вновь осталась одна-одинешенька.

Нет, не одна.

Уэнди обернулась: он приближался к ней.

Джек. И в то же время не Джек. Глаза его горели свирепым огнем. На столь знакомых Уэнди губах играла зловещая, больше похожая на оскал улыбка.

В руке — крокетный молоток.

— Заперла меня, значит, да? Думала небось, что я в кладовке сижу? — Молоток со свистом рассек воздух, Уэнди отпрянула, споткнулась о подушечку и упала на ковер.

— Джек...

— Сука... — процедил он сквозь зубы. — Я знаю, кто ты.

Молоток вновь засвистел и с чудовищной силой ударил Уэнди в живот. Уэнди утонула в океане боли. Различив помутневшим взором поднимающийся для нового удара молоток, она вдруг поняла, что Джек хочет забить ее до смерти. Вот этим самым молотком.

Уэнди попыталась крикнуть, попросить его опомниться ради их ребенка, но Джек вышиб из нее дух. Вместо крика получился еле слышный стон.

— Сейчас... Сейчас я тебя... — сказал Джек, ухмыляясь, и отшвырнул мешающуюся под ногами подушку. — Сейчас ты у меня получишь.

Молоток понесся вниз. Уэнди перекатилась влево. Халат задрался выше колен. Молоток воткнулся в пол, спружинил и выпал из рук Джека. Пока он нагибался за ним, Уэнди вскочила и, хватая ртом воздух, побежала к лестнице. Живот превратился в огромный пульсирующий сгусток боли.

— Сука! — повторил Джек с мерзкой ухмылкой и двинулся вслед за ней. — Сука вонючая! Никуда ты не денешься! Никуда!

Молоток опять со свистом рассек воздух, и правый бок Уэнди взорвался адской болью: Джек сломал ей два ребра. Она упала на ступеньки и взвыла от новой вспышки боли, ударившись о лестницу сломанными ребрами. Повинуясь инстинкту, Уэнди откатилась в сторону, преодолевая дикую боль. Молоток воткнулся в коверную дорожку в каком-то дюйме от ее головы. Тут-то Уэнди и увидела нож, выпавший из

ее рук во время падения. Он лежал, поблескивая, на четвертой ступеньке.

— Сука! — Молоток опять пошел вниз. Уэнди, собрав все силы, ухватила за ступеньку и подтянулась повыше. Удар пришелся по ноге, чуть пониже колена. Икру обдало жаром. Из раны побежала струйка крови. А молоток тем временем снова навис над Уэнди. Она лишь успела мотнуть головой — молоток, ободрав ей ухо, вонзился в ступеньку между виском и плечом Уэнди.

Джек вновь взмахнул молотком. На этот раз она бросилась ему под ноги. Захрустели сломанные ребра, Уэнди завизжала от боли, и это спасло ее. Джек на мгновение замешкался, Уэнди скатилась с верхней ступеньки и всем телом ударила его по ногам. Джек потерял равновесие, засучил ногами, пытаясь удержаться на лестнице, но сорвался и, крича от ярости и недоумения, грохнулся оземь. Молоток вылетел из его рук. Приподнявшись, Джек обалдело уставился на Уэнди.

— Я убью тебя за это! — сказал он и перевернулся на живот, пытаясь дотянуться до молотка. Уэнди заставила себя встать. Пульсирующая боль волнами поднималась от левой икры к бедру. Лицо ее стало пепельно-серым, но во взгляде читалась непоколебимая решимость. Джек дотянулся до рукояти молотка, но в это мгновение Уэнди прыгнула ему на спину.

— Господи!!! — завопила она что есть мочи и всадила кухонный нож в спину Джека по самую рукоятку.

Джек вмиг одеревенел, а потом вдруг завизжал. Такого душераздирающего звука Уэнди не слышала ни разу в жизни; казалось, что разом закрипели все половицы, оконные рамы и двери «Оверлука». Все тело Джека свело судорогой, и они с Уэнди стали походить на причудливую конную статую. Вот только конь исходил душе-раздирающим ржанием да по красно-белой клетчатой фланелевой попоне расползлось темное, набрякшее кровью пятно.

Затем он рухнул ничком на пол, сбросив с себя Уэнди. Она вновь упала на раненый бок, застонала от боли и осталась лежать рядом с Джеком, не в силах пошевелиться. Все ее тело превратилось в одну большую пульсирующую рану. При каждом вдохе все нутро содрогалось от вспышки адской боли. Кровь из рассеченного уха перепачкала шею.

На какое-то время в «Оверлуке» стало тихо: слышны были только хриплое дыхание Уэнди, завывание ветра и тиканье часов в бальном зале.

Потом Уэнди заставила себя подняться и захромала к лестнице. Теряя сознание, она повисла на перилах, поникнув головой. Когда волна дурноты схлынула, Уэнди принялась карабкаться по лестнице, цепляясь за перила и стараясь не наступать на больную ногу. Ей даже хватило сил разок поднять голову и взглянуть на верхнюю лестничную площадку. Уэнди показалось, что там стоит Дэнни, но лестница была пуста.

(Слава Богу что он спал все это время слава Богу слава Богу)

На шестой ступеньке пришлось сделать передышку. Уэнди уронила голову, светлые волосы длинными прядями свесились за перила. Дыхание с хрипом вырывалось из ее горла, правый бок превратился в горячее кровавое месиво.

(Давай Уэнди давай старушка доберись до комнаты запри за собою дверь а уж потом разберешься и с ранами осталось тринадцать ступенек не так уж много. А когда доберешься до лестничной площадки можешь ползти дальше на четвереньках. Разрешаю)

Она вдохнула как можно глубже — сколько позволяли сломанные ребра, — и, подтянувшись, вползла на следующую ступеньку. Потом на восьмую.

Добравшись до девятой, одолев почти полпути, Уэнди вдруг услышала из-за спины слабый голос Джека:

— Сука. Ты убила меня.

Уэнди окатило черным ужасом. Оглянувшись, она увидела, как Джек медленно поднимается на ноги.

В спине его торчала рукоятка ножа. Глаза превратились в узкие щелочки, практически утонув в складках бледной кожи, левой рукой он придерживал за рукоять окровавленный крокетный молоток, к которому прилип розовый лоскут ее халата.

— Я проучу тебя... — сказал он шепотом и заковылял к лестнице.

Хныча от страха, Уэнди подтянулась еще на одну ступеньку. Одолела двенадцатую ступень, тринадцатую... Но лестничная площадка второго этажа по-прежнему маячила где-то далеко недо-

ступной горной вершиной. Уэнди задыхалась, сломанные ребра протестующе хрустели, сплывшиеся волосы болтались из стороны в сторону, пот застилал ей глаза. Гулкими ударами отдавалось в ушах тиканье часов из бального зала. Контрапунктом к нему зазвучали хрипы начавшего подниматься по лестнице Джека.

ХЭЛЛОРАНН ПРИБЫВАЕТ

Лэрри Даркин оказался долговязым тощим мужичком с мрачной физиономией и роскошной копной огненно-рыжих волос. Хэллоранн перехватил его в дверях бензоколонки. Хозяин заправки собирался домой, и ему было наплевать на то, откуда добирался к нему Хэллоранн — в этот ненастный день Лэрри Даркин пальцем больше не шевельнет. И одалживать один из своих снегоходов чернокожему с бешеными глазами, которому невтерпещ ехать в «Оверлук», Лэрри Даркин не собирается. У жителей Сайдвиндера отель пользуется дурной славой. Там убийства случаются. Однажды, например, в «Оверлуке» укрылась банда головорезов, а потом там нашли каких-то важных шишек с перерезанными глотками.

Только в газеты все это, конечно, не попало — за деньги ведь любое дело можно замять. Но от сайдвиндерцев ничего не скроешь! Почти все горничные в отеле — жительницы Сайдвиндера, и они много чего видели, они...

Но тут Хэллоранн упомянул имя Ховарда Котрелла. А потом показал ярлычок на изнанке рукавицы. Даркин вмиг растаял:

— Ко мне, значит, велел обратиться? — переспросил он, отпирая гараж. — Проходите... Помнит, значит, старая кляча... А я уж думал, что он совсем обо мне забыл.

Даркин щелкнул выключателем. Зажужжали, медленно разгораясь, старые, донельзя замызганные люминесцентные лампы.

— А какого лешего тебе приспичило в «Оверлук»-то ехать? А, парень? — опомнился вдруг Даркин.

Хэллоранн едва не сорвался. Последние мили на пути к Сайдвиндеру были сущим кошмаром. Порывы ветра достигали, наверное, шестидесяти миль в час, и один из них развернул «бьюик» на 360 градусов. А ему еще пилить и пилить до «Оверлука», и одному лишь Богу известно, что его там ждет... Хэллоранн страшно переживал за мальчика. Уже без десяти семь, совсем стемнело, а ему опять ехать сквозь эту снежную свистопляску.

— Там мальчишка в беде, — как можно спокойнее произнес Хэллоранн. — Сын зрителя.

— Кто?! Сынишка Торренса?! И какая же это с ним беда приключилась?

— Не знаю, — процедил сквозь зубы Хэллоранн. Его уже мучило оттого, что приходится тратить впустую столько драгоценного времени. Он, конечно, понимал, что собеседник его — деревенский житель, который должен все вынюхать, разложить по полочкам, прежде чем на что-то решиться. Но Хэллоранн не может ждать: еще немного, и старый ниггер Дик сломается, бросит все и даст отсюда деру.

— Послушайте, — взмолился Хэллоранн. — Мне нужно туда добраться, и мне для этого необходим снегоход. Пожалуйста! Я заплачу вам,

сколько скажете, но только Бога ради — дайте мне спокойно завершить свое дело!

— Ладно, — невозмутимо произнес Даркин. — Ежели за вас Ховард словечко замолвил, то мне этого вполне достаточно. Берите снегоход. Бак полон, а с собой я вам еще пятигаллоновую канистру дам. Думаю, на дорогу туда и обратно топлива должно хватить.

— Спасибо, — поблагодарил Хэллоранн, не совсем еще остыв.

— С вас двадцать долларов. Это вместе с бензином.

Хэллоранн вынул из бумажника двадцатидолларовую бумажку и протянул Даркину. Тот сунул банкнот в нагрудный карман, даже не взглянув на него. Потом начал стягивать с себя меховую парку.

— Думаю, нам надо одежкой поменяться. А то ваше пальтишко не для нынешней погодки. Вернете парку вместе со снегоходом.

— Но, право же... я не могу... спасибо, конечно, но...

— И не спорьте со мной, — спокойно перебил его Даркин. — Я не хочу, чтобы вы замерзли по дороге. Мне тут пару кварталов пройти — и я уже дома, сижу, ужинаю. Снимайте пальто.

Немного обалдевший Хэллоранн обменялся одеждой с Даркином. Над головой тихо жужжали люминесцентные лампы, напоминая Хэллоранну о таких же лампах в кухне «Оверлука».

— Сынишка Торренса, значит... — покачал головой Даркин. — Шустрый такой пострел, правда? И симпатичный. Они с отцом частенько тут

бывали, пока снегу не навалило. На гостиничном грузовичке приезжали. Сдается мне, что они друг с другом крепко дружат. Мальчишка, похоже, очень любит своего отца. Надеюсь, с ним все будет в порядке.

— Я тоже надеюсь, — сказал Хэллоранн и, застегнув «молнию», надел капюшон.

— Давайте помогу вам снегоход вывезти, — предложил Даркин, и они покатали снегоход по заляпанному машинным маслом бетонному полу гаража к выходу.

— Ездили раньше на таком? — поинтересовался Даркин.

— Нет, не приходилось.

— Не беда. Это пара пустяков. Там все инструкции на щитке написаны. Но можете их не читать. Главное — уметь трогаться с места и останавливаться. Руль — как у мотоцикла. Справа — газ, слева тормоз. Только потише на поворотах. Этот малыш на укатанном снегу выдает семьдесят миль в час. По сугробам, правда, не больше пятидесяти, но вам быстрее и ни к чему.

Когда они выкатили снегоход из гаража, Даркину пришлось орать во всю глотку, чтобы перекричать вой ветра:

— Только не съезжайте с трассы! — вопил он в ухо Хэллоранну. — Ежели съедете — считайте, что вы труп. Так что следите за указателями, и все будет в порядке. Понятно?

Хэллоранн кивнул.

— Погодите еще минутку! — вспомнил про что-то Даркин и побежал обратно в гараж.

Хэллоранн тем временем вставил ключ в замок зажигания и пару раз газанул. Снегоход, закашляв, ожил.

Даркин вернулся с красно-черной вязаной шлемом-маской.

— Вот! Возьмите! — крикнул он.

Хэллоранн надел шлем. Он облегал лицо слишком плотно, но зато Дик теперь был полностью защищен от ветра.

Даркин наклонился к самому уху Хэллоранна, чтобы тот расслышал его:

— Вы, видать, ясновидящий. Вроде Хови Котрелла. У него, знаете, бывают эти... предчувствия... — прокричал он. — Ну и ради Бога, мне-то что... Только у «Оверлука» в нашей округе дурная слава. Хотите, ружье одолжу?

— Вряд ли оно поможет! — заорал Хэллоранн в ответ.

— Что ж, дело хозяйское. Но ежели доберетесь до мальчишки, то на обратном пути милости прошу к нам в гости. Пич-Лайн, дом 16. Жена вам супчику стготовит...

— Договорились. Спасибо за все.

— Будьте внимательны! Следите за дорогой!

Хэллоранн кивнул и осторожно повернул ручку газа. Снегоход плавно тронулся с места. Передняя фара высверливала из темноты конус света, в котором густо валил снег. Увидев в зеркале заднего вида машущего рукой Даркина, Хэллоранн помахал ему в ответ, потом повернул руль влево и выехал на освещенную Главную улицу. Снегоход плавно скользил по накапанному снегу. Стрелка спидометра держалась

на отметке 30 миль в час. Было уже десять минут восьмого. В «Оверлуке» Уэнди и Дэнни легли спать, а Джек Торренс беседовал о жизни и смерти со своим предшественником на посту смотрителя отеля.

Через пять кварталов остался позади последний уличный фонарь. Еще с полмили тянулись небольшие домики, наглухо запертые по случаю непогоды, а дальше начинался мрак.

Очутившись в крошечной темноте, разрезаемой лишь тонким лучом света передней фары снегохода, Хэллоранн вдруг струсил. Им вновь овладела гнетущая детская боязнь темноты. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким. Когда в зеркале заднего вида исчезли последние редкие огни Сайдвиндера, Хэллоранн с трудом поборол искушение развернуться и уехать обратно.

Только сейчас он сообразил, что Лэрри Даркин, при всем его добром отношении к мальчику, не предложил составить ему компанию.

(У «Оверлука» в нашей округе дурная слава.)

Стиснув зубы, Хэллоранн поддал газу. Стрелка спидометра поползла вправо и остановилась на отметке 45 миль в час. Снегоход неслся с бешеной скоростью, но Хэллоранн все равно боялся опоздать. Если ехать с такой скоростью, то дорога до «Оверлука» займет почти час. Но делать нечего: если прибавить газу, то туда можно вообще никогда не добраться.

Хэллоранн не сводил глаз со светоотражателей на столбиках ограждения. Кое-где их занесло снегом, и Дик дважды замечал столбики

слишком поздно — снегоход взлетал на высящиеся вдоль обрыва сугробы, и Хэллоранну лишь в последнюю секунду удавалось вырулить на трассу. Одометр лениво отсчитывал пройденные мили — пять, десять, пятнадцать... Даже вязаный шлем не спасал от мороза. А уж ноги окоченели совершенно.

(Я, пожалуй, отдал бы сотню долларов за лыжные штаны.)

С каждой милей страх Хэллоранна усиливался — словно отель был окружен некой отравленной атмосферой, действие которой возрастало по мере приближения к эпицентру. Неужели так было и раньше? Хэллоранн недолюбливал «Оверлук», и многие разделяли его неприязнь, но все же такого яда отель прежде не источал.

Хэллоранн чувствовал, что голос, который прорвался в его сознание на подступах к Сайдвиндеру, не оставляет своих попыток вторгнуться в мозг Дика еще раз. Если этот голос обладал такой мощью в двадцати пяти милях отсюда, то какова же его сила здесь? Хэллоранну все труднее было сдерживать натиск голоса, так что кое-какие зловещие видения все же проникли в его подсознание. Особенно навязчивым было одно из них: в ванной комнате какая-то зверски избитая женщина тщетно пыталась заслониться от чудовищных ударов. Хэллоранн все больше склонялся к тому, что женщина эта...

(Господи, осторожнее!)

Огромный, словно товарный поезд, сугроб, наметенный на обочине, неся навстречу Хэллоранну. Погруженный в свои мысли, Хэллоранн

забыл про дорогу и пропустил поворот. Опомнившись, он рванул руль вправо до отказа, и снегоход, заложив крутой вираж, отвернул от края пропасти, едва не перевернувшись. Лязгнула о выступ скалы гусеница снегохода, и Дик подумал, что сейчас окажется погребенным под грудой металла. Снегоход встал на дыбы, какую-то долю секунды балансируя на самом краю бездны, и... сполз задом на дорогу. Взору Хэллоранна предстала зияющая пропасть. Хэллоранн осторожно повернул руль. На шее бешено запульсировала жилка.

(Держись дороги Дикки старый хрен.)

Хэллоранн рискнул и подбавил газу. Стрелка спидометра доползла до отметки 50 миль в час. Ветер неистовствовал. Фара выхватывала из мрака снежные вихри.

Дик не знал, сколько прошло времени, прежде чем за поворотом блеснули какие-то огни. Через секунду они исчезли из виду, скрывшись за горой. На следующем повороте огоньки вновь возникли из темноты на несколько секунд — уже поближе. На этот раз Хэллоранн не сомневался: это не мираж, это «Оверлук»; он не раз видел его именно с этой точки. Первые два этажа отеля сияли огнями.

Один из его многочисленных страхов — а именно боязнь свалиться в пропасть или разбить снегоход на неожиданном повороте — исчез бесповоротно. Снегоход уверенно вписался в первый полукруг горного серпантина, знакомого Хэллоранну до последнего фута, и в это время свет фары выхватил из мрака

(О Господи, что это?)

какого-то зверя. Увидев черные и белые пятна на теле зверя, Хэллоранн поначалу подумал, что перед ним невероятных размеров горный волк, которого снежная буря согнала с вершин пониже. Но, подъехав ближе, Хэллоранн понял, что ошибся, и едва не задохнулся от ужаса.

Это был не волк, а лев. Лев из изгороди.

Призрачное черное тело его было покрыто пятнами снега. Поджав задние лапы, лев готовился к прыжку.

И он прыгнул, вздымая из-под лап облака снежной пыли, хрустально искрившейся в свете фары.

Хэллоранн завопил от страха и, пригнувшись к рулю, резко повернул его вправо. В то же мгновение жуткая, скребущая боль обожгла ему лицо, шею и плечи. Изодранный шлем сполз на затылок. Дик упал со снегохода и, кувыркаясь, пропахал носом снежную целину.

Он чувствовал, что лев подбирается к нему. В нос ударил горький запах можжевельниковых листьев. Хэллоранн попытался приподняться, но удар могучей лапы отбросил его футов на десять. Дик неуклюже распластался в воздухе, словно тряпичная кукла. Он успел заметить, как снегоход, лишившись седока, врезался в сугроб, встал на дыбы, шаря фарой по небесам, и, перевернувшись, рухнул на дорогу, увязнув наконец в снегу.

Тем временем лев настиг его. Раздался шелест, потом треск, и что-то заскребло по меховой парке Хэллоранна, разрывая ее в клочья.

Это были, наверное, просто прутья, но Дик знал, что ветки эти сейчас превратились в когти льва.

— Тебя нет! — закричал Хэллоранн на сердито фыркающего, игриво припадающего к земле льва из изгороди. — *Тебя нет!*

С трудом поднявшись на ноги, он поплелся к снегоходу. Дик одолел примерно половину пути, когда лев устремился за ним и наотмашь ударил лапой, увенчанной когтями-колючками, по голове. Мозг Хэллоранна взорвался огнями.

— Тебя нет... — пробормотал он слабеющим голосом. Колени его подогнулись, и Хэллоранн рухнул в снег. Собрав последние силы, он пополз к снегоходу. Вся правая щека превратилась в кровавое месиво. Лев ударил Дика еще раз, переворачивая его на спину, словно черепашку, и радостно заурчал.

Хэллоранн снова пополз к снегоходу. Он непременно должен добраться до него. В этом — его спасение. Лев опять набросился на Хэллоранна, разрывая когтями остатки одежды.

УЭНДИ И ДЖЕК

Уэнди рискнула еще раз оглянуться через плечо. Джек уже достиг шестой ступеньки. Крепко вцепившись в перила, он продолжал ухмыляться, скаля зубы. Струйка крови стекала из уголка рта по подбородку.

— Я вышибу из тебя мозги. К чертовой матери! — Джек поднялся еще на одну ступеньку.

Уэнди, подхлестываемая паникой, на мгновение забыла о боли и, судорожно цепляясь за перила, бросилась вперед. Добравшись до лестничной площадки, она оглянулась еще раз.

Джек, похоже, набирал силы, а не терял их. Он был всего в четырех ступеньках от лестничной площадки. Правой рукой Джек цеплялся за перила, а левой примеривался к удару.

— Я тут, рядышком, — пропыхтел он, словно прочитав ее мысли, и снова оскалил окровавленный рот. — У тебя за спиной, сука! С лекарством для тебя!

Уэнди, прижав руки к правому боку, помчалась, спотыкаясь, по главному коридору.

Одна из дверей внезапно распахнулась, и из номера выскочил человек в зеленой маске упыря.

— *Знатная вечеринка, а?* — заорал он ей в лицо и дернул за навощенную веревочку хлопушки. Раздался хлопок, и Уэнди окутали разноцветные ленты. Упырь захихикал и исчез за дверью. Уэнди упала, растянувшись на ковре во весь рост.

Правый бок взорвался болью, и она с безнадежностью подумала о том, что теряет сознание. Где-то далеко загудел лифт. Черный узор ковра под ее вывернутыми пальцами вдруг ожил и зазмеился бесконечной лентой.

Сзади с грохотом воткнулся в ковер молоток. Уэнди метнулась вперед, оглянулась, рыдая, через плечо, и увидела, как Джек, потеряв равновесие, грохнулся оземь, успев тем не менее взмахнуть молотком. Окропив алой кровью ковер, Джек остался лежать неподвижно.

Молоток же ударил Уэнди аккуратно меж лопаток. Боль была такая чудовищная, что у нее не хватило сил даже на стон. Уэнди молча корчилась на полу, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Что-то в ней хрустнуло — она ясно услышала этот хруст, — и Уэнди «поплыла»: казалось, что она смотрит на мир сквозь дымчатую вуаль.

Затем сознание вернулось, и вместе с ним вернулись боль и страх.

Джек пытался встать, чтобы добить ее.

Уэнди тоже решила подняться, но не смогла: тысячи молний вонзились ей в спину при первой же попытке. Тогда она поползла на боку. Джек полз за нею, используя в качестве рычага молоток.

Уэнди добралась до угла, вцепилась в выступ стены, подтянулась и перетаскала себя в коридор, ведущий в спальню. Страх усилился. Уэнди отказывалась в это верить, но оказалось, что, когда не видишь своего врага, не знаешь, как близко он находится, — становится в тысячу раз

страшнее. Уэнди вцеплялась пальцами в ковер, подтягивалась, вновь вцеплялась. Так она одоле-
ла полкоридора, когда вдруг заметила, что дверь
в спальню широко распахнута.

(Дэнни! О Господи...)

Превозмогая боль, Уэнди привстала на четвереньки, вцепилась ногтями в шелковые обои и выпрямилась в полный рост. Не обращая внимания на боль, она, пошатываясь, доковыляла до двери в спальню, когда из-за угла показался Джек. Опираясь о молоток, он стремительными толчками стал приближаться к открытой двери.

Уэнди ухватила за торец туалетного столика, оперлась о него одной рукой, а другой вцепилась в дверную ручку.

— Не закрывай дверь! — заорал Джек. — Ты не *посмеешь* закрыть ее, черт тебя дери!

Уэнди захлопнула дверь и закрыла задвижку. Затем пошарила левой рукой по поверхности туалетного столика, смахнув на пол мелочь. Монетки, звеня и подпрыгивая, разлетелись в разные стороны. Когда она наконец нащупала связку ключей, Джек уже дубасил молотком по двери. Дверь вздрагивала, грозя сорваться с петель. Со второй попытки Уэнди попала ключом в замочную скважину и повернула его вправо. Услышав, как защелкивается замок, Джек пришел в ярость. Он обрушил на дверь такой град могучих ударов, что Уэнди, дрогнув, отступила подальше. Как это ему удастся? У него же нож в спине! Откуда он берет силы? Уэнди хотелось заорать: *«Почему ты не мертв?»*

Вместо этого она внимательно огляделась вокруг. Если Джеку все же удастся ворваться в спальню, то они с Дэнни запрутся в ванной комнате. Можно, конечно, спуститься в подъемнике для подачи кушаний из кухни. Дэнни запросто поместится в нем. Вот только каким образом регулировать натяжение троса? А вдруг лифт сразу ухнет вниз? Нет, лифт не годится.

Значит, ванная. Но Джек может ворваться и туда...

Не думай об этом.

— Дэнни, солнышко, просыпай...

Кровать была пуста.

Уэнди помнила, что, когда Дэнни уснул покрепче, она укрыла его одеялом. Теперь одеяла были отброшены в сторону.

— Я доберусь до тебя! — вопил Джек. — До обоих доберусь!

Каждое слово в этой фразе сопровождалось ударом молотка о дверь. Но Уэнди было наплевать и на вопли, и на молоток. Ее заботила лишь пустая кровать.

— Дэнни... — позвала она шепотом.

Конечно же... когда Джек напал на нее... Дэнни об этом сразу же узнал. Быть может, он даже увидел всю сцену во сне. Дэнни прячется.

Уэнди неуклюже опустилась на колени, пересиливая боль в истекающей кровью ноге, и заглянула под кровать. Ничего, кроме хлопьев пыли и тапочек Джека.

Джек, неустанно талдыча имя своей жены, снова ударил молотком по двери, и от нее отще-

пился длинный кусок обшивки. Еще удар, и в двери появилась трещина. Сухая древесина затрещала под ударами молотка. Окровавленный молоток, облепленный щепками, метко бил по трещине, расширяя ее с каждым ударом. По всей комнате разлетались ошметки древесины.

Уэнди оперлась о спинку кровати, встала и заковыляла к гардеробу. Сломанные ребра впивались в израненную плоть, заставляя ее стонать от боли.

— Дэнни? — Уэнди смела в сторону висющую на вешалках одежду. Некоторые из платьев упали на дно шкафа. Дэнни в гардеробе не было.

Уэнди захромала к ванной, оглядываясь на ходу. Молоток еще раз ударил по двери, а потом в образовавшейся дыре показалась рука Джека. Пальцы его тянулись к задвижке. Уэнди с ужасом обнаружила, что забыла ключ в замке.

Рука отодвинула задвижку и случайно наткнулась на связку ключей. Связка весело звякнула. Рука торжествующе выдернула ключ из скважины.

Уэнди рыдая бросилась в ванную и захлопнула за собой дверь как раз в тот момент, когда Джек, рыча, ворвался в спальню.

Уэнди закрыла задвижку, повернула пружинный запор и в отчаянии огляделась. Ванная пуста. Дэнни нет и здесь. И слава Богу, подумала она, увидев в зеркале аптечки свое окровавленное, искаженное ужасом лицо. Уэнди всегда придерживалась мнения, что дети не должны

видеть ссор своих родителей. И, может быть, эта тварь, что рыскает сейчас по спальне, переворачивая все вверх дном и колошматя все, что ни попадется под руку, — быть может, эта тварь сдохнет прежде, чем доберется до ее сына. Быть может, подумала Уэнди, мне удастся каким-то образом изувечить эту тварь... убить ее, наконец.

Уэнди стала шарить глазами по ванной комнате, пытаясь отыскать какую-нибудь вещь, которая может послужить оружием. Кусок мыла. Можно завернуть его в полотенце и сделать пращу, но убить таким оружием невозможно. Уэнди перебрала все предметы. Ничего не годится. Господи, неужели нет никакого выхода?

За дверью продолжался погром, сопровождаемый хриплыми криками о том, что «он их прочит», «они заплатят за все». Он им покажет, «кто здесь хозяин», этим «никчемным щенкам».

С грохотом перевернулся проигрыватель, раскололся от удара кинескоп подержанного телевизора, со звоном вылетело оконное стекло, и из-под двери сразу потянуло сквозняком. Глухой удар: Джек сбросил с кровати матрасы. Господи, она спала на этих матрасах, обнявшись с тем самым чудовищем, которое в слепой ярости крушит стены спальни.

В этом орущем, бормочущем, сокрушающем все существе не было ничего от настоящего Джека. Существо то хныкало, исходя от жалости к самому себе, то вдруг принималось душе-раздирающе орать. Эти крики напомнили Уэнди больницу, в которой она подрабатывала во вре-

мя школьных каникул санитаркой. Из специальных больничных камер доносились такие же звуки. Врачи называли это «старческим слабумием». Джек перестал существовать. Приняв его облик, буйствовал в спальне сам «Оверлук».

Молоток обрушился на дверь ванной, пробив дыру в тонкой перегородке. Из этой дыры на Уэнди уставилось лицо сумасшедшего. Вернее, пол-лица. Губы, щеки, шея — все в крови, единственный видимый из ванной глаз существа был совсем крошечным, поросячьим.

— Больше тебе бежать некуда, шлюха вонючая! — рявкнуло чудище, ухмыляясь.

Молоток вновь обрушился на дверь. Щепки разлетались по всей ванной, падая в раковину, ударяясь о зеркало аптечки...

(Аптечка!!!)

Из груди ее вырвался вздох облегчения. Забыв на время о боли, Уэнди распахнула зеркальную дверцу маленького шкафчика и стала лихорадочно шарить по полкам. Из спальни доносился хриплый рев:

— А вот и я! Я иду к тебе, свинья! — верещало существо, круша дверь с яростью автомата.

Из шкафчика в раковину попадали со звоном склянки с лекарствами, бутылки из-под шампуня, но Уэнди, не обращая на это внимания, продолжала шарить по полке. Наконец рука ее ухватила за бритвенный станок с двойными лезвиями.

В эту самую секунду существо просунуло ру-

ку в пробитую молотком дыру и стало нащупывать задвижку.

Уэнди, прерывисто дыша, вытащила дрожащей рукой одно из лезвий, поранив подушечку большого пальца; повернулась к двери и полоснула бритвой по руке, которая уже справилась с пружинным замком и теперь дергала задвижку.

Джек заорал. Рука исчезла.

Уэнди зажала бритву между большим и указательным пальцами и, тяжело дыша, стала ждать вторую попытку. Джек опять просунул руку в отверстие. Уэнди ловко полоснула по ней лезвием. Джек снова завопил и попытался ухватить ее за руку, но Уэнди увернулась и ударила бритвой еще раз. Лезвие выскользнуло из ее пальцев и, поранив ладонь, упало на пол возле унитаза.

Уэнди вынула второе лезвие и застыла в ожидании.

Какое-то движение в спальне...

(Он что, уходит?!)

И какой-то звук, доносящийся через разбитое окно спальни. Шум мотора на высокой, дребезжащей ноте.

Недовольный рык Джека, и потом — да, да, она уверена в этом — удаляющиеся шаги. Пробравшись через разгромленную спальню, Джек вышел в коридор.

(Кто-то едет, бродяга Дик Хэллоранн?)

— Господи, — прошептала она судорожно.

Ей казалось, что рот забит опилками попеременно с булавками. — Пожалуйста, Господи!

Теперь пора отправляться на поиски сына. Финал этого кошмара они должны пережить вместе. Уэнди протянула руку, чтобы открыть дверь. До задвижки была целая миля, но Уэнди все же дотянулась. Открыв дверь, она вышла из ванной и оцепенела от ужаса. Только сейчас до нее дошло, что Джек мог всего лишь прикидываться и на самом деле никуда он не ушел и теперь ждет, притаившись, когда она выйдет из ванной.

Уэнди огляделась. В спальне никого, в гостиной — тоже.

В шкафу? Пусто.

Серая пелена вдруг окутала Уэнди, и она без чувств рухнула на матрас, который Джек стащил с кровати на пол.

ХЭЛЛОРАНН ВЫХОДИТ ИЗ ИГРЫ

Хэллоранн добрался до перевернутого снегохода как раз в ту секунду, когда Уэнди в «Оверлуке», обогнув угол, вошла в узкий коридор, ведущий в номер, приспособленный под квартиру зрителя.

Хэллоранну нужен был не сам снегоход, а канистра, притороченная к багажнику парой эластичных ремней.

Хэллоранн успел развязать верхний ремень, когда за спиной опять зарычал лев — рык этот раздался скорее в голове Хэллоранна, нежели действительно донесся из-за спины. Мощный, размашистый удар пришелся по левой ноге Хэллоранна, обжигая колено нестерпимой болью.

Сквозь стиснутые зубы Хэллоранна вырвался стон. Льву, видно, надоело резвиться, и теперь он мог убить Дика в любую минуту.

Хэллоранн рванул второй ремень. Кровь застилала ему глаза.

(Рев! Удар!)

На этот раз он пришелся по ягодицам Дика, едва не сбив его с ног. Хэллоранн устоял. Он знал, что падение равносильно — в прямом смысле слова — смерти.

Развязав второй ремень, Хэллоранн схватился за канистру, и в это время лев ударил его в третий раз, повалив-таки на спину. Хэллоранн успел заметить отпрянувшую в снежный мрак тень, похожую на ожившую горгулью, и понял,

что лев готовится к последнему прыжку. Хэллоранн стал судорожно отвинчивать крышку канистры. Лев мчался к нему, вздымая тучи снежной пыли. Дик успел отвернуть крышку. В воздухе едко запахло бензином.

Хэллоранн стал на колени и, когда лев, низко распластавшись над землей, молнией метнулся к нему, плеснул на зверя бензином.

Лев зашипел и, отфыркиваясь, отпрянул от Дика.

— Это бензин! — закричал Хэллоранн срывающимся голосом. — Я тебя сейчас спалю, парень! Понял? Готовься!

Лев, обиженно фыркая, вновь ринулся в атаку. Хэллоранн снова плеснул на него бензином, но на сей раз зверя это не остановило. Он бросился на Дика, и тот скорее почувствовал, нежели увидел, что лев целится ему в лицо. Пытаясь спастись от клыков зверя, Хэллоранн упал навзничь, но лев все же зацепил его лапой, и грудную клетку Дика обожгло болью. Бензин, булькая, побежал ручейком из канистры, намочив правый рукав парки.

Хэллоранн лежал в снегу примерно в десяти шагах справа от снегохода. Облитая бензином рука совершенно заледенела. Слева донеслось шипение льва. Огромная тень надвигалась на Хэллоранна уже в который раз. Дик даже показалось, что лев виляет хвостом.

Он сдернул с правой руки пропитанную бензином рукавицу, задрал полу парки и полез в карман брюк, где хранил ключи, мелочь и старенькую потрепанную зажигалку «Зиппо». Дик

купил ее в Германии в 1954 году. Как-то раз, когда зажигалка сломалась, Хэллоранн отправил ее заводу-изготовителю, и там зажигалку починили бесплатно, как и было обещано в рекламном буклете.

Череда кошмарных мыслей пронеслась в мозгу Дика за какую-то долю секунды.

(«Зиппо», зажигалочка моя дорогая, ты побывала в брюхе крокодила, падала с самолета, тонула в Тихом океане, спасла меня от немецкой пули в битве на передовой. «Зиппо», если ты не зажжешься, то этот лев оторвет мне голову.)

Хэллоранн вытащил наконец зажигалку. Откинул крышку. Лев был совсем рядом, рычание его походило на треск разрываемой материи; Хэллоранн щелкнул кремнем, высек искру, вспыхнуло пламя,

(моя рука)

пропитанный бензином рукав парки вдруг загорелся, огонь зазмеился вверх по руке. Совсем не больно. Еще не больно. Лев шарахнулся от вспыхнувшего под самым его носом необычного факела — страшная листовая скульптура с пастью и глазами, задрожав, метнулась прочь от огня, но было поздно.

Морщась от боли, Хэллоранн ткнул пылающей рукой в колющий бок зверя.

В мгновение ока лев превратился в огромный, мечущийся погребальный костер. Взыв от боли и ярости, лев завертелся волчком, пытаясь ухватить себя за горящий хвост.

Сунув пылающую руку в сугроб, Хэллоранн смотрел на агонизирующего зверя, не в силах

отвести взгляд. Затем, тяжело дыша, поднялся на ноги. Рукав парки обуглился, но уцелел. То же самое можно было сказать и о его руке. В тридцати ярдах от Хэллоранна лев из изгороди обернулся огненным шаром. Налетевший вихрь высек из него снопы искр и унес их в небеса. На какое-то мгновение череп и ребра зверя озарились оранжевым пламенем, а потом лев распался на множество догорающих ошметков.

(Не обращай на него внимания. Надо ехать.)

Хэллоранн поднял валяющуюся на снегу канистру и захромал к снегоходу. Похоже, он то и дело терял сознание, потому что все происходящее запечатлелось в его мозгу какими-то урывками, похожими на кадры из любительского фильма, которые никак не монтировались в цельную картину.

В одном из эпизодов Хэллоранн ставил на гусеницы перевернутый снегоход; потом он оседлал его и пытался отдышаться, не в силах пошевелить рукой.

Затем в памяти всплывал другой кадр: он пристегивает к багажнику наполовину опорожненную канистру. Голова раскалывалась от паров бензина (и от ран, полученных в битве со львом, решил Хэллоранн), а невдалеке в снегу дымилась кучка блевотины. Значит, меня стошнило, понял Хэллоранн, хотя никак не мог вспомнить, когда именно это произошло.

Снегоход, у которого еще не остыл двигатель, завелся сразу. Хэллоранн крутанул ручку газа, и снегоход ринулся вперед рывками, от которых боль в голове стала почти нестерпимой.

Сначала снегоход мотало из стороны в сторону, но вскоре ветер, хлеставший поверх стекла прямо в лицо резкими, обжигающими порывами, привел Хэллоранна в чувство. Дик увеличил скорость.

(Где же остальные звери из изгороди?)

Хэллоранн не знал этого, но врасплох они его больше не застанут.

«Оверлук» вырос перед ним из мрака, бросая из окон на снег желтые прямоугольники света. Ворота на территорию отеля были закрыты. Хэллоранн внимательно огляделся и, убедившись, что вокруг никого, слез со снегохода, молясь о том, чтобы ключи оказались на месте. А вдруг он потерял их, когда вытаскивал из кармана зажигалку?.. Нет, все в порядке. Дик поднес связку ключей к фаре снегохода, отыскал в свете ее луча нужный ключ, отпер висячий замок и бросил его на снег. По обе стороны ворот намело такие сугробы, что Хэллоранн поначалу сомневался в том, что ему удастся вообще открыть ворота. Превозмогая пульсирующую в голове боль и страх (вдруг сзади подкрадется еще один лев?), Хэллоранн стал судорожно сгребать снег в сторону. Расчистив примерно полтора фута дороги, он протиснулся в проход и налег на ворота. Створки распахнулись еще на два фута, и этого было достаточно для того, чтобы снегоход проехал.

В это время Хэллоранн заметил впереди какое-то движение. Все звери из изгороди столпились у крыльца «Оверлука», преграждая путь всякому, кто осмелится войти или выйти из отеля.

Львы рыскали возле ступеней, собака застыла в стойке, готовая к нападению.

Хэллоранн газанул, и снегоход рванул с места в карьер, вздымая за собой тучи снежной пыли.

Джек Торренс в своей спальне вздрогнул, услышав стрекот мотора, и, позабыв об Уэнди, заковылял из комнаты в коридор. С этой сукой можно повременить. Никуда она от него не денется. А пока надо заняться вонючим ниггером. Вонючим ниггером, который сует свой нос не в свое дело. Сперва он разберется с этим черномазым. И с сыном. Он им покажет. Он им покажет, что... что он... что он *хозяин что надо!*

Снегоход тем временем набирал скорость. «Оверлук» словно распухал на глазах. Снежинки хлестали Хэллоранна по щекам. Луч фары выхватил из темноты морду волкодава из изгороди, его пустые, выпуклые глаза.

Струсив, пес отпрянул в сторону, освободив проход. Хэллоранн из последних сил вцепился в руль, заложил крутой вираж, и снегоход, описав полукруг, подкатил к самому крыльцу, едва не перевернувшись. Ударившись о нижнюю ступеньку, снегоход срикошетил и остановился.

Хэллоранн пулей вылетел из седла и помчался вверх по лестнице. Поскользнулся, упал, снова вскочил на ноги. Пес рявкнул — скорее в сознании Хэллоранна, нежели на самом деле — у самого плеча. Что-то царапнуло по рукаву парки, но Хэллоранн уже добрался до узенькой дорожки, протоптанной Джеком на крыльце. Зверям в эту траншею было не протиснуться.

Дик полез в карман за ключами от двойных входных дверей. Отыскав их, он взялся за ручку дверей, и они вдруг распахнулись. Хэллоранн ворвался в вестибюль.

— *Дэнни!* — хрипло закричал он. — *Дэнни, ты где?*

Тишина.

Дик обвел глазами вестибюль, и вдруг из груди его вырвался сдавленный крик. Весь ковер был залит кровью. На полу валялся лоскут от розового махрового халата. Кровавый след тянулся вверх по лестнице. Все перила также были перепачканы кровью.

— О, Господи... — прошептал Хэллоранн и еще раз громко позвал: — *Дэнни! ДЭННИ!*

Отель, словно поддразнивая его, отозвался многоголосым эхом — лукавым и насмешливым.

(Дэнни? Какой еще Дэнни? Есть тут кто-нибудь, кто знаком с Дэнни? Дэнни, Дэнни, кто видел Дэнни? Дэнни здесь не пробежал? Убирайся отсюда, черномазый. Здесь не было никакого Дэнни со времен Адама.)

Господи, неужели он, пройдя через эти испытания, все же опоздал? Неужто все уже свершилось?

Перескакивая через две ступеньки, Хэллоранн взлетел на второй этаж. Кровавые следы вели в номер смотрителя. Хэллоранн пошел по этим следам, и когда он свернул в короткий коридор, ему стало не по себе. Ужас обуял душу Хэллоранна, кровь застыла в его жилах. Звери из изгороди по сравнению с этим — просто цветочки. Хэллоранн уже был уверен в том, какая

именно картина предстанет перед его глазами в номере зрителя.

Он не очень-то торопился увидеть *это*.

Когда Хэллоранн бежал по лестнице, Джек прятался в кабине лифта. Теперь он крался за фигурой в залепленной снегом парке, похожий на окровавленного призрака. Злорадно ухмыляясь, он замахнулся настолько, насколько позволяла острая боль в спине,

(эта сука, наверное, чем-то ударила меня, не могу вспомнить)

и сказал шепотом:

— Эй, черномазый! Сейчас я покажу тебе, как совать нос в чужие дела!

Хэллоранн, услышав шепот, обернулся, тут же резко отпрянул в сторону, но крокетный молоток уже со свистом рассекал воздух. Капюшон немного смягчил удар, но разве это могло помочь?! В голове Хэллоранна взорвалась ракета, рассыпавшись снопом искр... и он погрузился во тьму.

Дик, пошатнувшись, ударился о стену, и Джек ударил его еще раз — на сей раз наотмашь по лицу. Молоток раздробил челюсть Дика, выбив почти все зубы с левой стороны. Хэллоранн мешком повалился на ковер.

— Вот так, — просипел Джек. — Вот так!

Где же Дэнни? Ему надо разобраться со своим провинившимся сыном.

* * *

Спустя три минуты дверь лифта с лязгом распахнулась на неосвещенном четвертом этаже.

Из кабины вышел Джек Торренс. Вернее, выполз, потому что лифт не доехал до конца, и ему пришлось подтянуться на руках и выбираться из кабины на карачках. За окном завывал ветер. Джек вытащил из лифта молоток и стал озиаться, дико вращая бешеными глазами. В запекшихся от крови волосах поблескивало конфетти.

Его сын прячется где-то рядом. Он чувствует это. Мальчишку нельзя оставлять без присмотра. Предоставленный самому себе, он может сотворить все что угодно: разрисовать карандашами дорогие шелковые обои, испортить мебель, разбить окно. Сын обманывает его, и за это его необходимо наказать... жестоко.

Джек Торренс поднялся на ноги.

— Дэнни? — позвал он. — Дэнни, выйди на минутку, пожалуйста. Ты совершил дурной поступок, и я собираюсь наказать тебя. Выйди же и прими лекарство, как подобает мужчине. Дэнни? *Дэнни!*

ТОНИ

(Дэнни...)

(Дэн-н-ниииии...)

Тьма и коридоры. Он блуждал по темным коридорам, похожим на коридоры «Оверлука». И не похожим на них. Обитые шелком стены уходили ввысь, и сколько Дэнни ни задира́л голову, потолка он так и не увидел. Своды терялись в далекой дымке. Все двери были заперты и тоже уходили в поднебесье. Под дверными глазками размером с оптический прицел вместо номеров красовались изящные черепа со скрещенными костями.

Откуда-то издалека его звал Тони.

(Дэн-н-ниииии...)

Он услышал удары, хриплые крики, доносившиеся тоже издалека. Все эти звуки были ему хорошо знакомы. Реплики он знал почти наизусть. Он не раз слышал их — во сне и наяву.

Остановившись, он попытался сообразить, где находится и кто он такой — мальчишка, который вылез из пеленок всего три года назад. Ему было страшно, но он уже свыкся с этим страхом. Он жил с ним последние два месяца. Страхи были самые разные — одни вызывали легкий испуг, от других цепенел разум. Нынешний вполне можно было перенести. Но ему было интересно, почему вдруг появился Тони и зачем он, Дэнни, ему понадобился. Почему Тони зовет его в странные коридоры, которых не было прежде в стране сна и которые он не видел в реальной жизни? Почему? Где?..

— Дэнни. — В дальнем конце громадного коридора показалась маленькая, ростом с него самого, фигурка. Тони.

— Где я? — тихо спросил у него Дэнни.

— Ты спишь, — ответил Тони. — В спальне родителей.

Голос у Тони был очень печальный.

— Дэнни, — сказал он. — Твоей маме хотят сделать очень больно. Может быть, ее даже убьют. И мистера Хэллоранна тоже.

— Нет! — закричал Дэнни, мучимый горькими предчувствиями. Мрачные, призрачные стены впитывали в себя все его страхи, поэтому Дэнни не очень-то испугался. Хотя Смерть все же явила ему свой лик: Дэнни привиделись размазанная по асфальту лягушка, сломанные папины часы в мусорной корзине, могильные плиты с погребенными под ними мертвецами, дохлая птичка возле телеграфного столба, мама, соскребающая остатки пищи с грязной посуды в темный зев мусоропровода.

Но эти простые символы никак не соотносились в сознании Дэнни с его матерью. Для него мама была олицетворением вечности. Она жила, когда его еще не было; она будет жить и после того, как Дэнни уйдет в небытие. С собственной смертью Дэнни уже смирился — после того случая в 217-м номере.

Но мама не умрет никогда.

И папа тоже будет жить вечно.

Вечно.

Дэнни заворочался, и тьма в коридорах стала рассеиваться. Тони превратился в призрачную, зыбкую фигурку.

— Не смей, Дэнни! — закричал Тони. — Не делай этого!

— Она не умрет! *Она не должна умереть!*

— Тогда ты должен ей помочь. Дэнни... ты сейчас находишься в самых глубинах собственного сознания. Ты у меня в гостях. Я — частица тебя, Дэнни.

— Ты *Тони*. Ты — не я. Я хочу к мамочке... К маме хочу...

— Но ты сам сюда спустился, Дэнни. Я тебя не звал. Просто ты знал...

— Нет...

— Ты всегда это знал, — продолжал Тони, подходя к нему ближе. Впервые Тони подошел к нему ближе. — Ты погружен в собственное подсознание, Дэнни. Сюда никто не может проникнуть. Мы одни тут с тобой, Дэнни. Это наш собственный «Оверлук», куда никому доступа нет. Часы здесь не ходят. Их не заведешь никакими ключами. Ни одна из дверей никогда не открывалась, все комнаты всегда пустовали. Но ты не сможешь оставаться здесь долго, Дэнни. Потому что оно уже близко.

— Оно... — испуганно прошептал Дэнни, и беспорядочные удары вдруг стали громче и ближе. Страхи, которые секунду назад были где-то далеко, вдруг разом нахлынули на него. Значит, сейчас появятся слова. Хриплые, крикливые. Кто-то бормочет, подражая его папе. Но это не папа. Теперь он знает об этом. Знает
(*Ты сам сюда спустился. Ты знал.*)

— *Тони!* — закричал Дэнни. — *Это мой папа? Оно, которое придет за мной, — это папа?*

Тони не ответил. Но Дэнни не нужен был его ответ. Он и так знал. В этом отеле годами длился кошмарный маскарад. Мало-помалу накапливалась таинственная сила, неведомая и недоступная, как банковские счета. Сила, присутст-

вие, форма — все это лишь ничего не значащие слова. Оно имело тысячи масок, но суть его всегда оставалась неизменной. Скоро оно придет за ним. Оно прячется в папе, подражает его голосу, носит папину одежду.

Но то, что прикидывается его папой, не папа.

Это не его папа.

— Мне нужно помочь им! — закричал Дэнни.

Тони вдруг очутился совсем рядом. Дэнни взглянул на него, и ему показалось, будто он смотрит в чудесное зеркало. Перед Дэнни стоял другой Дэнни — в возрасте десяти лет. У того Дэнни были темные, широко расставленные глаза, правильно очерченный рот и волевой подбородок. Светлые волосы он унаследовал от матери, а черты лица — от папы, и потому Тони — мальчик, в которого скоро превратится шестилетний Дэниел Энтони Торренс, — походил на призрак, в котором слились воедино отец и сын.

— Ты должен попытаться помочь им, — сказал Тони. — Но твой отец... он теперь заодно с отелом, Дэнни. Отель поглотил его, а теперь охотится за тобой, потому что он очень жадный.

Тони стал удаляться от него.

— погоди! — закричал Дэнни. — Чем я могу...

— Он уже близко, — сказал Тони, уходя прочь. — Тебе придется спастись бегством... прятаться... Держись от него подальше. Подальше!

— Но, Тони, я не могу!

— Можешь. Ты уже начал действовать, — ответил Тони. — Ты вспомнишь то, про что забыл твой папа.

Тони исчез.

И тут же где-то поблизости раздался льстивый голос отца:

— Дэнни? Выходи, док. Отшлепаю тебя, только и всего. Будь мужчиной, док. И все закончится. Она нам ни к чему, док. Будем только мы с тобой, ага? Выясним отношения. И заживем с тобой вдвоем в свое удовольствие.

Дэнни бросился наутек.

У твари лопнуло терпение, и она заорала, отбросив прочь притворную доброжелательность:

— Выходи, маленькое дерьмо! Сейчас же!

Вниз по коридору, задыхаясь от быстрого бега. Потом за угол. И вверх по лестнице. Дэнни бежал, а вокруг происходили чудесные превращения: высоченные стены вдруг осели, призрачная дорожка под ногами обернулась знакомым черно-синим ковром, черепа с костями превратились в номерные таблички, за дверями зашумели многочисленные гости, собравшиеся на бесконечную вечеринку. Воздушные вихри со свистом проносились мимо Дэнни, удары молотка эхом разлетались по коридорам. Прорвав тонкую оболочку, Дэнни вырвался из чрева сна и очутился

* * *

перед дверью в Президентские апартаменты на четвертом этаже. Рядом окровавленной грудой возвышались тела двоих мужчин в костюмах и при узких галстуках. Их застрелили из ружья, и вот теперь они вдруг ожили и стали подниматься с ковра.

Дэнни набрал в легкие побольше воздуха, чтобы крикнуть изо всех сил, но сумел удерж-

жаться.

(ОНИ НЕНАСТОЯЩИЕ! ИХ ПРОСТО НЕТ!)

Мужчины сразу поблекли, словно старые фотографии, и исчезли.

Но внизу удары молотка не стихали, молоток крушил стены. «Оверлук», приняв облик его папы, рыскал по второму этажу.

Позади Дэнни тихо скрипнула дверь.

Из номера гордо выплыла тронутая тленом женщина в сгнившем шелковом халате. На желтых, изъязвленных пальцах тускло поблескивали медные кольца. Большие осы лениво ползали по ее лицу.

— Заходи, — шепотом позвала она Дэнни, улыбаясь черными губами. — Мы с-с-станцуем с тобой та-а-а-анго...

— Ты ненастоящая! — шикнул на женщину Дэнни. — Тебя нет!

Она поспешно отпрянула, бросилась обратно в комнату и растворилась на пороге.

— Где ты? — заорало внизу существо. Дэнни слышал, как оно бродит по второму этажу, а еще он внезапно услышал... тархтение двигателя.

У Дэнни перехватило дыхание. Что это? Очередная маска отеля-оборотня? Галлюцинация? Или это Дик? Дэнни хотелось верить — страстно хотелось, — что это *Дик*, но он боялся даже думать об этом, чтобы не сглазить.

Промчавшись по главному коридору, Дэнни свернул в один из боковых проходов. Под ногами шуршал ковер, закрытые двери хмуро смотрели ему вслед, как это не раз бывало во сне. Только сейчас его окружал мир реальных вещей, в котором длилась нескончаемая игра.

Дэнни свернул направо и оказался в тупике. Сердце громко бухало в груди. Ногам стало жарко. Это, конечно, от горячего воздуха из отдушин. Сегодня папин черед следить за отоплением западного крыла и

(Ты вспомнишь то, про что забыл твой папа.)

Что же это? Разгадка где-то совсем рядом. Поможет ли она спасти маму и себя? Тони говорил, что Дэнни должен сделать все сам. Что же он должен вспомнить?

Дэнни прислонился к стене и попытался сосредоточиться. Сделать это было очень трудно... Отель настырно лез в его мысли, стараясь отвлечь Дэнни. В мозгу возникло видение темного, сутулого существа. Оно размахивало молотком, било им о стены, разрывая шелковые обои, и на ковер сыпались куски штукатурки.

— Помоги мне,— прошептал Дэнни.— Тони, помоги.

Вдруг до Дэнни дошло, что в отеле смолкли все звуки. Прекратился шум мотора,

(значит, галлюцинация)

угомонилась вечеринка, и лишь ветер продолжал петь свою бесконечную заунывную песню.

Потом загудел лифт.

Он поднимался на верхний этаж.

И Дэнни знал, кто — *что* — едет в нем.

Он вскочил на ноги. Его охватила паника, глаза расширились от ужаса. Почему Тони загнал это на четвертый этаж? Это же ловушка. Здесь заперты все двери.

Чердак!

Да, Дэнни знал, что над ним чердак. Они с папой как-то поднимались туда ставить крысоловки. Правда, под крышу папа полез один. Он не взял с собой Дэнни, опасаясь, что того могут

укусить крысы, но Дэнни знал, где находится лаз и как можно забраться на чердак. Надо сейчас дойти до последнего бокового коридора, поддеть крышку лаза длинным шестом. Она поднимется, и благодаря системе противовесов с чердака спустится лестница. Если забраться по ней на чердак и втянуть лестницу за собой...

Где-то в лабиринте коридоров остановился лифт. Лязгнула металлическая дверь, и вслед за этим послышался голос — настоящий, реальный голос:

— Дэнни? Дэнни, выйди на минутку, пожалуйста. Ты совершил дурной поступок, и я собираюсь наказать тебя. Выйди же и прими лекарство, как подобает мужчине. Дэнни? *Дэнни!*

Дэнни был воспитанным мальчиком. Он привык слушаться папу, поэтому даже сделал машинально два шага навстречу голосу, но потом опомнился и сжал кулачки.

(Ты ненастоящий! Ты маска! Я знаю, кто ты! Маску долой!)

— Дэнни! — зарычало существо. — Выходи, щенок! Выходи, будь мужчиной!

Громкий, гулкий стук. Это молоток обрушился на стену. Существо зарычало вновь — на этот раз совсем близко.

В настоящем мире началась настоящая охота.

Дэнни пустился наутек. Он бесшумно мчался по ковру мимо запертых дверей, мимо шелковых обоев, мимо огнетушителя, прикрепленного к стене на углу. После секундного колебания Дэнни нырнул в самый последний коридор, который заканчивался запертой дверью. Дальше бежать было некуда.

Но в конце коридора к стене был прислонен шест. А в потолке — запертый люк на чердак.

Дэнни схватил шест и, задрав голову, старался зацепить вделанным в шест крючком кольцо на крышке люка. Потом нужно будет...

...Крышка люка была заперта на новенький висячий замок. Замок этот навесил Джек Торренс — после того, как понаставил на чердаке крысоловок. А вдруг его сыну взбредет в голову забраться на чердак? Не дай Бог, крысы покусают.

Люк заперт. Дэнни похолодел от страха.

А существо приближалось. Оно уже миновало Президентские апартаменты и, свирепо рассекая молотком воздух, ковыляло к последнему коридору.

Дэнни вжался спиной в последнюю дверь и стал поджидать тварь.

ТО, ПРО ЧТО ЗАБЫЛИ

Спустя некоторое время Уэнди пришла в себя; дурнота сменилась страшной болью. Болели спина, нога, бок... Уэнди казалось, что она не сможет сделать ни единого движения. Болели даже пальцы, и Уэнди поначалу не сообразила почему.

(Из-за бритвы, вот почему.)

Слипшиеся мокрые волосы застили взор. Уэнди подняла руку, чтобы смахнуть их со лба, и тут же застонала: сломанные ребра пронзили все нутро адской болью. Перед Уэнди расстилось бело-голубое пространство, испещренное красными пятнами,—матрас, залитый кровью. Ее кровью. Или кровью Джека. Неважно. Главное, что кровавые пятна свежие. Значит, она была без сознания совсем недолго. А вот это важно, потому что...

(Почему?)

Потому что...

Сперва Уэнди вспомнила стрекот мотора. Какое-то мгновение она тупо пыталась понять, откуда взялось это воспоминание, но память вдруг совершила головокружительный прыжок в прошлое, и все встало на свои места.

Хэллоранн. Это, конечно, Хэллоранн. Иначе с какой стати Джек ретировался так поспешно, не завершив дело... не прикончив *ее*?

А с той стати, что Джеку нельзя было медлить. Он должен поскорее разыскать Дэнни и...

и сделать это прежде, чем Хэллоранн остановит его.

А может, *это* уже случилось?

Послышался гул поднимающегося лифта.

(Нет, Господи, пожалуйста, нет, кровь, свежая кровь, не допусти, чтобы это свершилось.)

Кое-как поднявшись на ноги, Уэнди вышла из спальни, шатаясь, пересекла разгромленную гостиную, распахнула разнесенную в щепки дверь и выбралась в коридор.

— Дэнни! — закричала она, морщась от боли в груди. — Мистер Хэллоранн! Есть здесь кто-нибудь? *Кто-нибудь!*

Лифт остановился. С металлическим лязгом распахнулись его двери, и Уэнди показалось, что она слышит чей-то голос. Впрочем это, скорее всего лишь игра воображения. Ветер завывает так громко, что расслышать человеческий голос практически невозможно.

Опираясь о стену, Уэнди стала медленно продвигаться к концу короткого коридора. Она почти уже завернула за угол, когда по лестничным пролетам и по шахте лифта эхом раскатился вопль, от которого кровь застыла в ее жилах:

— *Дэнни! Выходи, щенок! Выходи, будь мужчиной!*

Джек. На третьем или четвертом этаже. Ищет Дэнни.

Уэнди обогнула угол, споткнулась и еле устояла на ногах. У нее перехватило дыхание. Что-то

(кто-то?)

бесформенное лежало у стены чуть поодаль от лестничной площадки. Уэнди заковыляла быстрее, корчась от боли всякий раз, когда приходилось переносить вес на раненую ногу. Бесформенная груда оказалась человеком. Подобравшись поближе, Уэнди поняла, что означал давящий стрекот мотора.

Это был мистер Хэллоранн. Он все-таки приехал.

Уэнди облегченно опустилась на колени рядом с ним, бессвязно молясь о том, чтобы мистер Хэллоранн был жив. А у того шла носом кровь, ужасного вида сгустки сочились изо рта, вся правая щека раздулась в лиловый синяк. Но он, слава Богу, дышал. Протяжные, прерывистые хрипы сотрясали все его тело.

Приглядевшись, Уэнди оторопела: рукав пуховки Хэллоранна обгорел и изодрался в клочья. В волосах запеклась кровь, неглубокий, но уродливый рубец пересекал затылок.

(Господи, что это с ним стряслось?)

— *Дэнни!* — донесся сверху хриплый, нетерпеливый рык. — *Выходи, черт тебя дер!*

Времени на раздумья не оставалось. Уэнди принялась трясти Хэллоранна, содрогаясь от вспышек боли в груди. Бок налился тяжестью и запылывал от жара.

(А вдруг мои ребра протыкают легкие при каждом движении?)

Все равно с этим ничего не поделаешь. Если Джек найдет Дэнни, он убьет его, забьет на-

смерть молотком, как уже пытался прикончить ее.

Поэтому Уэнди продолжала тормошить Хэллоранна, а затем легонько шлепнула его по здоровой щеке.

— Проснитесь... — умоляла она. — Мистер Хэллоранн, вы должны проснуться. Пожалуйста... пожалуйста...

Наверху раздавались беспрестанные удары молотка. Джек Торренс искал сына.

* * *

Дэнни вжался спиной в двери и не отрываясь смотрел на угол, где сходились два коридора. Гулкие беспорядочные удары молотка о стены становились все громче.

Тварь, которая охотилась за ним, стонала, выла и изрыгала проклятия. Сон и реальность слились воедино.

Оно показалось из-за угла.

И Дэнни, как ни странно, стало легче. Это страшилище не его папа. Кто-то исполосовал тварь, маскирующуюся под папу, с головы до ног, превратив в посмешище из субботнего шоу ужасов: бешено вращающиеся зрачки, сторбленные трясущиеся плечи, сочащаяся кровью рубашка... Нет, это не папа.

— Ага! Вот ты где! Я нашел тебя, сученыш! — прохрипело чудище, вытирая губы дрожащей рукой. — Сейчас я проучу тебя! Сейчас ты

узнаешь, кто тут хозяин. Ей-Богу. Сейчас увидишь. Ты им не нужен. Им нужен я. Я. Я!

Тварь взмахнула молотком, зазубренным от бесчисленных ударов, и рубанула им со всего плеча. В обитой шелковыми обоями стене появилась вмятина. Посыпалась штукатурка. Тварь расплылась в улыбке.

— Сейчас поглядим, помогут ли тебе твои глупые фантазии, — проворчало страшилище. — Я не вчера родился — ты знаешь. И, клянусь Богом, не потерплю никаких глупостей. Я собираюсь исполнить отцовский долг, сын мой.

— Ты не мой папа, — ответил Дэнни.

Тварь остолбенела. Целую секунду чудище колебалось, словно не было уверено в том, кем оно является на самом деле. Затем снова двинулось по коридору. Молоток со свистом рассек воздух и с грохотом врезался в дверь.

— Ты лжешь, — сказала тварь. — Кто же я, как не твой папа? У меня два родимых пятна, пупок торчит... да ты погляди на мой *шнобель*, сынок! Спроси у мамы, если не веришь.

— Ты ряженный, — сказал Дэнни. — Твое лицо — маска. Отелю ты нужен только потому, что все остальные умерли. Но как только ты сделаешь то, о чем просит отель, сразу исчезнешь. Ты меня не напугаешь.

— Напугаю! — завопила тварь. Молоток вновь засвистел и воткнулся в ковер меж расставленных ног Дэнни. Но тот даже не шелохнулся. — Ты врешь! Ты с нею сговорился! Вы плете-

те интриги против меня! *Вы мошенничаете! Вы списывали на последнем экзамене!* — Из-под мохнатых бровей на Дэнни сверкнули бесноватые глаза лунатика. — Но я найду то, о чем ты уже знаешь! Оно находится где-то в подвале. Мне сказали, что я смогу взглянуть на него, если пожелаю. Они обещали.

— Да, обещали, — согласился Дэнни. — Но они лгут.

Молоток замер на взмахе.

* * *

Хэллоранн стал приходить в себя, и Уэнди перестала хлестать его по щеке. Секунду назад из шахты лифта до нее донеслись еле слышные, перекрываемые воем ветра слова: «Вы мошенничаете! Вы списывали на последнем экзамене!» Кричали где-то в западном крыле отеля. Уэнди была почти уверена, что дело происходит на четвертом этаже и что Джек — или нечто, принявшее облик Джека, — нашел ее сына. Теперь ни она, ни Хэллоранн ничем Дэнни помочь не смогут.

— Ох, док... — хныкала Уэнди. Слезы застилали ее глаза.

— Этот сукин сын сломал мне челюсть, — тихо простонал Хэллоранн. — И голову проломил... — Он попытался сесть. Правый глаз его стремительно набряк и совершенно заплыл. Но здоровым глазом он различил Уэнди.

— Миссис Торренс...

— Тс-с-с... — зашептала она.

— Где мальчишка, миссис Торренс?

— На четвертом этаже, — ответила Уэнди. — С отцом.

* * *

— Они лгут, — повторил Дэнни. Какая-то мысль кометой пронеслась в мозгу — слишком яркая и стремительная, чтобы удержать ее в памяти. Дэнни ухватился лишь за самый хвост.

(Это где-то в подвале).

(Ты вспомнишь то, про что забыл твой папа.)

— Ты... ты не должен говорить с отцом в таком тоне, — просипела тварь. Молоток дрогнул и пошел вниз. — Тебе же хуже. Твоя... твоё наказание будет ужасным. — Чудище, пьяно пошатываясь, глянуло на Дэнни с сентиментальной жалостью. Однако хмельная слезливость тут же сменилась яростью, и молоток вновь взметнулся ввысь.

— Ты не мой папа... — упрямо твердил Дэнни. — А если в тебе есть хоть кусочек моего папы, то он знает, что они лгут. Здесь все — вранье и надувательство. Как те шулерские игральные кости, которые папа подарил мне на Рождество. Как те красиво обернутые коробки в магазинных витринах. Папа говорит, что те коробки совсем пустые и в них нет никаких подарков. Они только для виду, говорит папа. Ты не мой папа. Ты — отель. И когда добьешься всего, чего хочешь, то с папой не поделишься. Потому что лю-

бишь только себя. И папа это знает. Ты ни за что не подкупил бы его, если бы не напоил Дурным зельем. Ты лжешь мне, маска.

— Это ты лжешь! — пронзительно завизжала тварь, и молоток угрожающе качнулся в воздухе.

— Ну что же ты?! Бей! Все равно не получишь от меня то, что хочешь.

Лицо твари вдруг изменилось. Трудно сказать, как именно: черты его остались прежними. Но по телу чудища пробежала легкая дрожь, пальцы разжались, будто перебитые клешни, и молоток с глухим стуком упал на ковер. Только и всего. Но перед Дэнни вдруг *возник* папа. В предсмертной агонии он смотрел на сына с такой невыразимой мукой, что у Дэнни захолонуло сердце. У папы задрожали скорбно изогнутые губы:

— Док... — сказал Джек Торренс. — Беги. Быстрее. И помни о том, как я тебя люблю.

— Нет, я не побегу, — ответил ему сын.

— Ох, Дэнни, ради всего святого...

— Нет, — повторил Дэнни и поцеловал окровавленную руку своего папы. — Конец уже близок.

* * *

Хэллоранн прижался спиной к стене и рывками поднялся на ноги. Он и Уэнди разглядывали друг друга, похожие на пациентов, чудом оставшихся в живых после того, как в госпиталь угодила бомба.

— Нам нужно подняться туда,— сказал Хэллоранн.— Мы должны ему помочь.

Бледное как мел лицо призрака повернулось к Хэллоранну.

— Слишком поздно,— ответила Уэнди, глядя Хэллоранну в глаза.— Теперь он может полагаться только на себя.

Прошла минута, вторая. Третья. И вдруг сверху донесся нечеловеческий вопль, но в крике этом не было ни ярости, ни торжества. Только смертельный ужас.

— Боже мой...— прошептал Хэллоранн.— Что там происходит?

— Не знаю,— отозвалась Уэнди.

— Оно убило мальчика?

— Не знаю.

Лифт загудел и пошел вниз, неся в своем чреве визжащее, беснующееся Нечто.

* * *

Дэнни застыл на месте. Спрятаться от «Оверлука» невозможно. Он повсюду. Дэнни вдруг полностью осознал это, причем осознал безболезненно. Впервые в жизни он размышлял как взрослый. Весь опыт, приобретенный им в этом проклятом месте, позволил Дэнни сделать печальный, очень взрослый вывод:

(Мама с папой мне не помогут, я совсем один.)

— Пошел прочь,— сказал он окровавленному чудищу.— Вон отсюда! Убирайся!

Тварь послушно повернулась, и Дэнни увидел, что в спине ее торчит нож. Чудище снова ухватило за рукоять молотка, но вместо того, чтобы обрушить удар на Дэнни, почему-то развернуло молоток к себе.

Дэнни вдруг все понял.

Тварь заработала молотком и принялась крушить лицо Джека Торренса. Она пустилась в какую-то безумную польку, и контрапунктом к дикому танцу раздавались ужасные удары молотка. Кровь забрызгала все обои, ошметки черепа, похожие на сломанные клавиши, разлетались по коридору. Сколько это длилось, сказать невозможно. Но когда тварь обернулась к Дэнни, в ее облике не осталось ничего от Джека Торренса. Отец Дэнни исчез навеки. Разбитая в кровавое месиво физиономия превратилась в странную, зыбкую мозаику из множества лиц: Дэнни увидел женщину из 217-го номера, и человека-собаку, и голодного мальчишку в бетонном тоннеле...

— Что ж, маскарад окончен, — сказало страшилище шепотом. — И не смей меня впредь пребивать.

Молоток взметнулся вверх в последний раз. У Дэнни застучало в ушах.

— Или ты хочешь еще что-то сказать? — заинтересовалось оно. — Ты уверен, что тебе не хочется сбежать от меня? Может, сыграем в салочки, а? Времени-то навалом. Все, что у нас теперь осталось, — это бесконечное *время*. Или лучше за-

кончим игру? Что ж, тоже неплохо. А то всю вечеринку пропустим.

Существо алчно оскалилось щербатым ртом.

А Дэнни вдруг вспомнил. Вспомнил то, про что забыл папа.

И торжествующая улыбка озарила его лицо. Существо заметило это и застыло в недоумении.

— *Котел!* — вскричал Дэнни. — Папа не выпускал из него пар с самого утра! Он сейчас взорвется!

До чудища внезапно дошел смысл слов Дэнни, и его страшную физиономию еще больше перекосило от ужаса. Молоток выпал из рук и гулко шлепнулся о черно-синий ковер.

— Котел! — завизжало оно. — Нет! Этого нельзя допустить! Ни за что! Нет! Проклятый щенок! Он не взорвется! Конечно, нет! Ой-ой-ой...

— Взорвется! — свирепо закричал Дэнни и, затопав ногами, стал потрясать кулачками перед разбитым носом изувеченной твари. — В любую секунду! Я знаю! Папа забыл про котел! *И ты тоже!*

— Нет же, нет! Этого не может быть! Это невозможно! Грязный мальчишка, я тебя сейчас проучу... Ты у меня сейчас попляшешь... Ой, нет... нет...

Существо повернулось и заковыляло прочь. Тень его еще мгновение волочилась вслед по стене, а потом побледнела и сошла на нет. Причитания вились за чудищем выцветшим новогодним серпантинном.

Еще через несколько секунд загудел лифт.
Дэнни вдруг озарило свечением

*(мамочка, мистер Хэллоранн, Дик, мои друзья
вместе, они живые, надо выбираться отсюда, отель
взорвется, взлетит на воздух до самых небес)*

ярким и неистовым, словно солнце на рассвете, и мальчишка бросился бежать. По дороге он задел ногой окровавленный, изуродованный молоток; тот отлетел в сторону, но Дэнни этого не заметил.

Крича во всю глотку, он неся к лестнице.
Надо выбираться отсюда!

ВЗРЫВ

Хэллоранн не смог бы сказать с уверенностью, в какой последовательности разворачивались дальнейшие события. Он помнил, что лифт миновал первый этаж не останавливаясь и что в лифте кто-то был. Однако Хэллоранн даже не пытался заглянуть в ромбовидное окошечко лифта, чтобы узнать, кто именно спускается в подвал, потому что вопли, доносившиеся из кабины, принадлежали явно не человеку... Еще секунду спустя на лестнице раздался топот. Уэнди Торренс вся сжалась от ужаса и прильнула к Хэллоранну, а потом вдруг захромала по главному коридору к лестнице так быстро, как только могла.

— Дэнни! Дэнни! Слава тебе, Господи! — сжала она в объятиях сынишку, плача одновременно от радости и боли.

(Дэнни)

Дэнни смотрел на Хэллоранна поверх маминого плеча, и тот увидел, как сильно изменился мальчуган. Лицо побледнело и заострилось, глаза потемнели и стали бездонными. Кроме того, Дэнни страшно исхудал. Глядя на мать с сыном, Хэллоранн подумал, что Уэнди даже после страшных побоев выглядит моложе Дэнни.

(Дик... нам надо... бежать... отсюда... сейчас все...)

Хэллоранну явилось видение «Оверлука», охваченного пламенем. Град раскаленных кир-

пичей с шипением обрушивался в снег. Набат пожарного колокола...

Ни одна пожарная машина не сможет подняться сюда раньше апреля. Дэнни пытался донести до Хэллоранна главное: надо спешить. Это может произойти *в любую секунду*.

— Понятно, — сказал Хэллоранн и двинулся к Торренсам. Он потерял чувство равновесия, правым глазом почти ничего не видел, адская пульсирующая боль в челюсти отдавала в висок и затылок, щека раздулась в небольшой кочан, каждый шаг давался с таким трудом, словно он переходил вброд реку. Но настойчивые призывы Дэнни заставляли его идти дальше, и Хэллоранн даже немного полегчало.

— Понятно? — переспросила Уэнди, переводя недоуменный взгляд с Хэллоранна на сына. — Что вам понятно?

— Нам надо идти, — сказал Хэллоранн.

— Но я не одета... Моя одежда...

Дэнни вырвался из объятий матери и помчался по коридору. Уэнди проводила его взглядом и, когда он скрылся за углом, повернулась к Хэллоранну:

— А вдруг он вернется?

— Вы про мужа? — спросил Хэллоранн.

— Это не Джек, — тихо сказала Уэнди. — Джек умер. Проклятый отель убил его. *Это проклятое место*, —хватила она кулаком о стену и тут же взвыла от боли в изрезанных пальцах. — Все дело в паровом котле, не так ли?

— Да, мэм. Дэнни говорит, что он вот-вот взорвется.

— Хорошо,— произнесла Уэнди решительно.— Не знаю, смогу ли я одолеть эту лестницу еще раз. Мои ребра... он сломал мне ребра. И со спиной что-то неладное. Болит ужасно.

— Вы сможете. Мы все сможем,— сказал Хэллоранн, но вдруг вспомнил о зверях из изгороди. А если они преградят дорогу — что тогда?

В это время вернулся Дэнни. Он притащил мамины пальто, перчатки и сапоги, прихватив и свои варежки с пальтишком.

— Дэнни, а где же твои ботинки? — спросила Уэнди.

— Слишком поздно, времени нет,— ответил сын, глядя на нее сумасшедшими глазами. Затем он перевел взгляд на Хэллоранна, и в мозгу Дика возникло новое видение — часы под стеклянным колпаком. Те самые часы из бального зала, которые преподнес в дар владельцам «Оверлука» швейцарский дипломат в 1949 году. Стрелки часов показывали без одной минуты полночь.

— О, Господи... — похолодел Хэллоранн.— Господи ты Боже мой...

И, подхватив под мышки Уэнди с Дэнни, он помчался к лестнице.

Уэнди застонала от боли: Хэллоранн неудачно стиснул ее сломанные ребра, что-то щелкнуло в спине,— но Дик бежал не останавливаясь. Здоровый глаз широко распахнут, второй превратился в узенькую щелку — Хэллоранн несли вниз, перескакивая через ступеньки, похожий на

одноглазого пирата, похитившего заложников, за которых он рассчитывает получить солидный куш.

Внезапно его озарило свечением, и Хэлло-ранн понял, что именно имел в виду Дэнни, когда говорил, что уже слишком поздно. Дик почувствовал, что через секунду-другую в подвале грянет взрыв, который разнесет в клочки это чертово место.

Он метнулся через вестибюль и очертя голову бросился к двойным входным дверям.

* * *

Существо спустилось в подвал и заковыляло к тускло освещенной котельной. От страха у чудища потекла слюна. Оно было так близко, так близко к тому, чтобы заполучить мальчишку с его чудесной силой! И так проиграть... Нет, этого не должно произойти. Сейчас оно выпустит пар из котла, а потом покарает мальчишку. О, это будет жестокая кара!

— *Этого не должно случиться!* — вопило существо. — *Нет!*

Оно добралось наконец до котла, вся верхняя половина которого раскалилась докрасна и матово отливала алым. Котел гневно клокотал, дрожа мелкой дрожью. Тонкие струйки пара со свистом вырывались из щелей. Манометр зашкалило.

— *Нет, не допущу!* — закричала тварь и ухватила руками Джека Торренса за вентиль. Рас-

каленное железное кольцо увязло в пальцах твари, словно колесо в раскисшей колее. Потянуло паленым, но существо, не обращая внимания на вонь, изо всех сил пыталось открыть вентиль.

Наконец тот подался и стал поворачиваться. Издав торжествующий вопль, существо отвернуло вентиль до конца. Огромное облако пара с оглушительным ревом — словно дюжина огнедышащих драконов решила поупражняться в пении — вырвалось из котла. Не успело еще оно рассеяться, как стрелка манометра резко скакнула влево.

— Я ПОБЕДИЛ! — завопил монстр, выкидывая непристойные коленца в облаке горячего пара, и потряс обугленными кулаками. — Я УСПЕЛ! Я ПОБЕДИЛ! Я УСПЕЛ! Я УС...

Слова превратились в радостный визг, который, в свою очередь, потонул в оглушающем грохоте. Котел отеля «Оверлук» взлетел на воздух.

* * *

Хэллоранн выскочил из двойных дверей на узенькую дорожку, протоптанную в огромных сугробах, которые намело до самого крыльца. И увидел зверей из изгороди — гораздо четче, чем прежде. Дик понял, что сбываются самые худшие его опасения: звери столпились на полдороге между крыльцом и снегоходом, загораживая проход, и...

И в это мгновение грянул взрыв. Хэллоранну

показалось, будто все произошло в одну секунду, хотя позднее он понял, что ошибался.

Сначала раздался глухой рокот на низкой, всепроникающей ноте,

(БУМММММММММММ...)

затем в спину мягко ударила теплая волна, отбросила их с крыльца, и Хэллоранн успел подумать, кувыркаясь в воздухе, что так, наверное, чувствует себя супермен в полете, и, выронив Дэнни с Уэнди, со всего маху зарылся носом в сугроб. Снег набился за шиворот, в ноздри, приятно охлаждал развороченную скулу.

Затем он выполз из сугроба, перевернулся на спину и, совершенно забыв о зверях из изгороди, об Уэнди Торренс, даже о мальчишке, — завороченно стал смотреть на агонию «Оверлука».

* * *

Все окна «Оверлука» разлетелись на мелкие кусочки. Стекланный колпак каминных часов треснул, развалился пополам и грохнулся оземь. Прекратилось тиканье: винтики, маятник, балансир — все застыло в неподвижности. В 217-м номере раскололась ванна, пролив на пол лужицу зеленоватой смердящей жидкости. В президентских апартаментах воспламенились обои. Дверь-ширма в Колорадо-холле вдруг сорвалась с петель и упала прямо в столовую. В подвале занялся огнем ворох старых газет, и под его сводами весело загудел костер, который не могли погасить даже потоки кипящей воды. Обугливши-

еся газетные страницы свернулись и стали походить на осеннюю листву, из которой складывают костры под осиными гнездами. Затем взорвалась котельная, разнеся вдребезги балки подвальных сводов. Бревна посыпались на пол, словно кости динозавра. Газовая горелка котла превратилась в огненный столб, который с ревом вырвался в вестибюль через дыру в подвальном потолке. Дорожка, устилающая лестницу, вспыхнула на нижней ступеньке, и огонь понесся вверх по ковру, спеша сообщить ужасно хорошую новость второму этажу. Канонада взрывов распорола все нутро отеля. Огромная люстра в столовой со звоном рухнула двухсотфунтовой хрустальной бомбой на обеденные столики и рассыпалась на тысячи осколков. Изю всех пяти дымоходов «Оверлука» полыхнуло пламенем в разорванные облака.

(Нет! Этого не должно случиться! Не должно! НЕ ДОЛЖНО!)

Тварь визжала, но визг ее на сей раз не был слышен никому, заполняя проклятиями и причитаниями лишь ее же собственные уши. Существо стало таять, лишаясь рассудка и воли; расплзлось на лоскуты, шаря вокруг, но не находя то, что искало; затем поблекло, начало рассеиваться, распадаться, превращаясь в ничто. И наконец растворилось в воздухе.

Вечеринка закончилась.

УХОД СО СЦЕНЫ

Весь фасад отеля содрогнулся от взрыва. Из окон повывлетали стекла, посыпавшись на снег алмазными россыпями. Пес из изгороди, настигавший Дэнни и его маму, вдруг отпрянул, прижал зеленые, сумеречно-мраморные уши и трусливо поджал хвост. Хэллоранн «услышал», как собака заскулила от страха; к ее повизгиванью присоединился вой перепуганных львов. Хэллоранн поднялся на ноги, спеша помочь Уэнди и Дэнни, и вдруг увидел самое кошмарное из всех привидевшихся ему зрелищ: кролик из изгороди, весь усыпанный снегом, сумасшедше бился о металлическую сетку ограждения на дальнем конце игрового поля, извлекая из нее чудовищные звуки, похожие на треньканье призрачной цитры. Даже отсюда был слышен хруст прутьев и веток, составлявших скелет кролика.

— Дик! Дик! — звал на помощь Дэнни. Он пытался подсадить маму на снегоход. Вся одежда, которую приволок с собой Дэнни, была разбросана по снегу от крыльца до места их падения. Хэллоранн вдруг сообразил, что на Уэнди нет ничего, кроме ночной сорочки, а Дэнни стоит в одной рубашке. А мороз, наверное, градусов десять.

(боже мой, она же босая)

Хэллоранн, увязая в сугробах, подобрал пальто Уэнди, сапоги, непарные варежки и пальтиш-

ко Дэнни, и так же по сугробам, проваливаясь по пояс, стал пробираться к ним.

Уэнди была бледна как смерть, вся правая сторона шеи перепачкалась в крови, которая начала подмерзать.

— Я не могу... — еле слышно пробормотала она, погружаясь в полуобморочное состояние. — Нет, не могу... Прости...

Дэнни умоляюще взглянул на Хэллоранна.

— С ней все будет в порядке, — сказал Дик, беря Уэнди в охапку. — Пошли.

Они добрались до снегохода, и Хэллоранн, усадив Уэнди на пассажирское сиденье, надел на нее пальто. Затем, приподняв ее ступни — ноги, к счастью еще не обморозились, — он растер их докрасна пальтишком Дэнни и обул в сапоги. Лицо Уэнди побледнело как мел, зрачки почти закрылись, но зато ее вдруг забила дрожь. Это хороший симптом, решил Хэллоранн.

Позади один за другим раздалось три взрыва. Оранжевые всполохи озарили окрестности.

Дэнни что-то прокричал в ухо Хэллоранну.

— Что?! — не расслышал тот.

— Я говорю — тебе это нужно? — Дэнни показал на валяющуюся на снегу красную канистру.

— Да. Пожалуй, понадобится.

Подняв канистру, Хэллоранн встряхнул ее. В ней еще оставался бензин, правда неизвестно, сколько. Дик приторочил канистру к багажнику, потратив на это уйму времени — замерзшие пальцы почти не сгибались. Только сейчас Дик

обнаружил потерю: он где-то посеял рукавицы Хови Котрелла.

(если я выберусь отсюда, Хови, то моя сестра свяжет тебе хоть дюжину рукавиц)

— Садись! — крикнул Хэллоранн мальчишке. — Сейчас поедem!

— Мы так замерзнем! — крикнул в ответ Дэнни.

— Не замерзнем! Сейчас заедem в сарай... там есть попоны... или что-то вроде этого... Садись! Пристраивайся позади мамы!

Дэнни вскарабкался на снегоход. Хэллоранн обернулся и что есть мочи заорал прямо в лицо Уэнди:

— Миссис Торренс! Держитесь за меня! Слышите? *Держитесь!*

Она обвила его руками и прислонилась щекой к его спине. Хэллоранн завел двигатель и как можно осторожнее тронул ручку газа, чтобы снегоход тронулся с места плавно. Уэнди почти совсем лишилась сил — если она, не дай Бог, разожмет руки, то, повалившись назад, сорвется со снегохода вместе с Дэнни.

Они поехали. Хэллоранн вел снегоход по большой дуге, двигаясь параллельно отелю. Затем он немного подрезал радиус поворота, и снегоход начал огибать отель, на задворках которого и был расположен сарай.

На какое-то мгновение им открылась панорама вестибюля. Из подвала огромной свечой взметнулся через дыру в полу вестибюля газовый факел. Желтое пламя его, окаймленное си-

ним свечением, казалось, просто освещало вестибюль, не причиняя никакого вреда. Промелькнули регистрационная стойка с серебряным колокольчиком, банкоматы, старомодный, украшенный резьбой кассовый аппарат, коврики, кресла с высокими спинками, подушки, набитые конским волосом. Дэнни разглядел небольшую софу возле камина, на которой в день их приезда — в день закрытия сезона — сидели три монахини. Но подлинный день закрытия наступил только сегодня.

Потом наметенный на крыльце сугроб заслонил эту картину, а еще через секунду снегоход уже ехал вдоль западного крыла отеля. Было светло как днем. Хэллоранну даже не пришлось включать фару. Огонь перекинулся на верхние два этажа, из окон которых вырывались языки пламени. Ослепительно белый пейзаж посерел от оседающей копоти и как-то съежился от жара. Ставни, закрывающие украшенные витражами окна Президентских апартаментов — Джек сам устанавливал их в середине октября, строго придерживаясь инструкции по сборке, — ставни эти повисли дотлевающими головешками, открывая взору тьму Президентских апартаментов, похожих на беззубый рот, раскрытый в беззвучном предсмертном хрипе.

Уэнди, спасаясь от встречного обжигающего ветра, зарылась лицом в парку Хэллоранна, Дэнни же вжался в спину своей матери, так что *эту последнюю вещь* не видел никто, кроме Хэллоранна. А он о ней никому не стал говорить.

Ему показалось, что он увидел, как из окна Президентских апартаментов вылетела огромная, темная, зыбко колыхающаяся масса. Она была похожа на громадного призрачного ската. Ветер подхватил ее, растрепав, словно старую бумагу, скат расползся на маленькие лоскутки и исчез в клубках дыма, словно его и не было. Но в те несколько мгновений, когда черные ошметки завились спиралью, похожие на негативный снимок столба пыли в солнечных лучах, — в эти несколько мгновений Хэллоранн вдруг вспомнил случай из своего далекого детства.

Это было лет пятьдесят назад. Они с братом обнаружили огромное гнездо земляных ос в корнях старого, спаленного молнией дерева рядышком с фермой. Брат с самого четвертого июля хранил за околышем фуражки большую шутиху. И вот он поджег ее и сунул в осиное гнездо. Раздался оглушительный хлопок, шутиха взорвалась, потревоженное гнездо рассерженно загудело — почти застонало, — и из-под корней вылетел черный жужжащий рой. Они бежали тогда так, словно за ними гнались демоны. Между прочим, Хэллоранн тогда верил в существование демонов. В тот день, оглянувшись на бегу, Хэллоранн увидел нечто похожее на сегодняшнее видение: черную тучу ос, свивающихся в спираль, распадающихся на отдельные зыбкие клубки, — они высматривали врага, разорившего их дом, готовые (весь рой при этом действовал как единый организм) зажалить его до смерти.

Затем видение исчезло в облаках. В конце концов оно могло оказаться всего лишь дымом, или большим куском обугленных обоев.

И остался лишь «Оверлук» — язык пламени в ревущей глотке ночи.

* * *

У Хэллоранна был ключ от сарая, но он увидел, что отпирать дверь не придется. Она была распахнута настежь; амбарный замок висел на разомкнутой дужке.

— Я туда не пойду... — прошептал Дэнни.

— И не надо. Оставайся с мамой. Кажется, в сарае были старые конские попоны. Может, они уже все побиты молью, но все же лучше закутаться во что угодно, чем замерзнуть. Миссис Торренс, вы еще с нами?

— Не знаю, — раздался в ответ слабый голос. — Кажется, я в сознании.

— Замечательно. Я мигом, — сказал Хэллоранн.

— Возвращайся как можно быстрее, — прошептал Дэнни. — Пожалуйста.

Хэллоранн кивнул. Направив луч фары в дверной проем сарая, он побрел к нему, увязая в сугробах, отбрасывая перед собой длинную тень. Войдя в сарай, Хэллоранн огляделся. Груда попон была на прежнем месте — в углу возле пирамиды, в которую были уложены крокетные молотки. Хэллоранн переставил старые, покры-

тые плесенью, изъеденные жучками молотки, чтобы добраться до попон, и вдруг замер.

Молотков было всего четыре. Пятый куда-то исчез.

(Так он меня молотком ударил?)

Какая тебе разница, чем он тебя ударил? Хэллоранн осторожно ощупал развороченную скулу. Зубов придется вставлять долларов на шестьсот. Но все равно

(может, он меня и не молотком ударил. Может, молоток просто потерялся. Или его украл. Или взяли в качестве сувенира. В конце концов)

это не имеет значения. Будущим летом здесь некому будет играть в роук. И не только через год — вообще в обозримом будущем здесь вряд ли кто появится.

Это действительно не имело значения, если только не принимать во внимание то, что молотки совершенно заворожили Хэллоранна. Он поймал себя на мысли о том, что ему нравится, как молоток — *кфрак!* — бьет по деревянному шару. Такой приятный, такой летний звук. Бьешь и смотришь, как шар катится по

(кости. кровь)

лужайке. Звук этот вызывал в памяти

(кости. кровь)

чай со льдом, кресло-качалку на веранде, дам в белых соломенных шляпках, писк комаров и *(плохие мальчишки которые играют не по правилам)*

все в таком духе. Замечательная игра. Старомодная, но... симпатичная.

— Дик? — услышал вдруг Хэллоранн чей-то голос — тонкий, испуганный и довольно неприятный. — Дик, с тобой все в порядке? Выходи сейчас же. *Пожалуйста!*

(выходи ниггер хозяин зовет)

Глаза его вдруг стали пустыми, зловеще блестя в зареве пожара. Да, они заслужили бы такую участь. Она испортила все дело... боль... и почти во всем

(во всем)

виноват этот проклятый мальчишка. Конечно. Он оставил своего отца сгорать заживо в огне. Как подумаешь... — да ведь это почти убийство. Отцеубийство — вот как это называется. Подлый, однако, заговор.

— Мистер Хэллоранн? — Голос ее был слабенький, сварливый. Он очень не понравился Хэллоранну.

— *Дик!* — Это уже испуганно визжал мальчишка.

Хэллоранн вытащил из пирамиды один из молотков и повернулся к белому лучу света. Неуверенно, словно заводная кукла, переставляя ноги по дощатому полу сарая, Хэллоранн двинулся к выходу.

Вдруг он остановился, недоуменно разглядывая молоток. О чем это я, с ужасом подумал Хэллоранн. Что я замышлял? Убийство? *Я убийство замышлял?!*

Вдруг в сознание Хэллоранна ворвался сердитый, подначивающий голос, заполнивший собой каждую клеточку его мозга:

(Давай! Давай же, ниггер кастрированный! Что это у тебя поджилки трясутся? Убей их! УБЕЙ ОБОИХ!)

И тогда Хэллоранн тихо вскрикнул и отшвырнул молоток прочь. Тот отлетел в угол и грохнулся оземь возле груды попон, призывно поблескивая в свете фары.

Но Хэллоранн уже схватил несколько попон и выскочил из сарая.

Дэнни вскарабкался на сиденье водителя, а Уэнди ослабевшими руками держалась за сына. Лицо мальчика блестело от слез, он весь трясся, будто в лихорадке. Стуча зубами, он спросил, всхлипывая:

— Где ты пропадал? Мы так испугались!

— Да, тут есть чего бояться, — медленно произнес Хэллоранн. — Даже если это место выгорит дотла, ноги моей не будет милях в ста отсюда. Вот, миссис Торренс. Укутайтесь. Я вам помогу. И ты давай, Дэнни. Будешь похож на бедуюна.

Одно из одеял Хэллоранн обернул вокруг Уэнди, из другого соорудил подобие капюшона, потом укутал Дэнни, подпоясал обоих, чтобы попоны не сваливались, и сел за руль.

— А теперь держитесь покрепче, если хотите выжить. Дорога предстоит дальняя, но все худшее уже позади.

Обогнув сарай, снегоход выехал на недавно проторенную им же дорожку. «Оверлук» превратился в огненный столб, достигающий небес. В стенах отеля зияли огромные дыры, и сквозь

них можно было разглядеть царивший внутри огненный ад. Пламя вылизывало «Оверлук» изнутри, и он таял, осыпая себя пеплом. Растаявший на крыше снег низвергался по раскаленным водосточным трубам потоками кипятка.

Они выехали на лужайку перед отелем, освещенную заревом пожара. Сугробы отливали багрянцем.

— Глядите! — закричал вдруг Дэнни, когда Хэллоранн замедлил ход у ворот.

Мальчик показывал на игровую площадку.

Там, на прежних своих местах, стояли звери из изгороди. Только теперь они стояли голые, почерневшие, обугленные. Переплетенные ветви скульптур окоченели на морозе. Осыпавшаяся листва лежала под их лапами.

— Они сдохли! — истерически заорал Дэнни. — *Сдохли! Сдохли!*

— Тс-с-с... — стала успокаивать его Уэнди. — Все в порядке, солнышко. Все в порядке.

— Эй, док! — окликнул Дэнни Хэллоранн. — Давай-ка отправимся в местечко потеплее, а? Ты готов?

— Да, — прошептал Дэнни. — Я давно готов...

Хэллоранн осторожно выехал из ворот, и через секунду они уже были на дороге, ведущей в Сайдвиндер. Стрекот мотора стал тише, а вскоре и вовсе сошел на нет, заглушенный неумолчным воем ветра. Он гулял в прутьях изгороди, и казалось, что звери неутешно рыдают. Костер разгорался все яростнее, и вскоре после того, как стрекот мотора потонул в реве снежной бу-

ри, в «Оверлуке» обвалилась крыша. Сначала рухнули стропила западного крыла, затем — восточного, а вслед за ними обрушился и центральный свод. Огромный сноп искр взметнулся, завиваясь спиралью, в стонущее зимнее небо.

Горящие головешки разлетелись во все стороны, ветер подхватил ошметки дотлевающей кровельной дранки и швырнул их целой пригоршней в распахнутые двери сарая.

А немного погода запылал и сарай.

* * *

До Сайдвиндера оставалось примерно двадцать миль, когда Хэллоранн остановился, чтобы заправить бак. Его очень беспокоило состояние Уэнди Торренс, которая, похоже, теряла сознание. А путь впереди лежал неблизкий.

— *Дик!* — закричал вдруг Дэнни. Он стоял на сиденье и указывал куда-то вдаль. — *Дик, посмотри! Посмотри туда!*

Снег прекратился. Сквозь разрывы туч то и дело поблескивала серебряной монетой луна. Далеко внизу по направлению к «Оверлуку» двигалась по серпантину переливающаяся вереница огней. Ветер на мгновение затих, и Хэллоранн услышал приглушенный шум снегоходов.

Хэллоранн, Дэнни и Уэнди встретились с караваном через пятнадцать минут. Спасатели везли с собой одежду, брэнди, а также доктора Эдмондса.

Долгая ночь закончилась.

ЭПИЛОГ. ЛЕТО

Продегустировав приготовленные помощником салаты и закуски из запеченных по домашнему рецепту бобов, Хэллоранн снял передник, повесил его на крючок и улизнул из кухни через черный ход. У него было в запасе минут сорок пять — потом надо будет приступать к основным блюдам.

Пансионат «Красная стрела» затерялся в горах штата Мэн, в тридцати милях к западу от городка Рэйнджли. Хэллоранну нравилось здесь. Отдыхающих было немного, на чаевые они не скупились, и ни одного нарекания к шеф-повару с их стороны пока не было. Что совсем неплохо, если учесть, что полсезона уже позади.

Хэллоранн миновал расставленные под тентами столики летнего бара, обогнул плавательный бассейн (хотя непонятно, кому придет в голову плескаться в бассейне, когда буквально в нескольких шагах от него — озеро), пересек зеленую лужайку, на которой, весело смеясь, две пары играли в крокет, и поднялся на небольшой пригорок. Под кронами сосен гулял ветерок, напоенный смоляным духом и ароматом хвои.

На противоположном берегу среди деревьев были разбросаны летние домики с видом на озеро. Крайний в ряду домик — самый симпатичный — Хэллоранн еще в апреле, как только нанялся сюда, снял на весь сезон.

На крыльце домика в кресле-качалке сидела женщина с книгой в руках. Хэллоранн никак не мог привыкнуть к переменам в ее облике. Прежде всего бросалась в глаза, конечно, неестественно прямая, почти официальная поза женщины, никак не вязавшаяся с непринужденностью окружающей обстановки.

Это, конечно, из-за гипсового корсета. У нее был поврежден позвоночник, сломаны три ребра, а также ушиблены некоторые внутренние органы. Позвоночник заживал медленно, вот и приходилось носить корсет... Но с женщиной произошли и более существенные изменения. Она стала выглядеть старше, с лица исчезла улыбка. Глядя на нее сейчас, Хэллоранн впервые заметил окрашенную печалью красоту женщины, которая ускользнула от его взгляда тогда, девять месяцев назад, в день их знакомства. Когда он увидел ее впервые, она была еще совсем девочкой, а теперь в кресле-качалке сидела взрослая женщина, которой удалось вернуться с обратной стороны Луны и вновь сложить в целое рассыпавшееся было на части «я». Вот только частички эти не подогнать друг к другу так, как они были подогнаны прежде. Никогда.

Услышав шаги Хэллоранна, женщина закрыла книгу и подняла на него глаза.

— Привет, Дик! — она хотела привстать, но гримаса боли вдруг исказила ее лицо.

— Сиди, не вставай, — остановил ее Хэллоранн. — Когда я не в белом фраке, я на церемо-

ниале не настаиваю, — пошутил он, поднимаясь на крыльцо.

— Ну, как дела? — спросила она, улыбаясь, когда Дик уселся на перилах.

— Отлично, Уэнди! Сегодня попробуешь креветки по-креольски. Пальчики оближешь!

— Вот это да!

— А где Дэнни?

— Во-он сидит, — показала она, и Хэллоранн увидел маленькую фигурку на дальнем конце причала. Дэнни был одет в красную полосатую рубашку и джинсы, закатанные до колен. Он удил рыбу. На ровной глади воды поблескивал поплавок. Дэнни то и дело подсекал леску, осматривал крючок и вновь забрасывал удочку.

— Загорел как! — сказал Хэллоранн.

— Ага! — гордо взглянула на Дика Уэнди.

Хэллоранн достал сигарету, размял ее в пальцах, закурил. Дымок лениво поплыл в лучах солнечного света.

— Как он спит? — спросил Хэллоранн.

— Уже лучше, — ответила Уэнди. — Всего один кошмар за всю неделю. А раньше они снились ему чуть ли не каждую ночь. Ну уж по крайней мере два-три раза в неделю — точно. Взрывы. Изгородь. Но чаще всего ему снится... Впрочем, ты сам знаешь.

— Ага. С ним все будет в порядке, Уэнди. Она взглянула на Хэллоранна:

— Ты так думаешь? Я очень беспокоюсь.

Дик кивнул:

— Вы с ним оба отходите. Быть может, вы станете немного другими, но все будет в порядке. Вы оба уже не те, что были прежде, но это ведь необязательно к худшему.

Они немного помолчали. Уэнди раскачивалась в кресле, Хэллоранн курил. Дохнуло свежим ветерком, который одному ему известной дорожкой пробрался меж сосен, слегка взъерошив волосы Уэнди. Она, кстати, коротко подстриглась.

— Я решила согласиться на работу, которую предложил Эл. Мистер Шокли, я имею в виду,— сказала Уэнди.

Хэллоранн опять кивнул:

— Неплохая, должно быть, работенка... Интересная. Когда приступаешь?

— Сразу после Дня труда. Мы поедем в Мэриленд прямо отсюда, чтобы определиться с жильем. Честно говоря, меня убедил рекламный проспект торговой палаты. Прелестный городок для подрастающего мальчишки. Да и я не хочу жить на страховку, выплаченную после смерти Джека. Там больше сорока тысяч, и я хочу использовать их на учебу Дэнни. Да и после колледжа, надеюсь, останется еще денег на то, чтобы он открыл собственное дело. А на жизнь буду зарабатывать сама.

Хэллоранн кивнул.

— А как на это посмотрит твоя мать?

Уэнди устало улыбнулась.

— Думаю, Мэриленд все-таки достаточно далеко.

— Не забудешь старых друзей, а?

— Мне Дэнни не позволит. Сходи к нему, он ждет тебя весь день.

— Я тоже по нему соскучился.— Хэллоранн поднялся с перил, отряхнул с брюк мучную пыль.— С вами все будет в порядке,— повторил он.— Разве ты сама этого не чувствуешь?

Она снова улыбнулась, и улыбка на сей раз была гораздо теплее.

— Да,— сказала Уэнди и поцеловала руку Хэллоранна.— Иногда мне кажется, что так оно и будет.

— Креветки по-креольски,— напомнил Хэллоранн, спускаясь с крыльца.— Не забудь!

— Не забуду.

Хэллоранн спустился с пригорка по дорожке, посыпанной гравием, и по доскам, почерневшим от непогоды, добрался до причала. Дэнни сидел, свесив ноги в воду. В озере отражался подступающий к самому берегу сосновый бор. За лесом высились небольшие холмы — выветрившиеся, древние, со скругленными вершинами. Хэллоранну здесь очень нравилось.

— Ну как, много поймал? — спросил Дик, усаживаясь рядом с Дэнни. Сняв башмаки, Хэллоранн, охнув, погрузил усталые ступни в прохладную воду.

— Пока ничего не поймал. Но недавно кто-то клевал.

— Завтра утром мы возьмем с тобой лодку и поплывем на середину озера. И тыймаешь

там рыбу на обед, мой мальчик. Знаешь, какие здесь на глубине рыбы водятся? Огромные!

— Какого размера?

Хэллоранн пожал плечами:

— Ну... тут акулы есть, марлины, киты... Большие, в общем, рыбы.

— Здесь нет китов!

— *Синих* китов, конечно, нет. Здешние киты поменьше, не длиннее восьмидесяти футов. Розовые киты.

— А как они попали сюда из океана?

Хэллоранн взъерошил рыжие вихры мальчишки.

— Поднялись по течению, мой мальчик. Очень просто.

— Правда?

— Правда.

Они немного помолчали, глядя на неподвижную водную гладь. Когда же Хэллоранн, очнувшись от своих мыслей, вновь взглянул на Дэнни, он заметил, что глаза мальчишки полны слез.

— Эй, что случилось? — спросил Дик, обнимая его.

— Ничего, — прошептал Дэнни.

— Скучаешь по папе, да?

Дэнни кивнул:

— Ты всегда все знаешь.

Крупная слеза поползла по правой щеке мальчика.

— Конечно. У нас же нет с тобой секретов, — согласился Хэллоранн.

Дэнни отвернулся и сказал, глядя на удочку:

— Иногда мне хочется, чтобы на месте папы оказался я. Потому что это я во всем виноват. Только я.

— Ты не хочешь говорить об этом с мамой, правда?

— Правда. Она говорит, что об этом надо забыть. Я хочу забыть, но...

— Но не можешь.

— Да.

— Хочешь поплакать? — спросил Хэллоранн.

Мальчик попытался что-то ответить, но слова комом застряли в горле. Уткнувшись лицом в плечо Хэллоранну, Дэнни зарыдал. Слезы ручьем катились из глаз. Дик крепко обнял мальчишку, но не проронил ни слова. Дэнни не раз еще придется рыдать, прежде чем он выплачет свое горе. Слава Богу, думал Хэллоранн, что мальчишка в том возрасте, когда может себе это позволить. Слезы, которые лечат, — они еще и обжигают.

Когда Дэнни немного успокоился, Хэллоранн сказал:

— Это пройдет. Ты думаешь, что ты во всем виноват... Но это пройдет... Ты можешь све...

— Я не хочу! — всхлипывая, сказал Дэнни. — Я не хочу свечения.

— Но у тебя есть этот дар, и никуда от него не денешься, — тихо сказал Хэллоранн. — Я не знаю, хорошо это или плохо. Никто не знает. Но худшее позади. Зато ты сможешь сообщить мне о том, что тебе плохо. И если тебе вдруг бу-

дет действительно плохо, ты только позови меня — и я приеду.

— Даже если я буду в Мэриленде?

— Даже если ты будешь в Мэриленде.

Они опять замолчали, уставившись на поплавок, торчавший из воды футах в тридцати от причала. Потом Дэнни еле слышно спросил:

— Ты будешь моим другом?

— Всегда, пока ты захочешь дружить со мной.

Мальчишка крепко прижался к Дику. Хэлло-ранн обнял его еще крепче.

— Послушай, Дэнни, я хочу сказать тебе кое-что. Есть вещи, о которых не должен знать ни один шестилетний мальчишка на свете, но я все же скажу тебе об этом. Только один раз. Мир жесток, Дэнни. Ему ни до кого нет дела. Нет, конечно, он не испытывает ненависти ни к тебе, ни ко мне, но особой любви мы у него тоже не вызываем. В этом мире происходят страшные вещи, и никто не может найти им объяснения, мой мальчик. Хорошие люди вдруг умирают мучительной смертью, оставляя сирых своих близких, и тогда порой начинает казаться, что мир благосклонен лишь к плохим людям. Мир не любит тебя, Дэнни, но тебя любит мама. И я тебя тоже люблю. Ты хороший мальчик, Дэнни. Ты горюешь о своем папе. И если тебе вдруг захочется поплакать о нем, то ты должен пойти в чулан или зарыться в простыни — и выплакать свое горе. Так поступают хорошие сыновья. Но тебе надо расти, Дэнни.

Тебе надо вырасти в хорошего человека. Вот и вся твоя забота — жить в этом жестоком мире, сохранив свою любовь. Собраться и жить.

— Я понял,— шепотом сказал Дэнни.— Я приеду к тебе будущим летом, если ты захочешь... если ты не против. Мне будет уже семь лет.

— А мне — шестьдесят два. Смотри, чтобы я не задушил тебя в объятиях при встрече... Но давай-ка доживем пока до конца этого лета...

— Давай,— согласился Дэнни.— Дик?

— Чего?

— Ты ведь еще не скоро умрешь, правда?

— Как-то я об этом не задумывался... А ты?

— Нет, *сэр*. Я...

— У тебя клюет, сынок.— Хэллоранн показал на поплавок. Красно-белый поплавок то и дело исчезал под водой.

— *Эй!*— завопил Дэнни.

В это время к ним подошла Уэнди.

— Что это? — спросила она, встав за спиной Дэнни.— Щука?

— Нет, мэм,— ответил Хэллоранн.— Похоже, это розовый кит.

Леска натянулась, кончик удилица изогнулся дугой. Дэнни дернул удочку, в лучах солнца блеснула, переливаясь всеми цветами радуги, большая рыбина и, вновь натянув леску, исчезла под водой.

Дэнни, затаив дыхание, стал быстро сматывать катушку.

— Помоги мне, Дик! Я поймал его! Поймал! Помоги же!

Хэллоранн засмеялся:

— Ты сам прекрасно справишься, парень. Я не знаю, розовый ли это кит, или форель — но ты сам справишься с этой рыбиной. Ей-Богу!

Дик положил руку на плечо Дэнни, и мальчишка стал потихоньку выводить рыбу. Уэнди села по другую сторону Дэнни, и они так сидели втроем на причале под полуденным солнцем.

Стивен КИНГ

СВЕЧЕНИЕ

Книга вторая

**Ответственный редактор
Наталья Порошина**

**Художник
Илона Лехмус**

Сдано в набор 23.03.93. Подписано в печать 13.04.93.
Формат $70 \times 100^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Тираж 150 000 экз. Заказ 634. С — 000

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени

Чеховском полиграфическом комбинате

Министерства печати и информации

Российской Федерации

142300, г. Чехов Московской области

Это:

- 1). Совместно-издательская деятельность с рядом ведущих издательств в России и СНГ;
- 2). Розничная и оптовая книготорговая сеть;
- 3). Торгово-общественный центр, читальный зал периодики, хозрасчетная библиотека, отдел подписных изданий;
- 4). Благотворительная деятельность, спонсорство;
- 5). Большой ассортимент остродефицитных книжных новинок;
- 6). Оказание информационных, рекламных и посреднических услуг.

Фирма «Русич» является официальным дилером издательства «ПОЛИНА» по распространению печатной продукции в Российской Федерации.

Адрес: 214037, г. Смоленск, ул. 25 Сентября, 60

телефоны: 5-41-68

1-32-43

факс: (808100) 37-444

